

ЯЗЫК И НАЦИОНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ

*Вопросы
теории
и методологии*

ВОРОНЕЖ 2002

ВОРОНЕЖСКИЙ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ
ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК
Воронежский государственный университет
Московский общественный научный фонд
Институт перспективных российских исследований
им. Кеннана (США)
при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США)
и Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США)

ЯЗЫК И НАЦИОНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ

Вопросы теории и методологии

Научное издание

Воронеж
2002

Научные редакторы:

доктор филологических наук, профессор *З. Д. Попова*,
доктор филологических наук, профессор *И. А. Стернин*

Компьютерный набор и верстка – *И. А. Стернин*

Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. –

Ф42 Воронеж: Воронежский государственный университет, 2002. – 314 с.

ISBN 5-9273-0213-0

В монографии обобщаются результаты многолетних научных исследований теоретико-лингвистической школы кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского университета под руководством заслуженного деятеля науки РФ профессора *З. Д. Поповой* в области теоретических проблем изучения национальной концептосферы и национальных языков разных систем.

Рассматриваются основные теоретические понятия – концептуальная и языковая картина мира, концептосфера, языковая картина мира, когнитивная картина мира, художественная картина мира, семантическое пространство языка, языковое сознание, менталитет; разработано понятие коммуникативного сознания, раскрыто его место в диаде язык-мышление.

Для филологов, философов, психологов, психолингвистов, специалистов в области теоретического языкознания, когнитивных исследований.

ББК81.2-7

Данный проект был осуществлен при поддержке АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)», Министерства образования РФ, Института перспективных российских исследований им. Кеннана (США), Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США), Института «Открытое общество» (Фонд Сороса). Точка зрения, отраженная в данном документе, может не совпадать с точкой зрения доноров и организаторов программы.

© Коллектив авторов, 2002

© Воронежский МИОН, 2002

© Воронежский государственный университет, 2002

ISBN 5-9273-0213-0

С февраля 2001 года при Воронежском государственном университете в рамках благотворительной программы «Межрегиональные исследования в общественных науках» был организован Межрегиональный институт общественных наук. Программа осуществляется негосударственной некоммерческой общественной организацией АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)» совместно с Министерством образования Российской Федерации, Институтом перспективных российских исследований им. Кеннана (США) при содействии Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США), Института «Открытое общество» (Фонд Сороса).

Программа призвана способствовать расширению сферы научных исследований российских ученых-обществоведов, повышению качества фундаментальных и прикладных исследований, развитию уже существующих научных школ и становлению новых научных коллективов в области общественных и гуманитарных наук, обеспечению тесного взаимодействия российских ученых с их коллегами за рубежом и в странах СНГ.

Предлагаемая вниманию читателей коллективная монография посвящена научной проблеме, которая в последние годы все больше привлекает внимание лингвистов – национальной специфике языка и мышления.

Проблема «Язык и национальное сознание» выросла из осмысления проблем «Язык и общество», «Язык и мышление».

Взаимосвязь и взаимозависимость языка и говорящего на нем общества волнует лингвистов на протяжении последних двух столетий. О связи истории и культуры народа с его языком размышляли в XIX столетии Ф. Ф. Фортунатов, Г. Шухардт, позднее А. А. Шахматов, К. Фосслер, А. Мартине, У. Вайнрайх, Ш. Балли, В. Матезиус, В. И. Абаев, Б. А. Серебренников и многие другие. В трудах этих ученых убедительно показано, что разные явления из истории народа запечатлеваются в его памяти и находят свое языковое закрепление. Особенности культуры народа, его поверья, обряды, праздники также получают свое языковое отражение. Язык становится «живым свидетельством о народах» (Я. Гримм).

Обсуждению проблемы «язык и народ» способствовала гипотеза Э. Сепира и Б. Уорфа о подверженности человека влиянию своего языка. Чем больше появлялось исследований национальных языков в связи с национальным сознанием, тем больше выяснялось, что воздействие языка на человека имеет вторичный и частный характер, а первичный характер имеет воздействие национального сознания, национальной картины мира на язык народа.

Однако механизм этого воздействия не сразу стал понятен ученым. В. Гумбольдт интуитивно уловил существование «внутренней формы» национального языка, существование «народного духа». Но туманность этих категорий не давала сколько-нибудь прочной теоретической базы для лингвистических исследований. А. А. Потебня перевел обсуждение этой проблемы в рамки изучения связи между языком и мыслью. И все же понимание того, что связь между историей и культурой народа и его языком устанавливается в мышлении народа, пришло только после появления когнитивной лингвистики в последние десятилетия XX века. Именно когнитивная лингвистика ввела в научный обиход такие категории как концептосфера, семантическое пространство языка, концепт, концептуализация, категоризация и другие,

с помощью которых стало возможным говорить о процессе усвоения и обработки информации с помощью языковых знаков.

Особенности истории и культуры народа прежде всего проходят осмысление, входят в мир мысли народа, становятся составной частью его концептосферы, а затем уже, получая языковое выражение, включаются в семантическое пространство языка народа и в нем переживают иногда свое время.

В концептосферах разных народов много общего. З. И. Кирнозе называет такие общие для всех людей концепты как *земля, родина, мир, религия, труд, семья, материнство, отцовство, рождение, жизнь, смерть*. Вместе с тем, в каждом национальном культурном мире есть неповторимые, уникальные концепты, своеобразный их набор (Кирнозе, 2001, с. 80–82).

Развитие контрастивных исследований, активизация интереса исследователей к проблемам «язык и культура», «язык и мышление», расширение когнитивных, этнолингвистических исследований в современной науке о языке, развитие экспериментальных и психолингвистических исследований в сфере соотношения национальных языков и национального сознания, теоретическая разработка новых понятий – менталитет, языковое сознание, языковая картина мира, образ мира, концептосфера языка, семантическое пространство языка, коммуникативное поведение народа, когнитивные стереотипы и др., исследования в области лингвокультурологии и межкультурной коммуникации – все это привело к заметному повышению внимания исследователей к проблеме «язык и национальное сознание».

Кафедра общего языкознания и стилистики Воронежского университета, подготовившая данную монографию, занимается проблемами, ставшими столь актуальными в последнее время, уже в течение 30 лет. Кафедра разрабатывает проблему «Язык и национальное сознание» в интересах преподавания русского языка иностранным гражданам и иностранных языков учащимся с родным русским языком. По этим проблемам кафедрой выпущено более 20 межвузовских сборников и коллективных монографий, несколько авторских монографий и учебных пособий, а аспирантами кафедры защищено несколько десятков кандидатских диссертаций.

В первое время наши публикации носили характер практических описаний по отдельным, ограниченным фрагментам языковых систем разных языков. Только в середине 90-х гг. истекшего века мы подошли к постановке проблемы «Язык и национальное сознание» на теоретическом уровне. Соответствующие публикации читатель

найдет в наших сборниках: Язык и национальное сознание. Вып. 1. Воронеж, 1998. 159 с.; Язык и национальное сознание. Вып. 2. Воронеж, 1999. 243 с.; Язык и национальное сознание. Вып. 3. Воронеж, 2002. 160 с.; Культура общения и ее формирование. Вып. 8. – Воронеж, 2001. 225 с.; Культура общения и ее формирование. Вып. 9. – Воронеж, 2002. – 221 с.

Мы принимали участие в научных конференциях других вузов города и региона, включаясь в общее научное исследование этой проблемы. Отметим издания, в которых много публикаций по данной теме: Филология и культура. Ч. 1. Тамбов, 1999. 112 с.; ч. III. Тамбов, 1999. 205 с.; Филология и культура. Ч. 1. Тамбов, 2000. 207 с.; ч. 2. Тамбов, 2001. 187 с.; ч. 3. Тамбов, 2001. 197 с.; Когнитивная семантика. Ч. 1. Тамбов, 2000. 243 с.; ч. 2. Тамбов, 2000. 261 с.

Подробно проблемы и научный аппарат когнитивной лингвистики мы обсуждаем в книге: Полова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001. В настоящей монографии мы делаем первую попытку обобщить результаты наших размышлений по проблеме «Язык и сознание». Мы представим здесь ту часть научного аппарата, которая необходима для теоретического и методологического осмысления проблемы «Язык и национальное сознание».

Монография построена по принципу «от теории к практике». Понятийный аппарат исследования представлен в первой главе работы. Здесь кратко определяются основные теоретические понятия, используемые при описании соотношения языка и национального сознания, а также разграничиваются сходные понятия и термины, которые на данном этапе развития лингвистической науки нередко смешиваются исследователями.

Во второй главе рассматривается методика выявления национальной специфики языка и показывается, как эта методика может быть применена к описанию национальной специфики лексического и грамматического языкового сознания.

Третья глава посвящена языковой лакуарности. Показаны приемы выявления языковых лакун и способы интерпретации выявленных лакун разных типов как отражения национальной специфики языкового и когнитивного сознания.

В четвертой главе освещаются вопросы, связанные с изучением художественной картины мира и методами описания на конкретном материале ее национальной специфики.

Пятая глава посвящена методике изучения национального коммуникативного сознания. Показаны конкретные приемы эксперимен-

тального исследования различных коммуникативных концептов и категорий.

В подготовке монографии приняли участие члены проблемной группы кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского университета, работающие в рамках теоретико-лингвистической школы кафедры и межрегионального Центра коммуникативных исследований филологического факультета: д. ф. н., проф. Бабушкин А. П., д. ф. н., проф. Быкова Г. В., д. ф. н., проф. Гольдберг В. Б., асп. Ивашенко О. В., д. ф. н., проф. Копров Ю. В., к. ф. н., доц. Лаенко Л. В., соиск. Махонина А. А., к. ф. н., доц. Панкина М. Ф., д. ф. н., проф. Попова З. Д., д. ф. н., проф. Стернин И. А., д. ф. н., доц. Стернина М. А., д. ф. н., доц. Топорова В. М., к. ф. н., доц. Хаустова Э. Д., д. ф. н., доц. Чарыкова О. Н.

Авторы отдельных глав и разделов монографии указаны в соответствующих главах.

Глава I

Язык и сознание: теоретические разграничения и понятийный аппарат

(З. Д. Попова, И. А. Стернин)

1. Понятие концептосферы
 2. Понятие картины мира
 3. Язык и мышление
 4. Когнитивное сознание и языковое сознание
 5. Языковое сознание и коммуникативное сознание
 6. Национальная специфика мышления
 7. Концептосфера и семантическое пространство языка
 8. Концепт и слово
 9. Концепт и значение
 10. Полевая модель концепта
 11. Типы концептов
 12. Когнитивные классификаторы
 13. Лакуны и концепты
 14. Язык и художественная картина мира
 15. Концептосфера и менталитет
 16. Коммуникативное сознание и коммуникативное поведение
 17. Национальный концепт как микромодель национального сознания
- Литература к главе I

1. Понятие концептосферы

Когнитивная лингвистика широко обсуждает категорию концептосферы человека – области знаний, составленной из концептов как ее единиц.

Термин «концептосфера» был введен в отечественной науке академиком Д. С. Лихачевым. Концептосфера, по определению акад. Д. С. Лихачева, это совокупность концептов нации, она образована всеми потенциями концептов носителей языка. Чем богаче культура нации, ее фольклор, литература, наука, изобразительное искусство, исторический опыт, религия, тем богаче концептосфера народа (Лихачев, 1993, 5).

И концепты, и соответственно концептосфера – сущности ментальные (мыслительные), ненаблюдаемые. Современные научные данные убедительно подтверждают реальность существования концептосферы и концептов, а именно, реальность мышления, не опирающегося на слова (невербального мышления). Подробнее об этом пойдет речь ниже.

Необходимо также указать на то, что концептосфера носит, по-видимому, достаточно упорядоченный характер. Концепты, образующие концептосферу, по отдельным своим признакам вступают в системные отношения сходства, различия и иерархии с другими концептами. А. Н. Лук писал, что даже между понятиями *небо* и *чай* существует смысловая связь, которая может быть установлена, к примеру, следующим образом: *небо* – *земля*, *земля* – *вода*, *вода* – *пить*, *пить* – *чай* (Лук 1976, 15).

Конкретный характер системных отношений концептов требует исследования, но общий принцип системности, несомненно, на национальную концептосферу распространяется, поскольку само мышление предполагает категоризацию предметов мысли, а категоризация предполагает упорядочение ее объектов.

Таким образом, концептосфера – это упорядоченная совокупность концептов народа.

Можно говорить также о существовании групповых концептосфер (профессиональная, возрастная, гендерная и т. д.), а также индивидуальной концептосферы отдельного человека, но нас в данной книге интересует именно национальная концептосфера.

Концептосфера народа образует его *информационную базу* (термин А. А. Залевской).

2. Понятие картины мира

В последнее время выражение «картина мира» получило широкое употребление в самых различных областях гуманитарных наук. Понятие картины мира действительно важно для современной науки, но оно требует четкого определения, поскольку неопределенность данного понятия и вольное обращение с ним не позволяет представителям разных дисциплин понять друг друга, достичь согласованности в описании картины мира средствами разных наук. Особенно важно определить это понятие для лингвистики и культурологии, которые в большей степени, чем другие науки, используют в последнее время данное понятие.

Полагаем, что к проблеме общего определения понятия картины мира следует подойти с общенаучной, гносеологической точки зрения, что позволит разграничить принципиально различающиеся виды *картины мира*.

Под картиной мира в самом общем виде предлагается понимать *упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (групповом, индивидуальном) сознании*.

Принципиальным представляется разграничение двух картин мира – непосредственной и опосредованной.

Непосредственная картина мира – это картина, получаемая в результате прямого познания сознанием окружающей действительности. Познание осуществляется как при помощи органов чувств, так и при помощи абстрактного мышления, которым располагает человек, однако в любом случае эта картина мира не имеет «посредников» в сознании и формируется как результат непосредственного восприятия мира и его осмысления.

Непосредственная картина мира, возникающая в национальном сознании, зависит от того способа, общего метода, которым она была получена. В этом смысле картина одной и той же действительности, одного и того же мира может различаться – она может быть рациональной и чувственной; диалектической и метафизической; материалистической и идеалистической; теоретической и эмпирической, научной и «наивной», естественнонаучной и религиозной; физической и химической и т. д.

Подобные картины мира являются исторически обусловленными – они зависят в своем содержании от достигнутого к тому или иному историческому этапу уровня познания; они меняются с изменением исторических условий, с достижениями науки, развитием ме-

тодов познания. В отдельных обществах или слоях общества может доминировать на протяжении длительного времени какая-то одна картина мира, определяемая господствующим методом познания.

Непосредственная картина мира тесно связана с мировоззрением, но отличается от мировоззрения тем, что она представляет собой содержательное знание, в то время как мировоззрение относится скорее к системе методов познания мира. Мировоззрение определяет метод познания, а картина мира – это уже результат познания, она существует непосредственно в сознании.

Непосредственная картина мира включает как содержательное, концептуальное знание о действительности, так и совокупность ментальных стереотипов, определяющих понимание и интерпретацию тех или иных явлений действительности.

Когнитивная картина мира в сознании личности системна и влияет на восприятие личностью окружающего мира:

- предлагает классификацию элементов действительности,
- предлагает приемы анализа действительности (объясняет причины явлений и событий, прогнозирует развитие явлений и событий, предсказывает последствия событий),
- упорядочивает чувственный и рациональный опыт личности для его хранения в сознании, памяти.

Национальная когнитивная картина мира представляет собой общее, устойчивое, повторяющееся в картинах мира отдельных представителей народа. В связи с этим национальная картина мира, с одной стороны – некоторая абстракция, а с другой – когнитивно-психологическая реальность, обнаруживающаяся в мыслительной, познавательной деятельности народа, в его поведении – физическом и вербальном. Национальная картина мира обнаруживается в единообразии поведения народа в стереотипных ситуациях, в общих представлениях народа о действительности, в высказываниях и «общих мнениях», в суждениях о действительности, пословицах, поговорках и афоризмах.

Непосредственная, прямая картина мира – это результат отражения мира органами чувств и мышлением человека, результат познания и изучения мира общественным или индивидуальным сознанием. Она может быть названа также *когнитивной*, так как представляет собой результат когниции (познания) действительности и выступает в виде совокупности упорядоченных знаний – концептосферы. Н. М. Лебедева пишет: «Наша собственная культура задает нам когнитивную матрицу для понимания мира, так называемую «кар-

тину мира» (Лебедева, 1999, 21). Таким образом, *когнитивная картина мира* – это те понятия и стереотипы, что в восприятии и понимании мира нашим сознанием задаются культурой. *Опосредованная картина мира* – это результат фиксации концептосферы вторичными, знаковыми системами, которые материализуют, овнешняют, существующую в сознании непосредственную когнитивную картину мира. Таковы языковая и, видимо, художественная картины мира.

Языковая картина мира – это совокупность представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа, зафиксированных в единицах языка.

Мышление народа не опосредуется его языком, что можно считать в современной лингвистике установленным фактом, однако оно выражается, фиксируется, номинируется, овнешняется языком, и изучение представлений о действительности, зафиксированных в языке определенного периода, позволяет судить о том, каково было мышление народа, какова была его когнитивная картина мира в этот период. Однако, подчеркнем еще раз со всей определенностью – языковая картина мира не равна когнитивной, последняя неизмеримо шире, поскольку названо в языке далеко не все содержание концептосферы, далеко не все концепты имеют языковое выражение. Поэтому судить о когнитивной картине мира по языковой картине мира можно лишь в ограниченном масштабе, все время имея в виду, что в языке названо только то, что имело или имеет сейчас для народа *коммуникативную значимость* – об этом народ говорит или говорил. Коммуникативная значимость языковой единицы, по-видимому, связана с ее достаточно выраженной *ценностью* для сознания народа.

Когнитивная картина мира существует в виде концептов, образующих концептосферу народа, языковая картина мира – в виде значений языковых знаков, образующих совокупное *семантическое пространство* языка.

Описание языковой картины мира как картины мира, опосредованной языковыми знаками, дает существенные сведения о когнитивной картине мира, но эти сведения исследователю нужно извлекать из языка специальными приемами – в этом особенность вторичной, опосредованной картины мира: она не влияет на человека непосредственно в акте поведенческо-мыслительной деятельности. На непосредственное мышление и поведение человека в той или иной ситуации когнитивная картина мира влияет, а языковая – нет, именно в силу своей опосредованности, вторичности. «Членение мира», к примеру, осуществляется когнитивными классификатора-

ми и принадлежит когнитивной картине мира, а язык вовсе не членит действительность – он отражает, фиксирует когнитивное членение, осуществляемое концептосферой – непосредственной, первичной картиной мира, язык сигнализирует о таком членении.

✓ Языковой образ мира создается:

номинативными средствами языка – лексемами, устойчивыми номинациями, фразеологизмами, обеспечивающими то или иное членение и классификацию объектов национальной действительности, а также значимым отсутствием номинативных единиц (лакунарность разных типов);

функциональными средствами языка – отбором лексики и фразеологии для общения, составом наиболее частотных, то есть коммуникативно релевантных языковых средств народа на фоне всего корпуса языковых единиц языковой системы,

образными средствами языка – национально-специфической образностью, метафорикой, направлениями развития переносных значений, внутренней формой языковых единиц,

фоносемантикой языка,

дискурсивными средствами /механизмами/ языка – специфическими средствами и стратегиями текстопостроения, аргументации, ведения спора, диалога, построения монологических текстов, особенностями стратегий и тактик коммуникативного поведения народа в стандартных коммуникативных ситуациях, приемами построения текстов разных жанров (например, афоризмов, анекдотов, рекламы и т. д.),

стратегиями оценки и интерпретации языковых высказываний, дискурсов текстов разных жанров, критериями оценки их как образцовых или не образцовых, убедительных и неубедительных, удачных или неудачных.

Изучение языковой картины мира само по себе имеет чисто лингвистический смысл – для описания языка как системы, для выявления того, что есть в языке и как составляющие язык элементы в нем упорядочены; но если исследователь интерпретирует полученные результаты для выявления обозначенных языком когнитивных структур сознания, описание языковой картины мира выходит за пределы чисто лингвистического исследования и становится частью лингвокогнитивного исследования – используется для моделирования и описания концептосферы, концептуальной картины мира. Языковые знаки, слова выступают в этом случае средством доступа к единой информационной базе человека (А. А. Залевская) – его концептосфере, являются методом выявления когнитивных структур.

Таким образом, системное исследование языка, исследование системных отношений в языке, а также исследование его национального семантического пространства – это моделирование вторичной, опосредованной, языковой картины мира. Важным элементом выявления языковой картины мира является сопоставление языка с другими языками.

Описание языковой картины мира включает в себя:

описание членения действительности, отраженного языком в языковых парадигмах (лексико-семантических и лексико-фразеологических группах и полях);

описание национальной специфики значений языковых единиц (какие семантические различия выявляются в сходных значениях в разных языках);

выявление отсутствующих единиц (лакун) в системе языка;

выявление эндемичных (безэквивалентных) единиц в том или ином языке.

Когнитивная интерпретация результатов исследования языковой картины мира для описания первичной, когнитивной картины – лингвокогнитивный метод изучения концептосферы народа.

Таким образом, изучение языковой картины мира может оставаться в рамках чистой системной лингвистики, а в случае когнитивной интерпретации результатов может выступать как инструмент изучения первичной картины мира, концептосферы народа. Еще раз подчеркнем: эти два направления в описании языковой картины мира нельзя путать и тем более ставить знак равенства между ними: языковая картина мира лишь частично отражает концептосферу и лишь фрагментарно позволяет судить о концептосфере, хотя более удобного доступа к концептосфере, чем через язык, видимо нет.

Таким образом, когнитивная картина мира и языковая картина мира связаны между собой как первичное и вторичное, как ментальное явление и средство доступа исследователя к нему.

3. Язык и мышление

Проблема соотношения языка и мышления в современной науке рассматривается в свете концепции *универсального предметного кода* как нейрофизиологического субстрата мышления. Эта концепция была разработана Н. И. Жинкиным, опиравшимся на некоторые фундаментальные идеи, высказанные Л. С. Выготским. Дальнейшую разработку этой идеи находим в работах И. Н. Горелова.

«Единицы мысли и единицы речи не совпадают», – писал Л. С. Выготский. «Процесс порождения высказывания он сравнивал с нависшим облаком, которое проливается дождем слов. Иначе говоря, исследователь обозначил существование двух качественно отличных языков, которые взаимодействуют в сознании человека: языка мысли и языка словесного» (Горелов, Седов, 1998, 62–63).

Согласно концепции Н. И. Жинкина, базовым компонентом мышления является особый «язык интеллекта» (его-то и назвал исследователь универсальным предметным кодом).

Применив методику речевых помех, Н. И. Жинкин показал, что мышление не связано с речедвигательным кодом и осуществляется в особом несловесном предметно-образном коде, который получил название «универсальный предметный код» (сокращенно – УПК). Единицами универсального предметного кода являются наглядные образы, формирующиеся в сознании человека в процессе восприятия им окружающей действительности. Код этот имеет принципиально *невербальную природу* и представляет собой систему знаков, представляющих собой результат чувственного отражения действительности в сознании. Это «язык» схем, образов, осязательных и обонятельных впечатлений реальности, кинетических (двигательных) импульсов и т. п. При помощи этих образов и осуществляется мышление человека.

«Н. И. Жинкин характеризует этот код как непроизносимый, в котором отсутствуют материальные признаки слов натурального языка, и где обозначаемое *является вместе с тем и знаком* (выд. авторами. – З. П., И. С.)» (Котов, Новиков, 1982, 5).

В посмертно вышедшей книге «Речь как проводник информации» Н. И. Жинкин отмечал: «Интеллект, для которого предназначается сообщение, не понимает естественного языка. У него есть собственный информационный язык. На этом языке он строит гипотезы, доказательства, делает выводы, выносит решения и т. д.» (Жинкин, 1982, 18); интеллект «вырабатывает понятия, суждения, делает умозаключения и выводы с тем, чтобы отразить действительность и указать мотивы человеческой деятельности. Все эти операции не зависят от того, на каком языке говорит человек» (там же, 88).

На универсальном предметном коде происходит формирование замысла речи, первичная запись личностного смысла, который стремится выразить говорящий. Движение от мысли к слову происходит на первых этапах развертывания этого процесса с использованием невербального кода, который в ходе порождения речи перекодиру-

ется в языковую форму. Порождение речи, таким образом, это переход с кода чувственных образов на обычный вербальный язык. В процессе восприятия и понимания языка мы, наоборот, переводим языковые единицы на универсальный предметный код.

Единицы универсального предметного кода – это нейрофизиологические единицы, кодирующие в биоэлектрической форме все знания и хранящие их в таком виде в долговременной памяти человека. Это образы, схемы, картины, чувственные представления, эмоциональные состояния, которые объединяют и дифференцируют элементы знаний человека в его сознании, памяти по различным основаниям. Универсальный предметный код является нейрофизиологическим субстратом мышления, который существует и функционирует независимо от национального языка и обеспечивает как непосредственно сам процесс мышления, так и начальный этап порождения речи (речевое высказывание начинается с личного смысла, выраженного универсальным предметным кодом), а также завершающий этап понимания речи (понимание речевого высказывания завершается «переводом» на универсальный предметный код, получением личностного смысла).

Таким образом, концепты кодируются в сознании единицами УПК, комбинирование единиц УПК с закрепленными ими концептами и представляет собой процесс мышления, а слова, язык используются лишь для того, чтобы передать результаты мышления другим, для сообщения результатов мышления, но не для осуществления самого процесса мышления (подробнее см.: Попова, Стернин, 2001б, 19–36).

4. Когнитивное сознание и языковое сознание

Понятием сознания оперируют все гуманитарные и значительная часть естественных наук, хотя это понятие относится к наиболее трудно определяемым понятиям современной науки.

Отметим, что в науке пока нет четкого разграничения терминов *мышление* и *сознание*. Эти понятия трактуются по-разному, иногда противопоставляются друг другу, иногда употребляются как синонимы. В нашем понимании термин *сознание* в принципе акцентирует статический аспект явления, а мышление – *динамический*. Сознание – это свойство мозга, мышление – это деятельность мозга, наделенного сознанием (то есть мыслительная деятельность). Именно в этом аспекте нам представляется возмож-

ным разграничить *мышление* и *сознание*, раз уж существуют эти два термина. В данной работе мы сосредоточимся на изучении *сознания*.

В философской и психологической литературе *сознание* определяется как свойство (функция) высокорганизованной материи – мозга, заключающаяся в способности человека отражать внешнее бытие в форме чувственных и умственных образов. При этом отмечается, что мыслительные образы сознания определяют целесообразную деятельность человека, сознание регулирует взаимоотношения личности с окружающей природной и социальной действительностью, дает возможность личности осмыслить собственное бытие, внутренний духовный мир и позволяет совершенствовать действительность в процессе общественно-практической деятельности. Сознание существует в различных формах.

«Большой толковый словарь русского языка» под ред. С. А. Кузнецова (СПб, 1998) определяет сознание так:

1. Человеческая способность воспроизведения действительности в мышлении.

2. Восприятие и понимание окружающей действительности, свойственные человеку; мыслительная деятельность, ум, разум. // Способность осмысленно воспринимать действительность (потеря сознания)

3. Понимание, осознание человеком, группой людей общественной жизни; взгляды, воззрения людей как представителей общественных классов, слоев.

4. Ясное понимание, осознание чего-либо, мысль, чувство, ощущение чего-либо (сознание долга).

5. разг. Сознательность (Где твое сознание?)

Нетрудно заметить, что все значения, включая пятое, в равной степени относятся к сознанию как отражению действительности и просто раскрывают разные его стороны.

Современные представления о сознании исходят из множественности видов и форм сознания.

Можно выделить следующие виды сознания:

по предмету мыслительной деятельности (сфере приложения сознания) различают политическое, научное, религиозное, экологическое, бытовое, классовое, эстетическое, экономическое и др.;

по принадлежности субъекту сознания различают гендерное, возрастное, социальное (профессиональное, гуманитарное, техническое), личное, общественное, групповое и т. д. сознание;

по степени сформированности различают развитое и неразвитое сознание;

по принципу, лежащему в основе сознания, различают глобальное, демократическое, консервативное, прогрессивное, реакционное и т. д. сознание;

по обеспечиваемому навыку, виду интеллектуальной деятельности, обеспечиваемому сознанием – креативное, техническое, эвристическое, художественное и т. д.

Возможна и дальнейшая классификация, что, однако, не входит в данный момент в наши задачи. Все эти виды сознания являются видовыми разновидностями сознания «вообще», или «просто сознания», рассматриваемого глобально, комплексно. Сознание «вообще» предлагается назвать когнитивным, подчеркивая его ведущую «познающую» сторону – сознание формируется в результате познания субъектом окружающей действительности, а содержание сознания представляет собой знания о мире, полученные в результате познавательной деятельности сознания.

Последнее время все более широкое распространение получает понятие «языковое сознание». Каково соотношение этого понятия с понятием когнитивного сознания?

Понятие «языковое сознание» в настоящее время широко используется в названиях сборников и конференций – Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996; Языковое сознание: формирование и функционирование. М., 1998; Языковое сознание и образ мира. М., 2000 и др., оно используется лингвистами, психологами, культурологами, этнографами и др. Языковое сознание описывается как новый объект психолингвистики, сформировавшийся в последние 15 лет (Языковое сознание и образ мира, 2000, 24). Отметим, что понятия сознания и языкового сознания в лингвистике и психолингвистике, а также в культурологии часто при этом все еще употребляются недифференцированно, нередко как синонимы.

Так, в одной из первых специальных работ по проблеме языкового сознания (коллективная монография «Язык и сознание: парадоксальная рациональность» под ред. Е. Ф. Тарасова, вышедшая в Институте языкознания РАН в 1993 г.), научный редактор констатирует: «в монографии «языковое сознание» и просто «сознание» используются для описания одного и того же феномена – сознания человека» (с. 7).

В настоящее время такой подход уже остался в прошлом, и многие исследователи указывают, что между сознанием и языковым сознанием нельзя ставить знак равенства. Можно сказать, что понятие

языкового сознания прошло за последние десятилетия определенную эволюцию. Однако, тем не менее, до сих пор ясности в разграничении этих двух понятий нет и наблюдается очень широкая трактовка языкового сознания, что делает это понятие научно несодержательным. Т. Н. Ушакова совершенно справедливо отмечает, что понятие языкового сознания полезно и перспективно для исследования соотношения психики и речи, однако в настоящее время имеет оно достаточно широкое и неопределенное «референтное поле», подчеркивая, что это «таит в себе опасность для научной мысли: при громадности проблемы связи психики и материи возникает искушение представлять переход от одного к другому как простой и непосредственный» (Языковое сознание и образ мира, 2000, 22).

В этом же издании Е. Ф. Тарасов дифференцирует сознание и языковое сознание, определяя последнее как «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых с помощью языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей (Языковое сознание и образ мира, 2000, 26).

Отметим, однако, что в данном определении совмещены два аспекта – формирование сознания и его овнешнение, что далеко не одно и то же. Сознание в онтогенезе и филогенезе формируется *при участии* языка, знаки которого служат материальными опорами обобщения в процессе образования концептов в сознании, однако само сознание, как указывалось выше, в языке для функционирования не нуждается. Что касается овнешнения сознания языком, то этот бесспорный факт, делающий сознание доступным для наблюдения и обеспечивающий саму возможность обмена информацией в обществе, не может свидетельствовать о наличии некоторого особого языкового сознания – овнешняется просто «сознание», которое не приобретает при этом какого-либо особого «языкового» статуса.

На неудачность выражения «языковое сознание» обращает внимание А. А. Леонтьев: «эпитет «языковой» в словосочетании «языковое сознание» не должен вводить нас в заблуждение. К языку как традиционному предмету лингвистики этот эпитет прямого отношения не имеет. Изображать язык (в традиционно-лингвистической его трактовке) как то, что опосредует отношение человека к миру – значит попадать в порочный круг» (Язык и сознание: парадоксальная рациональность, 1993, 17).

Термин «языковое сознание» для обозначения общей связи языка и сознания (что не вызывает и никогда не вызывало ни у кого ника-

ких сомнений) либо для обозначения факта овнешнения сознания языком не может быть признан содержательным. Он не дает какого-либо нового понимания проблемы.

Вместе с тем, в лингвистике и психолингвистике до сих пор не терминологизированы психические механизмы речи, обеспечивающие речевую деятельность человека. Представляется, что именно эти механизмы представляют собой языковое сознание человека. Еще процитируем Е. Ф. Тарасова: «Лингвистика, имея в качестве объекта анализа языковое сознание, исследуемое чаще всего на основе его вербальных фиксаций, создала изощренные аналитические процедуры, психологическая реальность которых не всегда очевидна» (Язык и сознание: парадоксальная рациональность, 1993, 15).

С этим высказыванием следует полностью согласиться: традиционная лингвистика изучает именно языковое сознание – правила употребления языка, нормы, упорядоченность языка в сознании и т. д., не отдавая себе отчета в психологической реальности выполняемых описаний. На каком-то этапе этого было достаточно, но на современном этапе именно коммуникативное, антропоцентрическое направление в лингвистике стало доминирующим, и именно потому, что возник закономерный интерес к функционирующему в реальной коммуникации, а не мертвому, абстрагированному от носителя языку. Это и привело к развитию исследований в области психических механизмов коммуникации – ассоциативно-вербальных сетей (Краулов), ассоциативных полей и др.

Под *языковым сознанием* (в другой терминологии – *языковое мышление, речевое мышление*) – предлагается понимать совокупность психических механизмов порождения, понимания речи и хранения языка в сознании, то есть *психические механизмы, обеспечивающие процесс речевой деятельности человека*. Этими проблемами занимаются в разных аспектах психология, психолингвистика, нейролингвистика, онтолингвистика, возрастная лингвистика (ср. Тарасов, 2000, 24). Это «знания, используемые коммуникантами при производстве и восприятии речевых сообщений» (Этнокультурная специфика языкового сознания, 1996, 11).

Языковое сознание изучается экспериментально, в частности, при помощи свободного ассоциативного эксперимента – он позволяет реконструировать различные связи языковых единиц в сознании и выявить характер их взаимодействия в различных процессах понимания, хранения и порождения речевых произведений, а также другими экспериментальными методами.

Таким образом, языковое сознание – это часть сознания, обеспечивающая механизмы языковой (речевой) деятельности: порождение речи, восприятие речи и хранение языка в сознании. Именно психолингвистика является той наукой, предметом которой является языковое сознание человека.

Языковое сознание – компонент когнитивного сознания, «заведующий» механизмами речевой деятельности человека, это один из видов когнитивного сознания, обеспечивающий такой вид деятельности как оперирование речью. Оно формируется у человека в процессе усвоения языка и совершенствуется всю жизнь, по мере пополнения им знаний о правилах и нормах языка, новых словах, значениях, по мере совершенствования навыков коммуникации в различных сферах, по мере усвоения новых языков.

Однако речевая деятельность человека сама является компонентом более широкого понятия – коммуникативной деятельности человека. В связи с этим возникает проблема разграничения языкового и коммуникативного сознания.

5. Языковое сознание и коммуникативное сознание

Коммуникативное сознание – это совокупность коммуникативных знаний и коммуникативных механизмов, которые обеспечивают весь комплекс коммуникативной деятельности человека. Для русского человека это совокупность знаний о том, как надо вести общение в России.

Языковое сознание (речевое мышление) – это механизмы, обеспечивающие порождение, восприятие речи и хранение языка в сознании. Для русского человека это совокупность сведений о том, какие единицы и правила есть в русском языке и как надо говорить на русском языке.

Коммуникативное сознание *включает* языковое (понимаемое в рассмотренном выше смысле) как составную часть, но не исчерпывается им.

Языковое сознание – часть коммуникативного сознания, его исследуют психолингвистика, нейролингвистика, психология, логопедия, в какой-то степени – методика обучения языку. Коммуникативное же сознание не изучается до сих пор какой-либо специальной наукой, хотя изучение коммуникативного сознания, особенно его национальной специфики, уже назрело. Интерес к коммуникативному

сознанию народа начинают проявлять культурология и лингвокультурология, этнография, этнолингвистика и новая формирующаяся наука о межкультурной коммуникации.

Традиционная, классическая описательная лингвистика изучает язык как систему единиц и правил их употребления. Такой подход предполагает описание того, что есть в языке, что уже зафиксировано в текстах, словарях и устной речи, что устоялось и определилось и является общепринятым. Обучение языку базируется на результатах описательной лингвистики и ее основных продуктах – словарях и грамматиках. Изучение же того, насколько психологически реальны составленные словари и грамматики, насколько они адекватно отражают языковое сознание народа, а также исследование того, как человек порождает, воспринимает и хранит в сознании язык – это уже сфера не лингвистики, а психолингвистики, которая «изучает язык как феномен сознания» (Р. М. Фрумкина) и, следовательно, изучает не столько сам язык, сколько языковое сознание.

Таким образом, изучение коммуникативного сознания народа предполагает как изучение его языкового сознания, так и изучение чисто коммуникативных знаний, правил и закономерностей, входящих в сознание народа. Подчеркнем, что коммуникативное сознание народа в целом, в единстве его языковой и чисто коммуникативной составляющей, входит интегральной составной частью в когнитивное сознание нации, являясь компонентом общего когнитивного сознания народа.

6. Национальная специфика мышления

Принципиальным является разграничение следующих понятий: процессы мышления, формы мышления, информационная база мышления и мышление как индивидуальный творческий акт.

Процессы мышления носят объективный характер и протекают по единым законам работы мозга. Это биоэлектрические колебания в нейронах головного мозга, которые обеспечивают жизнедеятельность мозга и функционирование сознания.

Формы мышления (логическое и рациональное мышление, понятия, представления, суждения, умозаключения и др.) одинаковы у всех людей и универсальны, они не зависят от того, на каком языке говорит тот или иной человек или народ.

Информационная база мышления представляет собой, в нашем понимании, совокупность дискретных ментальных единиц, упорядоченных в сознании, то есть не что иное как концептосферу.

В информационной базе человека есть компоненты (концепты), общие для всех народов; есть национально-специфические концепты (имеющие национальное своеобразие при частичном совпадении по содержанию у разных народов), а также сугубо национальные, безэквивалентные, эндемические концепты, характерные только для национального сознания отдельного народа.

Сам процесс мышления как индивидуальный творческий ментальный акт протекает в рамках информационной базы человека, опираясь на нее и обрабатывая новые поступающие данные, трансформируя их, делая из них выводы и строя умозаключения. В процессе творческого мышления национальная специфика не обнаруживается, поскольку творческий акт мышления всегда индивидуален.

Таким образом, процессы мышления, формы мышления и часть информационной базы человека носят универсальный, общечеловеческий характер и не проявляют национальной специфики. Вместе с тем, национальная специфика мышления существует и она связана с наличием национальной специфики информационной базы мышления (концептосферы).

7. Концептосфера и семантическое пространство языка

Принципиальным для современной когнитивной лингвистики представляется разграничение концептосферы и семантического пространства языка.

Концептосфера – это чисто мыслительная сфера, состоящая из концептов, существующих в виде мыслительных картинок, схем, понятий, фреймов, сценариев, гештальтов (более или менее сложных комплексных образов внешнего мира), абстрактных сущностей, обобщающих разнообразные признаки внешнего мира. Концептосфере принадлежат и когнитивные классификаторы, способствующие определенной, хотя и не жесткой организации концептосферы.

Семантическое пространство языка – это та часть концептосферы, которая получила выражение с помощью языковых знаков. Вся совокупность значений, передаваемых языковыми знаками данного языка, образует *семантическое пространство* данного языка.

В семантическом пространстве мы различаем лексико-фразеологические и синтаксические концепты, то есть концепты, которые объективированы соответственно словами, фразеосочетаниями или синтаксическими структурами.

Изучая семантическое пространство языка, мы получаем достоверные знания о той части концептосферы, которая в нем представлена. В семантическом пространстве когнитивные классификаторы представлены интегральными семантическими признаками – классемами и архисемами разного объема и содержания.

Однако получить знания о всей концептосфере народа, группы людей или отдельного человека только по изучению семантического пространства нельзя, поскольку концептосфера гораздо объемней и шире семантического пространства языка.

Вместе с этим, динамика развития и изменения концептосферы прежде всего обнаруживается в речевой деятельности людей – появление новых номинаций сигнализирует о возникновении новых концептов. Однако лишь с течением времени отдельные новации, возникшие в концептосфере, могут найти свое выражение в устойчивых, стандартных языковых средствах, и то в том случае, если в этом будет коммуникативная необходимость.

Значительная часть концептосферы народа представлена в семантическом пространстве его языка, что и делает семантическое пространство языка предметом изучения когнитивной лингвистики.

Семасиология (отдел лингвистической науки, изучающий значения языковых единиц) установила, что семантика языка (семантическое пространство языка) – это не набор, не инвентарь семем, а сложная их система, образованная пересечениями и переплетениями многочисленных и разнообразных структурных объединений и групп, которые «упакованы» в цепочки, циклы, ветвятся как деревья, образуют поля с центром и периферией и т. п. Эти отношения отражают отношения концептов в концептосфере языка. И по отношениям между значениями в семантическом пространстве языка можно судить об отношении концептов в национальной концептосфере.

Устанавливая строение семантического пространства разных языков, лингвисты получают сведения о некоторых особенностях когнитивной деятельности человека, поскольку удастся конкретизировать содержание и структуры знаний, находящихся в концептосфере людей.

Между концептами как единицами мыслительной деятельности существуют связи – по концептуальным признакам. Они просматриваются через языковые значения, через единицы, объективирующие концепты в языке, поскольку эти связи в языке маркированы – общностью морфем, просодем, фонетических сегментов, фоносемантически, а значит, могут быть обнаружены и описаны лингвистом.

Человечество живет на одной планете, всем светит одно и то же Солнце, но в разных уголках Земли в сознание людей попадают разные впечатления, что-то важное для одних и осмысленное ими может пройти мимо внимания других и т. д.

Концептосферы разных народов, как показывает изучение семантического пространства разных языков, существенно различаются и по составу концептов, и по принципам их структурирования. Лингвисты установили эти различия, занимаясь теорией перевода, типологией языков мира, контрастивным изучением двух языков в процессе преподавания иностранного языка. В лингвистике стал азбучной истиной тезис, что по устройству одного языка нельзя изучать устройство другого так же, как по плану одного города нельзя осматривать другой город. Национальная специфика концептосферы находит свое отражение и в национальной специфике семантических пространств языков. Сходные концепты у разных народов могут быть сгруппированы по разным признакам.

Сопоставление семантических пространств разных языков позволяет увидеть общечеловеческие универсалии в отражении окружающего людей мира, и в то же время выявляет специфическое, национальное, а затем и групповое, и индивидуальное в наборе концептов и их структуризации.

Как семантическое пространство языка, так и концептосфера однородны по своей природе, это мыслительные сущности. Разница между языковым значением и концептом состоит лишь в том, что языковое значение – квант семантического пространства – прикреплено к языковому знаку, а концепт как элемент концептосферы с конкретным языковым знаком не связан. Он может выражаться многими языковыми знаками, их совокупностью, а может и не иметь представленности в системе языка; концепт может существовать на основе альтернативных знаковых систем, таких как жесты и мимика, музыка и живопись, скульптура и танец и др.

Итак, концептосфера – область мыслительных образов, единиц УПК, представляющих собой структурированное знание людей, их информационную базу, а семантическое пространство языка – часть концептосферы, получившая выражение (вербализацию, объективацию) в системе языковых знаков – слов, фразеосочетаний, синтаксических структур.

Изучая семантическое пространство языка, исследователь получает определенные знания о концептосфере носителей этого языка, об объективированной знаками языка и отраженной в его семанти-

ческом пространстве; необходимо только помнить, что эти знания о концептах, полученные из семантического пространства языка, не дают полного представления о концептосфере, поскольку концептосфера всегда шире семантического пространства языка.

8. Концепт и слово

Концепт как единица концептосферы может иметь словесное выражение, а может и не иметь его. Возникает, таким образом, проблема вербализации (другими словами – языковой объективации, языковой репрезентации) концептов.

Современные экспериментальные исследования показывают, что механизм мышления и механизм вербализации – разные механизмы и осуществляются на разной нейролингвистической основе.

А. Р. Лурия показал, что процессы мышления и вербализации локализованы в разных участках коры головного мозга, что свидетельствует об их автономности (Лурия, 1998). Он показал также, что отдельным этапам и компонентам речепорождения соответствует деятельность вполне определенных участков мозга, и нарушение деятельности того или иного участка ведет к расстройству отдельного механизма речепорождения, что свидетельствует о многоуровневости и многокомпонентности механизма вербализации.

Вербализация может осуществляться в виде внешней речи в ее разновидностях, а также в виде письма. Механизмы речи и письма оказываются достаточно автономными: можно уметь говорить, но не уметь писать, можно утратить речь, но сохранить письмо, можно хорошо писать, но плохо говорить и др. Каждый отдельный механизм вербализации требует особой тренировки, особой системы упражнений – это хорошо знают преподаватели иностранных языков. Разные механизмы вербализации усваиваются человеком с разной степенью легкости, хранятся с разной степенью прочности и утрачиваются с разной скоростью.

В универсальном предметном коде человек оперирует некоторыми личностными концептами. Эти концепты выступают своеобразными кирпичиками, элементами в его мыслительном процессе, из них складываются комплексные концептуальные картины в процессе мышления. Эти концепты могут иметь, а могут и не иметь прямых коррелятов в естественном языке, которым человек пользуется. Когда же человек в ходе мышления комбинирует отдельные концепты в пучки или концептуальные комплексы, вероятность того, что

в языке для них найдется точный коррелят, еще более уменьшает-ся. В таком случае, если возникает необходимость вербализации подобного концептуального комплекса, чаще всего приходится пользоваться словосочетаниями или развернутыми описаниями, а иногда и целыми текстами, чтобы передать требуемый смысл в наиболее полном объеме, наиболее адекватно. Таким образом, форма вербализации личностного смысла говорящего может быть различной; весьма различной может оказаться и эффективность передачи личностного смысла собеседнику.

Концепт есть комплексная мыслительная единица, которая в процессе мыслительной деятельности (в соответствии с голографической гипотезой считывания информации А. А. Залевской) поворачивается разными сторонами, актуализируя в процессе мыслительной деятельности свои разные признаки и слои; соответствующие признаки или слои концепта вполне могут не иметь языкового обозначения в родном языке человека.

Отметим также, что одно и то же слово может в разных коммуникативных условиях репрезентировать, представлять в речи разные признаки концепта и даже разные концепты – в зависимости от коммуникативных потребностей, от объема, количества и качества той информации, которую говорящий хочет передать в данном коммуникативном акте и, естественно, в зависимости от смысловой структуры используемого слова, его семантических возможностей.

Когда концепт получает языковое выражение, то те языковые средства, которые использованы для этого, выступают как *средства вербализации, языковой репрезентации, языкового представления, языковой объективации концепта.*

Концепт репрезентируется в языке:

готовыми лексемами и фразеосочетаниями из состава лексико-фразеологической системы языка, имеющими «подходящие к случаю» семемы или отдельные семы разного ранга (архисемы, дифференциальные семы, периферийные (потенциальные, скрытые); свободными словосочетаниями;

структурными и позиционными схемами предложений, несущими типовые пропозиции (синтаксические концепты),

текстами и совокупностями текстов (при необходимости экспликации или обсуждения содержания сложных, абстрактных или индивидуально-авторских концептов).

Языковой *знак представляет* концепт в языке, в общении. Слово представляет концепт не полностью – оно своим значени-

ем передает несколько основных концептуальных признаков, релевантных для сообщения, передача которых является задачей говорящего, входит в его интенцию. Весь концепт во всем богатстве своего содержания теоретически может быть выражен только совокупностью средств языка, каждое из которых раскрывает лишь его часть.

Произнесенное или написанное слово является средством доступа к концептуальному знанию, и, получив через слово этот доступ, мы можем подключить к мыслительной деятельности и другие концептуальные признаки, данным словом непосредственно не названные. Слово, таким образом, как и любая номинация – это ключ, «открывающий» для человека концепт как единицу мыслительной деятельности и делающий возможным воспользоваться им в мыслительной деятельности. Языковой знак можно также уподобить включателю – он включает концепт в нашем сознании, активизируя его в целом и «запуская» его в процесс мышления.

Концепты могут быть *устойчивыми* – имеющими закрепленные за ними языковые средства вербализации, актуальными для мышления и общения, регулярно вербализуемыми, и *неустойчивыми* – не имеющими закрепленных за ними средств вербализации, нестабильными, еще формирующимися, глубоко личностными, редко или практически совсем не вербализуемыми.

Наличие языкового выражения для концепта, его регулярная вербализация поддерживают концепт в стабильном, устойчивом состоянии, делают его общеизвестным (поскольку значения слов, которыми он передается, общеизвестны, они толкуются носителями языка, отражаются в словарях).

Итак, языковые средства необходимы не для существования, а для сообщения концепта. Слова, другие готовые языковые средства в системе языка есть для тех концептов, которые обладают коммуникативной релевантностью, то есть необходимы для общения, часто используются в информационном обмене.

Таким образом, концепты могут иметь языковое выражение, а могут и не иметь его. Очень многие, если не большинство концептов, видимо, не имеют системных языковых средств выражения, так как они обслуживают сферу индивидуального мышления, где без них невозможно мыслить, но далеко не все они предназначены для обсуждения.

9. Концепт и значение

Для современных исследований в области когнитивной лингвистики очень важно различать концепт и языковое значение (семему).

Психофизиологическая основа концепта – некий чувственный образ, к которому «прикреплены» знания о мире, составляющие содержание концепта.

В слове мы различаем звуковую составляющую – означающее (*лексему*), и смысловую составляющую – означаемое (*семему*). Одна лексема способна означать несколько семем; всю совокупность семем, означаемых одной лексемой, мы называем семантема.

В семеме различают денотативную (предметно-логическую) часть и коннотативную часть (субъективно-оценочную). По преобладанию той или иной части в составе семемы различаются семемы денотативные и коннотативные. Денотативная первая семема (Д1) соответствует прямому номинативному значению слова по В. В. Виноградову. Денотативная вторая (Д2) семема – это производно-номинативное значение слова по В. В. Виноградову.

Коннотативная мотивированная семема (К1) сохраняет логическую связь с денотативной семемой их общей лексики. Коннотативная немотивированная семема (К2) эту связь утратила.

Каждая семема состоит из *сем, семантических признаков* – компонентов ее значения. Подробно все эти термины и их определения изложены нами в книге (Попова, Стернин, 1984).

Вычленив и описывая семемы, а в их составе – семы, устанавливая системные (парадигматические) отношения между семемами по семам в рамках семантемы (совокупности семем одного слова), лингвист должен понимать, что это еще не сами концепты, единицы концептосферы, это лишь отдельные их составляющие, *репрезентированные* той или иной семемой или семой. И даже вся совокупность признаков, полученная из семантического анализа многих языковых знаков, объективирующих концепт, не представит нам содержания концепта полностью, потому что мир мыслей никогда не находит полного выражения в языковой системе.

Современная семасиология представляет смысловое содержание слова как систему семем и сем (семантических признаков), имеющих полевою структуру – с ядром, ближней, дальней и крайней периферией. Есть основания думать, что и концепт имеет полевою организацию. По крайней мере, наличие в нем ядра (прототипичес-

кого образа УПК), более конкретных и более абстрактных слоев признаков представляется очевидным.

Знак УПК как наиболее яркий образ, кодирующий концепт, входит, по-видимому, в ядро концепта; он носит *индивидуальный* чувственный характер и как таковой может выявляться и описываться исключительно психолингвистическими методами. Этот образ может быть выявлен в ходе лингвистического интервью: «Опишите наиболее яркий образ, который у вас связан с понятием (словом) X», «X – внешне какой?», «X – что делает?» и т. д.

Экспериментальное исследование показало, что наиболее яркие наглядные образы у носителей русского языка связаны с названиями астрономических тел, транспортных средств, предметов быта, времен года, месяцев, времени суток, наименований частей тела человека и животных, названий лиц по родственным отношениям, наименований растений, приборов и аппаратов, печатных изданий, частей ландшафта. Наиболее яркие образы были выявлены для таких единиц как солнце, луна, кровь, автобус, стол, ночь, зуб, уголь, бабушка, мать, трава, парта, телефон, ключ, книга, лес, магазин, дождь, собака, яблоко, журнал, чай, очки, улица, газета, голубь.

Интересно, что те или иные образы обнаружены и для абстрактной лексики – они тоже имеют чувственный характер, но более субъективны, резче различаются у разных испытуемых: религия – церковь, монахи, молящиеся люди, иконы, библия, свечи; молчание – люди со сжатыми губами и выразительными глазами, пустая комната, тишина; быт – мытье посуды на кухне, телевизор в доме, уборка квартиры; математика – цифры, формулы, графики, примеры в учебнике, в тетради или на доске, исписанная формулами доска и т. д. (Бибчук, 1991).

Если же конкретный наглядный образ выявляется как групповой, совпадающий у группы испытуемых (ср., например, образы, выявляемые некоторыми частотными ассоциативными реакциями в ходе свободного ассоциативного эксперимента: береза – белая, пустыня – песок и т. д.), то этот образ уже можно рассматривать как факт концептосферы народа, как относительно стандартизованный образ, обработанный и «признанный» национальным сознанием.

Отметим, что обработанного, стандартного образа в сознании отдельной личности может не быть, либо он будет иметь яркую личностную составляющую, поскольку образ УПК формируется из опыта личной перцептивной деятельности человека.

Концепт в сознании отдельного человека может быть вообще полностью личностным по содержанию. В таком случае говорят – «у него свое понятие о...», «у него свое представление о...». Это может обнаружиться и в словоупотреблении такого человека – он будет употреблять для экспликации своего концепта общеизвестные слова, но в таком смысле, который не является общепринятым, либо ему потребуется значительный по объему экспликативный текст, либо такой человек окажется вообще неспособным словесно вербализовать свой индивидуальный концепт.

Проблема обучения языку и развитие мышления в процессе обучения и воспитания есть прежде всего проблема формирования в сознании тех, кого мы обучаем, стандартных, принятых в данном обществе за образец концептов. В этом случае язык используется в своей основной функции – коммуникативной, для пояснения значений слов и через них – для формирования в сознании учащихся соответствующих концептов. Однако концепт как единица мышления, будучи сформированной, приобретает субъективно-личностный характер и его содержание вербализуется в значениях используемых для его номинации слов в неполном, ограничиваемом этими системными значениями объеме.

Из всего сказанного следует, что нельзя смешивать значение и концепт: концепт – единица концептосферы, информационной базы человека, значение – единица семантического пространства языка. Значение своими системными семами передает определенные признаки, образующие концепт, но это всегда лишь часть информационного содержания концепта. Для полной экспликации концепта нужны обычно многочисленные лексические единицы, а значит – многие значения.

10. Полевая модель концепта

Зная организацию значения слова, которое по современным представлениям, имеет полевую структуру (архисема в ядре, дифференциальные семы на ближней периферии, скрытые семы на дальней периферии) мы можем предположить, что и концепт имеет многокомпонентную и многослойную организацию, которая может быть выявлена через анализ языковых средств ее репрезентации.

Концепт может получить полевое описание – в терминах ядра и периферии. К ядру будут относиться прототипические слои с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, первичные наиболее

яркие образы; более абстрактные признаки составят периферию концепта. Периферийный статус того или иного концептуального признака вовсе не свидетельствует о его малозначности или маловажности в поле концепта, статус признака указывает на меру его удаленности от ядра по степени конкретности и наглядности образного представления.

Концепт как единица структурированного знания имеет определенную, но не жесткую организацию: он состоит из *компонентов (концептуальных признаков)*, которые образуют различные концептуальные слои. Концептуальные признаки в условиях вербализации концепта предстают как семы, а концептуальные слои иногда могут совпадать с семемами (но далеко не всегда, концептуальных слоев обычно больше, чем семем). Слои находятся по отношению друг к другу в отношениях производности, возрастания абстрактности каждого последующего уровня.

Периферия состоит из слабо структурированных предикаций, отражающих интерпретацию отдельных концептуальных признаков и их сочетаний в виде утверждений, установок сознания, вытекающих в данной культуре из менталитета разных людей. Этот слой содержания концепта мы обозначаем термином «интерпретационное поле концепта» (Попова, Стернин, 2001а, 27–30). Например, в интерпретационное поле концепта «труд» в русском сознании входят такие установки, как: *не следует спешить начинать работу, кто трудится, тому и плохо, только труд ведет к богатству, честный труд не приводит к богатству и т. д.* Их противоречивость объясняется именно их принадлежностью не к ядру концепта, а к интерпретационному полю, которое содержит «выводы из концепта» разных групп людей. Интерпретационное поле слабо структурировано, но очень важно для понимания национальной концептосферы и национального менталитета, его описание – необходимый элемент описания концептосферы.

Когнитивная лингвистика дает надежный материал для построения модели концепта. Представляется, что языковые средства позволяют наиболее простым способом выяснять признаки концептов. Сравните, например, с трудностями описания концептов, выражаемых средствами несловесных искусств (музыки, живописи, архитектуры, скульптуры и т. п.).

Лингвист может установить общенародное ядро концепта, а все текущие и перемещающиеся слои концепта можно лишь в той или иной степени обнаруживать, указывать на них, но четкая организация, как

уже отмечалось выше, для них не характерна, поэтому и моделировать концепт как структуру (подобно фонологической, лексико-семантической, грамматической структуре) в принципе невозможно. Можно, видимо, перечислить признаки и концептуальные слои, представить их положение в поле концепта, но не более того, поскольку концепт все время функционирует, актуализируется в разных своих составных частях и аспектах, соединяется с другими концептами и отталкивается от них. В этом и заключается смысл мышления.

Мы уже предлагали метафорическую модель концепта как облака (ср. образ нависшего облака, которое проливается дождем слов у Л. С. Выготского). Эту же метафору использует Г. В. Токарев (Токарев, 2000). Н. Н. Болдырев предлагает метафору снежного кома (Болдырев, 2000). В ходе обсуждения модели концепта мы пришли к выводу о необходимости и в «облаке» вычленять ядро и окружающие его слои когнитивных признаков.

Типы концептов весьма разнообразны. Однако любой концепт, независимо от типа, имеет базовый слой. Базовый слой концепта всегда представляет собой определенный чувственный образ (автобус - желтый, тесно, трясет; искусство – картины; религия - церковь, молящиеся люди). Этот образ представляет собой единицу универсального предметного кода (Н. И. Жинкин, И. Н. Горелов), кодирующую данный концепт для мыслительных операций, и поэтому может быть назван кодирующим. Если теперь концепт метафорически представить как некий плод, то базовый чувственный образ будет выглядеть как косточка плода.

Базовый образ может исчерпывать содержание концепта, если концепт отражает конкретные чувственные ощущения и представления либо вычленяется в сознании очень примитивно мыслящих индивидов. Это отражение бытийного уровня сознания (В. П. Зинченко). В более сложных концептах дополнительные когнитивные признаки наслаиваются на базовый образ и образуют мякоть плода. Признаков может быть много, они могут образовывать относительно автономные концептуальные (когнитивные) слои и наслаиваться как слои в облаке от более конкретного слоя к более абстрактному.

Таким образом, базовый слой концепта – это чувственный образ, кодирующий концепт как мыслительную единицу в УПК, плюс некоторые дополнительные концептуальные признаки. Когнитивные слои, отражающие развитие концепта, формирующие его отношения с другими концептами, дополняют базовый когнитивный слой.

Когнитивными эти слои называются потому, что они отражают определенный результат познания внешнего мира, то есть результат когниции. Когнитивные слои образуются концептуальными признаками. Совокупность базового слоя и дополнительных когнитивных признаков и когнитивных слоев составляют объем концепта. Подчеркнем, что многочисленных когнитивных слоев в концепте может не быть, но базовый когнитивный слой с чувственно-образным ядром есть у каждого концепта, иначе концепт не может фиксироваться в универсальном предметном коде как дискретная единица мышления (смысловая отдельность), не может функционировать как мыслительная единица.

Можно, как представляется, говорить о трех типах моделей концептов – одноуровневые, многоуровневые и сегментные концепты.

Одноуровневый концепт включает только чувственное ядро, фактически – один базовый слой. Таковы концепты – предметные образы (Н. Н. Болдырев), некоторые концепты-представления, такие как *желтый, зеленый, соленый*, бытовые концепты типа *ложка, чашка, тарелка*. В таком виде существуют, видимо, многие концепты в сознании ребенка, а также в сознании интеллектуально неразвитой личности. В сознании большинства людей концепты сложнее.

Концепт может быть *многоуровневым* – включать несколько когнитивных слоев, различающихся по уровню абстракции, отражаемому ими и последовательно наслаивающихся на базовый слой. Таковы большинство концептов, вербализуемых многозначными лексемами, в которых значения внутри семантемы различаются по степени абстракции. В качестве примера многоуровневого концепта можно привести концепт *грамотный*, который, кроме базового слоя (образ – пишущий человек), включает целый ряд слоев, различающихся по степени абстрактности – см. Попова, Стернин, 2001б, 153–155 и след.).

Наконец, концепт может быть *сегментным*, представлять собой базовый чувственный слой, окруженный несколькими сегментами, равноправными по степени абстракции.

Пример сегментного концепта – *толерантность*. Чувственно-образное ядро – наглядный образ спокойного, вежливого, невозмутимого, сдержанного человека (эксперимент проведен под нашим руководством. – Е. И. Гришук).

Это кодирующий образ, единица универсального предметного кода.

Базовый слой включает когнитивные признаки – терпимость, сдержанность, которые наслаиваются на базовый, кодирующий образ и составляют вместе с ним базовый слой концепта.

Сегменты:

Политическая толерантность – терпимость к людям других политических взглядов, уважение к иным политическим позициям, признание права каждого на свои политические убеждения;

Научная толерантность – терпимость к другим точкам зрения в науке, допущение разных теорий и научных школ в рамках одной науки, в рамках одного научного направления;

Бытовая толерантность – терпимость к формам поведения, мнениям и высказываниям ближайшего окружения. Она проявляется в межличностных отношениях;

Педагогическая толерантность – терпимость к собственным действиям, учащимся, умение понять и простить их несовершенства; Административная толерантность – умение руководить без нажима и агрессии, признавать, что и ты можешь допускать ошибки, способность прощать слабости и несовершенства подчиненным;

Религиозная толерантность – терпимость к людям иной веры, уважение к чужим религиозным убеждениям;

Этническая толерантность – уважительное, терпимое отношение к людям другой национальности. Противоположное понятие – ксенофобия;

Спортивная толерантность – отсутствие предубеждения к другим спортивным командам, уважительное, объективное отношение к другим спортивным командам и их болельщикам;

Музыкальная толерантность – уважительное отношение к различным музыкальным стилям и их поклонникам, отсутствие пренебрежения к тем, кому нравится другая музыка;

Медицинская толерантность – физиологическая выносимость пациентом применения того или иного препарата, переносимость лекарства;

Экологическая толерантность – способность живых существ переносить те или иные изменения в окружающей среде.

В языке когнитивным слоям или сегментам соответствуют семемы.

В каждом слое или сегменте есть дискретные элементы – концептуальные признаки.

Кроме ядра и базовых слоев, концепт имеет объемную интерпретационную часть, отражающую интерпретацию отдельных концептуальных признаков и их сочетаний в виде утверждений,

установок сознания, вытекающих в данной культуре из содержания концепта.

Например, в интерпретационное поле концепта «брань» войдут такие установки, как *бранью праву не быть, спорить спорь, а браниться грех*, и с другой стороны – *Не выбранившись, и замка в клетке не откроешь. Брань на воротах не висит. Собака лает, ветер носит*: таким образом, русское сознание брань с одной стороны осуждает, а с другой – извиняет и прощает.

Противоречивость установок объясняется, как уже указывалось выше, именно их принадлежностью к интерпретационному полю концепта, которое содержит «выводы» из разных когнитивных признаков ядра и составляет периферию концепта. Стереотип или установка – это готовые суждения по поводу тех или иных концептов и их признаков. Они входят в интерпретационное поле соответствующих концептов.

Исследованию подлежит как ядро, так и периферия, однако важно дифференцировать их в процессе описания, поскольку их статус и роль в структуре сознания и в процессах мышления различны.

Полевая модель концепта представляется нам теперь следующим образом:

в ядре – прототипическая единица УПК (она может быть как общенародной, так и групповой и индивидуальной);

базовые слои, обволакивающие ядро, в последовательности от менее абстрактных к более абстрактным; общенародные признаки этих слоев лежат в основе достигаемого взаимопонимания людей при обмене концептами; количество и содержание этих слоев в сознании разных людей различно;

интерпретационное поле концепта, содержащее оценки и трактовки содержания ядра концепта национальным, групповым и индивидуальным сознанием.

11. Типы концептов

Концептосфера языка – это совокупность концептов разных типов: мыслительных картинок, схем, фреймов и сценариев (Бабушкин, 1996).

Концепты – мыслительные картинки представляют когнитивные структуры, репрезентирующие внешние характеристики предметов окружающей действительности – их цветовую палитру, конкретную конфигурацию, другие внешние признаки («ромашка» – травяни-

тое растение с одиночными белыми перистыми цветами на конце ветвистого стебля, желтым цветоложем конической формы, с характерным запахом); под рубрику концепта-схемы подводятся пространственно-графические (объемные и контурные) параметры реалий в отвлечении от их видовых характеристик («дерево» – многолетнее растение с твердым стволом и отходящими от него ветвями, образующими крону); концепт-фрейм – это ментальная «голография», ситуативно-объемное представление фрагмента действительности («город» – крупный населенный пункт, административный, торговый, промышленный и культурный центр); концепт-сценарий репрезентирует поэтапную динамику действий, закрепленных в коллективной памяти носителей языка («драка» – ссора, сопровождаемая взаимными побоями).

Типы концептов носят всеобщий характер и не зависят от языка их вербализации.

Если типы концептов – принадлежность мыслительных процессов, универсальных для всего человечества, то собственно картина мира соотносится с содержанием концептов, которое разнится от языка к языку.

Именно в содержании концептов (отражаемых в «зеркале» языка) фиксируются несходства в культурном опыте тех или иных народов. Значит, о национальных картинах мира можно говорить только на уровне содержательной стороны концептосферы языка, а не на уровне ее формальной (по типам концептов) организации.

12. Когнитивные классификаторы

Понятие классификаторов одним из первых ввел в научный обиход Дж. Лакофф. В статье «Мышление в зеркале классификаторов» он писал, что различные народы мира классифицируют, казалось бы, одни и те же реалии совершенно неожиданно. В каждой культуре существуют специфические сферы опыта (рыбная ловля, охота и другие), которые определяют связи в категориальных цепочках понятий; идеальные модели мира, в т. ч. мифы и различные поверия, которые также могут задавать связи в категориальных цепочках; специфическое знание, которое получает при категоризации преимущество перед общим знанием и проч.

Дж. Лакофф отмечает, что основным принципом классификации является принцип сферы опыта. В заключение Дж. Лакофф приходит к выводу, что когнитивные модели используются при осмысле-

нии мира. Они помогают осмыслить ту часть опыта человека, которая ограничена человеком и воспринимается им самим. Система классификаторов отражает экспериенциальный, образный и экологический аспекты мышления (Лакофф, 1988, 12-51).

Исследование Дж. Лакоффа убедительно показывает, что классификаторы – категория исключительно ментальная, порождаемая мышлением человека. Репрезентируясь в языковой семантике, классификаторы играют важную роль в организации семантического пространства каждого языка, организуя его в те или иные структуры. Стало быть, семантическое пространство каждого языка существует как стремящееся к бесконечности множество значений, связанных классификаторами в разнообразные группы, классы, ряды и поля, составляющие в конечном итоге определяющее начало устройства системы любого языка.

Из опыта анализа действительности человек выводит классификационные категории, которые затем прикладывает к воспринимаемой и осмысляемой действительности. Эти классификационные категории являются элементами концептосферы (то есть определенными концептами), и они упорядочивают для человека и действительность, и язык: в соответствии с этими классификаторами объединяются и дифференцируются как предметы действительности, так и языковые единицы.

Эти семантические признаки (категории) называются когнитивными классификаторами потому, что они классифицируют опыт в процессе его познания (когниции). Будучи выявлены в семантике классов единиц, эти классификаторы выступают как интегральные или дифференциальные семы.

Важно подчеркнуть, что все они при этом остаются обобщающими признаками в концептосфере, лишь будучи *представлены* в семантическом пространстве языка соответствующими семами.

Набор когнитивных классификаторов часто оказывается глубоко национальным, что особенно заметно на примере категории именного класса (рода) – количество родов колеблется в разных языках от нуля (английский язык) до 40 (вьетнамский) и более.

Многообразие когнитивных классификаторов зависит от уклада жизни людей, их практических потребностей. Если у первобытных племен имеются десятки обозначений различных видов флоры и фауны, значит в данном сегменте их сознания «задействовано» больше когнитивных классификаторов, чем в соответствующей сфере в мозге европейца, которому такое подробное расчленение данного

участка действительности просто не нужно. В этом случае в семантике языка говорящих по-русски или по-английски будут выявляться лакуны, свидетельствующие о своеобразии и неповторимости «чужой» для них картины мира.

Классификаторы, которые рассматривал Дж. Лакофф, имели формальное выражение (в виде артиклей, окончаний, других служебных средств языка), но классификаторы могут быть обнаружены и при анализе *значений* слов. Покажем это на небольшом участке семантического пространства русского и английского языков. В качестве такого участка мы берем достаточно изученный фрагмент: посуда, из которой пьют и в которую наливают жидкость.

Посуда, в которую наливают воду для разных целей, посуда, из которой пьют разные напитки, в сущности в обиходе европейцев одна и та же. Однако русский и английский языки свидетельствуют о разных принципах классификации образов такой посуды в сознании говорящих по-русски и по-английски.

Все, что сделано из стекла (glass), объединяется в английском семантическом пространстве именно по этому признаку и так и называется – glass (стекло), независимо от формы, назначения и размера такой посуды. Поэтому английское glass переводится на русский язык как стакан, рюмка, бокал, фужер, стопка, чарка (Бархударов, 1975, 91). В тех случаях, когда говорящему на английском языке понадобится конкретизировать назначение или размер, или форму «стекла», он использует определения: white wine glass – «стекло» для белого вина, red wine glass – «стекло» для красного вина, sherry glass – рюмка для шерри, champagne glass – бокалы для шампанского, tapered glass – конусообразный бокал, а crystal glass – хрустальный бокал, brandy glass – рюмка для бренди, liqueur glass – рюмка для ликера, spirit glass – стопка для спирта, beer glass – стакан для пива и т. п.

Посуда со сравнительно небольшим углублением изогнутой формы объединяется с другими предметами такой же формы лексемой bowl.

Лексема bowl переводится на русский язык и как *чаша*, и как *салатница*, *ваза*, и как *кубок*; этой же лексемой англичане называют углубление ложки, подсвечника, чашки весов.

Ёмкости, имеющие плоское дно и широкую открытую поверхность, по этим признакам объединяются лексемой basin. Basin – это и бассейн реки, и резервуар фонтана, в котором налита вода, и раковина умывальника, и плевательница для пациентов у зубного врача, но

это и миска, и таз, и большая чашка. В русской концептосфере такого классификатора нет, поэтому и переводы оказываются столь многообразными.

Нет среди русских «посудных» концептов и того, что англичане называют beaker (от beak – клюв) – посуда с «клювиком» для слива воды. Это может быть и химическая мензурка, и керамический сосуд типа корчажки.

В свою очередь, в английских концептах нет единого образа спортивного кубка. В зависимости от формы вручаемого «посудного» приза англичане называют его bowl (широкой, изогнутой формы), goblet (удлиненной формы, выдуваемый из стекла типа бокала), mug (большой сосуд, типа кружки) и cup (форма чаши).

Наибольшее сходство в «посудном» отсеке семантики русских и англичан обнаруживает концепт чашки – англ. *cup*. Эти лексемы одинаково используются и применительно к чашечкам цветов, и к деталям технических устройств, имеющих форму чашечки, и к образам чаши терпения, горькой чаши бытия и др.

Материал показывает, что для английской «посудной» семантики наиболее важны классификаторы формы и «стекла». В русском «посудном» семантическом пространстве важнее назначение сосуда.

В работах А. А. Кретьева и его учеников предложена категория криптоклассов – группировок лексики, построенных на скрытых от прямого наблюдения когнитивных классификаторах – семантических признаках, проявляющихся в особенностях лексической сочетаемости изучаемых слов. В работах О. О. Борискиной (Борискина, 2000) показаны группировки лексики, формирующиеся на основе сем первостихий (огонь, вода, воздух, земля). Таков, например, криптокласс *жидкий*, в котором, кроме наименований жидкостей, обнаруживается и огонь, который течет, разливается, растекается, может взметнуться, воспринимается как струя. Сюда же попадает и воздух, которым можно захлебнуться, а также время, мысли, гнев и нек. др.

Огонь входит и в криптокласс *острые* (он колет, пронизывает, распарывает) и в криптокласс *живые* (огонь дышит, вздыхает, задыхается).

Когнитивные классификаторы очень часто не имеют лексического выражения, то есть относятся к разряду скрытых концептов (например, «убить при помощи холодного оружия»). С такими трудностями сталкиваются студенты, выполняющие классификацию лексических единиц по семантическим классам: «Не знаю, как назвать

эту группу». Это – убедительное свидетельство именно концептуальной, а не языковой принадлежности когнитивных классификаторов, доказательство их чисто ментального статуса.

Когнитивные классификаторы, принадлежа концептосфере, выявляются через анализ интегральных сем языковых единиц.

Классифицирующая роль когнитивных классификаторов вполне очевидна. Их состав и функции еще предстоит выявить. Изучение когнитивных классификаторов только началось и должно раскрыть много интересных особенностей в группировках концептов и языковых знаков.

13. Лакуны и концепты

Под лексической лакуной понимается отсутствие какой-либо лексической единицы в языке при ее наличии в другом языке или языках.

В связи с проблемой лексической лакунарности встает вопрос о том, означает ли лексическая лакуна отсутствие и соответствующего концепта в концептосфере данного народа.

Наша точка зрения такова: отсутствие стабильного, системного языкового выражения для какого-либо концепта еще не свидетельствует об отсутствии концепта в концептосфере народа, так как концепты могут не иметь общезыкового выражения в силу следующих причин:

они могут быть личными или принадлежать малой группе людей (тогда они будут иметь только личные или групповые названия, но не общезыковые);

они могут быть коммуникативно нерелевантными, то есть не нуждаться в силу тех или иных причин в обсуждении, хотя при этом остаются структурными единицами мышления.

С другой стороны, о наличии концепта в сознании народа можно судить по наличию соответствующих языковых единиц, при помощи которых концепт обсуждается и передается в процессе общения.

Многие концепты остаются невербализованными, и их бывает довольно трудно обнаружить. Наиболее надежный способ обнаружения невербализованных концептов – контрастивные исследования, позволяющие выявить единицы, не имеющие переводных соответствий в одном из языков, а также системно-структурные исследования внутри одного языка, позволяющие выявить недостающие языковые звенья в той или иной парадигме.

Лакуны, если необходимо все же выразить тот или концепт в речи, *компенсируются*, то есть заполняются «временными» средствами

языка – свободными сочетаниями, развернутыми объяснениями и т. д. Тот факт, что словами можно назвать, объяснить практически любой концепт (правда, объяснение может потребовать большого объема коммуникативных средств, вплоть до текста), говорит не о том, что в данном случае нет лакуны, а о том, что любая лакуна может быть *компенсирована*.

Практика общей переводимости любого текста на любой язык – свидетельство невербальности концептуального мышления и возможности компенсации практически любой лакуны.

14. Язык и художественная картина мира

Художественная картина мира – это вторичная картина мира, подобная языковой. Она возникает в сознании читателя при восприятии им художественного произведения (или в сознании зрителя, слушателя – при восприятии других произведений искусства).

Картина мира в художественном тексте создается языковыми средствами, отражает индивидуальную картину мира писателя и воплощается:

- в отборе элементов содержания художественного произведения;
- в отборе используемых языковых средств: использование определенных тематических групп языковых единиц, повышение или понижение частотности отдельных единиц и их групп, индивидуально-авторские языковые средства др.;
- в индивидуальном использовании образных средств (система тропов).

В художественной картине мира могут быть концепты, присущие только данному авторскому восприятию мира – индивидуальные концепты.

Таким образом, язык выступает средством создания вторичной, художественной картины мира, которая отражает картину мира создателя художественного произведения.

В художественной картине мира могут отразиться особенности национальной картины мира -например, национальные символы, национально-специфические концепты. При этом следует всегда помнить, что художественная картина мира – вторичная, опосредованная картина мира, причем она опосредована дважды – языком и индивидуально-авторской концептуальной картиной мира.

15. Концептосфера и менталитет

Термин *менталитет* в последнее время стал очень популярен в научных исследованиях и в публицистике, однако содержание этого термина до сих пор не может считаться достаточно четко определенным. Существуют самые различные, весьма противоречивые определения этого понятия. Под менталитетом понимают образ мыслей, психологический склад ума, особенности мышления, характер и мн. др. Слово стало модным, и часто употребляют его подчас именно для моды, вне строгого определения. Ср. фразу из книги П. С. Таранова: «Бумага» заменяет, замещает и подменяет человека... На этом менталитете можно сыграть» (Таранов, 1997, 17).

Менталитет мы определяем как специфический способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов сознания, характерных для определенной личности, социальной или этнической группы людей.

Можно говорить о менталитете личности, группы и народа (этноса). Менталитет конкретной личности обусловлен национальным, групповым менталитетом, а также факторами личного развития человека — его индивидуальным образованием, культурой, опытом восприятия и интерпретации явлений действительности. Это личные ментальные механизмы восприятия и понимания действительности.

Групповой менталитет — это особенности восприятия и понимания действительности определенными социальными, возрастными, профессиональными, гендерными и т. д. группами людей. Хорошо известно, что одни и те же факты действительности, одни и те же события могут быть по-разному восприняты в разных группах людей. Мужчины и женщины, дети и взрослые, гуманитарии и «технари», богатые и бедные и т. д. весьма по-разному могут воспринимать и интерпретировать одни и те же факты. Это связано с так называемым механизмом каузальной атрибуции, то есть когнитивными стереотипами, диктующим приписывание причин тому или иному последствию, событию. Менталитет группы формируется в тесной связи с групповыми установками, действующими в группе механизмами апперцепции.

Так, известно, что игроки проигравшей команды имеют тенденцию приписывать поражение влиянию объективных факторов (плохое поле, необъективное судейство и др.), в то время как наблюдатели склонны объяснять поражение субъективными факторами (не проявили воли, не старались, не хватило скорости и др.). Победители обычно успех приписывают собственным усилиям. Ср.: «у побе-

ды масса отцов, поражение всегда сирота». Есть детская, мужская, женская «логика» и т. д. Есть менталитет определенных психологических типов людей – ср., к примеру, менталитет оптимиста и пессимиста: первый говорит «еще полбутылки осталось», а пессимист говорит «уже полбутылки нет». Можно сказать, что менталитет имеет «автоматизированный» характер, он действует практически без контроля сознания, и поэтому во многих случаях «не объективен» – если человек хочет быть объективным, он должен сознательно преодолевать «указания» своего менталитета, свои установки, свою апперцепцию. При этом надо преодолевать и собственные ментальные стереотипы, и групповые, и национальные.

Национальный менталитет – это национальный способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов нации. Ср.: американец при виде разбогатевшего человека думает: «богатый – значит умный», русский же в этом случае обычно думает: «богатый – значит вор». Понятие «новый» у американцев воспринимается как «улучшенный, лучший», у русского – как «непроверенный».

Восприятие и понимание действительности – сходные, но не совпадающие вещи. Восприятие – первый этап и основное условие понимания. Разный национальный менталитет может воспринимать по-разному одни и те же предметные ситуации. Национальный менталитет нередко как бы заставляет органы восприятия человека видеть одно и не замечать другое. Русский менталитет, к примеру, неизменно фиксирует покорность азиатских женщин и не замечает повышенной активности собственных, в то время как азиаты прежде всего фиксируют активность и даже агрессивность русских женщин, не замечая покорности и пассивности собственных.

Понимание воспринятого также во многом обуславливается менталитетом. К примеру, карикатуру в китайской газете – девушка и юноша целуются на скамейке – европейский менталитет трактует как изображение распущенности молодых людей, а китайский – как критику недостатка жилплощади у китайцев. Японские фильмы периода второй мировой войны, захваченные американцами, очень отличались от батальных лент Голливуда, где изображались победы американской армии – в японских фильмах изображалась в основном гибель людей, страдания солдат, плач матерей при получении похоронков. С точки зрения европейского восприятия, это были фильмы об ужасах войны, а вовсе не милитаристские ленты, призванные повысить дух японской армии и народа. Но японский менталитет воспри-

нимал их по другой ментальной схеме, непонятной европейцам: «Вот видите, в каких условиях японский солдат продолжает выполнять свой долг». Небольшое опоздание к назначенному сроку в гости русские считают проявлением уважения к хозяевам, а немцы – неуважением. Русские учащиеся понимают повторное объяснение учителем того же самого материала как стремление добиться лучшего понимания ими этого материала, как стремление помочь ученику, а финны нередко думают про такого учителя: «Он нас за дураков считает».

Менталитет и концептосфера тесно связаны и взаимодействуют в процессах мышления.

Концепты как ментальные единицы в своем интерпретационном поле хранят когнитивные стереотипы – стандартные суждения о стандартных ситуациях, составляющие основу менталитета. К примеру, наличие в русской концептосфере концепта «авось» определяет ряд ментальных стереотипов русского сознания, «разрешающих» непредусмотрительность в поведении.

С другой стороны, национальный менталитет направляет динамику формирования и развития концептов – имеющиеся стереотипы влияют на содержание формирующихся концептов, диктуют некоторые фиксируемые в концептах оценки явлений и событий. Тем не менее, несмотря на тесную связь, менталитет и концептосфера – разные сущности, и их изучение требует разных методов и подходов.

Менталитет связан с оценочно-ценностной сферой, ценностным аспектом сознания. Он оценивает воспринимаемое как хорошее или плохое, как представляющее ценность, соответствующее ценностям или не соответствующее им. К примеру, концепт *белая ворона* оценивается русским менталитетом негативно, так как существует ценность – *соборность, коллективизм*. *Менталитет* – это совокупность национальных принципов осуществления суждений и оценок. Концептосфера – это национальная информационная база, набор единиц мысли, накопленных национальным когнитивным сознанием.

Необходимо разграничить национальный менталитет и национальный характер. Отличие национального *менталитета* от национального *характера* заключается, в нашем понимании, в следующем: менталитет связан преимущественно с логической, концептуальной, когнитивной деятельностью сознания, а национальный характер – с эмоционально-психологической сферой человека. *Национальный характер* – это сложившиеся эмоционально-психологические нормы поведения человека в обществе (то есть то же, что называют национальной психологией).

Национальное поведение народа, таким образом – это проявление менталитета и национального характера в поведении народа в стандартных ситуациях. Естественно, поведение всегда опосредовано как логической, так и эмоционально-психологической сферой человека, так что такое разграничение менталитета и характера в значительной степени условно, но во многих случаях оно оказывается необходимым.

16. Коммуникативное сознание и коммуникативное поведение

Коммуникативное сознание разных народов обладает существенной национальной спецификой, проявляющейся в их коммуникативном поведении.

Особенности общения того или иного народа, описанные в совокупности, представляют собой описание *коммуникативного поведения* этого народа (термин «коммуникативное поведение» впервые был введен в работе: Стернин, 1989, 279–282).

Коммуникативное поведение народа – это совокупность норм и традиций общения народа.

Описание коммуникативного поведения фактически представляет собой описание одного из аспектов – коммуникативного аспекта – национальной языковой личности (Караулов, 1987, 5).

Коммуникативное поведение народа определяется его коммуникативным сознанием и представляет собой способ овнешнения коммуникативного сознания – подобно тому, как язык представляет собой способ овнешнения когнитивного сознания.

По коммуникативному поведению народа можно описать содержание и основные закономерности функционирования его коммуникативного сознания.

17. Национальный концепт как микромодель национального сознания

В настоящее время наиболее известны модели сознания А. Н. Леонтьева и В. П. Зинченко. А. Н. Леонтьев (Леонтьев А. Н., 1977) включал в сознание личностный смысл, значение и чувственную ткань. В. П. Зинченко (Зинченко, 1991), развивая идеи А. Н. Леонтьева, добавляет к этим компонентам (уровням) сознания еще один – биодинамическую ткань (с. 23), под

которой понимается чувственная ткань образа и биодинамическая ткань движения и действия (то есть действия, движения и их картина в сознании, «картина живого движения»). В. П. Зинченко относит биодинамическую ткань к бытийному слою сознания, кроме которого ученый выделяет еще рефлексивный слой и духовный слой сознания (в более поздней работе 1997).

Рефлексивный слой (в котором объединяется значение и смысл) представляет собой результат рефлексии над бытийными данными. Под значением В. П. Зинченко понимает форму сознания, которая возникает в процессе приобретения индивидуального опыта в условиях «культурного целого, в котором исторически кристаллизован опыт деятельности, общения и мировосприятия» (Зинченко, 1991, 23), Таким образом, значение – социально и культурно обработанный индивидуальный опыт, а смысл понимается ученым как индивидуальное знание, содержащее отношение.

В онтогенезе у ребенка сначала формируются операциональные знания на основе биодинамической ткани сознания, то есть основанные на образах движений и действий, затем предметные знания, основывающиеся на чувственной ткани сознания, то есть на чувственных образах (чувственная ткань и представляет собой «строительный материал образа» – Зинченко, 1991, 23–24), и затем – смыслы, содержащие собственно содержательное знание и определенное отношение к нему. Духовный слой сознания формируется, по В. П. Зинченко, одновременно с остальными и «одушевляет и воодушевляет» бытийный и рефлексивный слои» (Зинченко, 1997, 318).

Данная трехслойная модель сознания в своих основных чертах совпадает с предлагаемой нами моделью концепта.

Ядром концепта является базовый чувственный образ, выступающий как кодирующий образ универсального предметного кода. Этот образ принадлежит бытийному слою сознания и, как показывают некоторые наблюдения, имеет операциональный или предметный характер (некоторая динамическая образная картина или предметный образ), базируясь на биодинамической и чувственной ткани сознания. Базовый образ окружен конкретно-чувственным по своему происхождению когнитивным слоем, отражающим чувственно-воспринимаемые свойства, признаки предмета. Этот слой вместе с базовым образом относятся к бытийному слою сознания.

Далее в структуре концепта (хотя и не у всех концептов) выделяются более абстрактные слои, отражающие некий этап осмысления бытийных признаков и относящиеся к рефлексивному слою сознания.

И наконец интерпретационное поле концепта, включающее оценку содержания концепта, интерпретирующее отдельные когнитивные признаки и формирующее для национального сознания вытекающие из содержания концепта рекомендации по поведению и осмыслению действительности, может быть связано с духовным уровнем сознания, который предполагает в широком смысле оценку концепта с точки зрения его ценности для нации.

Как мы видим, национальный концепт представляет собой микро-модель национального сознания, что и неудивительно, поскольку он является дискретной единицей когнитивного национального сознания.

Итак, важнейшими теоретическими разграничениями, необходимыми при исследовании проблемы «язык и национальное сознание», являются следующие:

первичная, когнитивная картина мира и вторичная, языковая картина мира;

концептосфера народа, состоящая из концептов как единиц, квантов структурированного знания (когнитивная картина мира, информационная база человека) и семантическое пространство языка (языковая картина мира, образованная значениями языковых единиц);

коммуникативное сознание, определяющее весь комплекс коммуникативной деятельности человека, и языковое сознание, обеспечивающее порождение и восприятие речи, а также хранение языка в сознании.

Сформировавшиеся в концептосфере национальные особенности набора (инвентаря) и организации концептов обязательно отражаются в национальном языковом сознании, в коммуникативном сознании и художественной картине мира народа.

Изучение национального языкового сознания позволяет осмыслить особенности национальной концептосферы. Для этого применяются:

методы и приемы установления семантемы слова, закономерностей существующих связей между ее семемами по семам;

построение лексико-семантических и лексико-фразеологических полей с осмыслением их структуры;

выявление когнитивных классификаторов в тематических полях лексики;

установление безэквивалентных лексем и лакун в сопоставляемых языках;

изучение метафор и других образных средств в художественных текстах;

изучение коммуникативного поведения людей разных социальных и национальных групп.

В последующих главах эти методы и приемы показаны на конкретном материале разных языков.

Литература к главе I

1. *Бабушкин А. П.* Типы концептов в лексико-фразеологической системе языка. Воронеж, 1996.
2. *Бархударов Л. С.* Язык и перевод. М., 1975.
3. *Бибчук Е. И.* Образный компонент в лексической структуре русского существительного.: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1991.
4. *Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика. Тамбов, 2000.
5. *Большой толковый словарь русского языка* / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 1998.
6. *Борискина О. О.* Криптоклассы первостихий как элементы прогностического описания языка // Проблемы лингвистической прогностики. Воронеж, 2000.
7. *Горелов И. Н., Седов К. Ф.* Основы психолингвистики. М., 1998.
8. *Жинкин Н. И.* Речь как проводник информации. М., 1982.
9. *Залевская А. А.* Слово в лексиконе человека. Воронеж, 1990.
10. *Залевская А. А.* Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования. Тверь, 1992.
11. *Залевская А. А.* Вопросы овладения вторым языком в психолингвистическом аспекте. Тверь, 1996.
12. *Зинченко В. П.* Миры сознания и структуры сознания // Вопросы психологии. 1991, № 2.
13. *Зинченко В. П.* Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. М., 1997.
14. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
15. *Кирнозе З. И.* О национальной концептосфере // Филология и культура. Часть 2. Тамбов, 2001.
16. *Котов Р. Г., Новиков А. И.* Предисловие // Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. М., 1982.
17. *Лакофф Дж.* Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М., 1998.
18. *Лебедева Н. М.* Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1999.
19. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977.
20. *Лихачев Д. С.* Концептосфера русского языка // Изв. РАН. – СЛЯ. 1993, № 1.
21. *Лук А. Н.* Мышление и творчество. М., 1976.

22. Лурия А. Р. Язык и сознание. Ростов-на-Дону, 1998.
23. Попова З. Д., Стернин И. А. Лексическая система языка. Воронеж, 1984.
24. Попова З. Д., Стернин И. А. Интерпретационное поле национального концепта и методы его изучения // Культура общения и ее формирование. Вып. 8. Воронеж, 2001.
25. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.
26. Стернин И. А. О понятии коммуникативного поведения // *Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung*. Halle, 1989.
27. Таранов П. С. Методы стопроцентной победы. Симферополь, 1997.
28. Тарасов Е. Ф. Языковое сознание – перспективы исследования // Языковое сознание и образ мира. М., 2000.
29. Токарев Г. В. Проблемы лингвокультурологического описания концепта (на примере концепта «трудовая деятельность»). Тула, 2000.
30. *Этнокультурная специфика языкового сознания*. М., 1996.
31. *Язык и сознание: парадоксальная рациональность*. М., 1993.
32. *Языковое сознание и образ мира*. М. 2000.
33. *Языковое сознание: формирование и функционирование*. М., 1998.

Национальное языковое сознание и национальная картина мира

1. Некоторые приемы выявления национальной специфики языка (З. Д. Попова, И. А. Стернин)

1. 1. Национальная специфика семантики слова

1. 2. Национальная специфика лексических группировок

1. 3. Национальная специфика ассоциативно-вербальных сетей

2. Национальная специфика лексических подсистем

2. 1. Формирование концептов в национальной концептосфере (А. П. Бабушкин)

2. 2. Национальное своеобразие выражения концепта *форма* в русском и немецком языках (В. М. Топорова)

2. 3. Национальная специфика ЛСГ глаголов самостоятельного перемещения в русском и немецком языках (М. Ф. Панкина)

2. 4. Национальная специфика семантических связей (на материале русской и английской ЛСГ «Биологическое существование человека») (В. Б. Гольдберг)

2. 5. Национальная специфика концепта *острый* в концептосфере английского и русского языков (Л. В. Лаенко)

2. 6. Концепт *остроумный человек* в концептосфере английского и русского языков (Л. В. Лаенко)

2. 7. Национальная специфика ЛСГ «Плоды» в русском и английском языках (Э. Д. Хаустова)

2. 8. Когнитивные классификаторы в семантическом поле абстрактных лексем русского и английского языков (О. В. Ивашенко)

3. Национальная специфика грамматического языкового сознания

3. 1. Особенности полисемии в языках разных типов (М. А. Стернина)

3. 2. Подлежащность / бесподлежащность и личность / безличность в сопоставительной типологии предложения (В. Ю. Копров)

Литература к главе II

1. Некоторые приемы выявления национальной специфики языка

1.1. Национальная специфика семантики слова

При переводе с одного языка на другой и при сравнении единиц разных языков обнаруживается, что сходные по смыслу слова двух языков далеко не всегда полностью совпадают по значению. Это проявление национальной специфики семантики лексических единиц. Таким образом, *национальная специфика семантики* какой-либо языковой единицы – это её отличие по компонентам значения от сходных единиц языка сравнения.

Национальная специфика языков обнаруживается в целом ряде аспектов на всех языковых уровнях. Проиллюстрируем основные из них на примере национальной специфики семантики лексических единиц.

Национальная специфика значения единицы какого-либо языка выявляется только при сопоставлении с конкретным другим языком и является таковой только по отношению к данному конкретному языку.

Например, немецкое слово *Madchen* «лицо женского пола от рождения до замужества» обладает национальной спецификой семантики относительно русского языка, так как его соответствиями являются два слова, каждое из которых семантически отличается от немецкого:

девочка – «лицо женского пола от рождения до достижения половой зрелости»;

девушка – «лицо женского пола от достижения половой зрелости до замужества», однако оно не обладает национальной спецификой семантики относительно английского языка – ср. *анг. girl*.

Национальная специфика может проявляться и в отсутствии соответствия в одном из языков. Например, в немецком языке нет соответствий русским словам *щи, сутки, кипяток, автолюбитель*, поэтому наличие этих слов в русском языке является проявлением семантической специфики русского языка, а отсутствие этих слов в немецком языке – проявление национальной специфики немецкого языка. В русской действительности есть и «вечер после работы», и «двое детей одних родителей», но слова такие отсутствуют, в то время как в немецком языке они есть – *Feierabend, Geschwister*.

Безэквивалентность единиц и лакунарность являются наиболее ярким проявлением национальной специфики обоих языков.

Для установления национальной специфики семантики лексической единицы необходимо рассмотреть ее возможные лексические соответствия. Рассмотрим это явление на материале русско-немецких лексических соответствий.

Межъязыковыми лексическими соответствиями являются слова двух языков, имеющие общие семантические компоненты (как минимум – общую архисему) с единицей другого языка, которые могут использоваться для взаимного перевода хотя бы в некоторых контекстах.

С *формальной точки зрения* межъязыковые лексические соответствия подразделяются на три вида. Приведем примеры на материале русского и немецкого языков.

1. *Линейные* (одной единице языка А соответствует только одна единица языка В), соотношение 1:1.

Например: город – Stadt, задвижка – Riegel, гриб – Pilz, красный – rot, дерево – Baum.

2. *Векторные* (одной единице языка А соответствуют несколько единиц языка В), соотношение 1:N.

Например: токарь – Dreher, Drechsler, полка – Regal, Fach, вход – Eingang, Einstieg, ученик – Schuler, Lehrling и др.

3. *Отсутствие соответствия* в языке В (лакуна), соотношение 1:0. Например: сутки, кипятик, лапти, самовар.

С *семантической точки зрения* межъязыковые лексические соответствия могут быть подразделены на два типа: лексические эквиваленты и переводные соответствия.

Лексическими эквивалентами называются два слова разных языков, имеющие значительное сходство в семном составе и регулярно использующиеся при взаимном переводе.

Внимание: существуют также *контекстуальные* соответствия – слова, которые могут рассматриваться как лексические соответствия только в определенном контексте, в конкретном акте речи, в разовом употреблении.

Для того, чтобы две единицы разных языков можно было рассматривать как лексические эквиваленты, необходимо, чтобы у них:

- 1) совпадали все ядерные семы;
- 2) совпадали коннотативные семы;
- 3) совпадали функциональные семы.

Не могут быть эквивалентными современное слово – устаревшему, разговорное – книжному, общеупотребительное – узкопрофессиональному, высокочастотное – малоупотребительному.

Если перечисленные выше условия или какие-нибудь из них не удовлетворяются, то рассматриваемые единицы будут являться переводными соответствиями, а не эквивалентами.

Переводные соответствия – это единицы, имеющие ту или иную общность семантики и используемые для перевода в определенных контекстах. Переводные соответствия, в зависимости от степени семантической общности, могут быть *близкими* или *приблизительными*, но в любом случае это не эквиваленты.

подавляющее большинство слов имеют в других языках не эквиваленты, а соответствия (близкие или приблизительные), и в каждом из этих случаев выявляется национальная специфика их семантики.

Национальная специфика семантики слова может обнаруживаться как в денотативном, так и в коннотативном (эмоция, оценка, усиленность, темпоральная характеристика, стилистическая, территориальная характеристика), а также в грамматическом компонентах значения.

Примером различий в денотативном компоненте значения является лексическое соответствие *рус. горчица – нем. Senf*, где в значении русского слова присутствует сема «острый вкус», а в значении немецкого слова – «сладко-кислый вкус», что отражает денотативные различия, обусловленные различиями в самой используемой русскими и немцами приправе.

Другой формой денотативного различия выступает несовпадение единиц двух языков по отраженному в них уровню обобщения действительности. В таких случаях в одном языке значение конкретнее и оно включает больше сем, в другом языке значение абстрактнее и сем меньше, что и ведет к несовпадению значений двух языков по семному составу. Например, русскому *жить* в немецком языке соответствует *wohnen, leben*; рус. *рука* – *Hand, Arm*; рус. *зарплата* – *Lohn, Gehalt*; *ваза* – *Vase, Schale*. С другой стороны, рус. *блузка, кофточка* соответствует в немецком языке только одно слово – *Bluse*; *заведующий, начальник, руководитель* – *Leiter*; *варить, кипятить* – *kochen*; *село, деревня* – *Dorf* и т. д. В приведенных примерах в тех случаях, когда в одном из языков одна лексическая единица, а в другом – две или больше, слова, представленные парой, содержат конкретные дифференциальные семы, отсутствующие в языке сопоставления. Так, *Dorf* – сельский населенный пункт, *село* – сельский населенный пункт, *большой, с церковью*; *деревня* – сельский населенный пункт, *небольшой, без церкви* и т. д. Дифференциальные семы и выявляют национальную специфику значений сопоставляемых слов.

Коннотативная специфика значения проявляется не только в несовпадении эмоциональных и оценочных компонентов в сопоставляемых единицах двух языков, но и в наличии той или иной эмоции или оценки в единице одного языка при её отсутствии в единице языка сопоставления. Например: лодка (неоцен.) – Kahn в одном из значений – неодобр., труба (неоцен.) – Schlot (преим. неодобр.).

Национальная специфика слова проявляется в несовпадении лексико-грамматических характеристик слов (обувь – собир., Schuhe – не собир.) в различиях форм числа (картофель – только ед., Kartoffel – ед. и мн.), в несовпадении функционально-стилистических и других функциональных сем (спичка – межстил., Zundholz – книжн.; центрифуга – спец., Schleuder – общеупотр.; проспект – общераспр., – Prospekt «в России»; бокал – употр., Pokal – малоупотр. и др.).

Национальная специфика семантики, выявляемая в подобного рода исследованиях, отражает национальные особенности языкового сознания двух народов и может быть использована для моделирования соответствующих концептов как единиц национальной концептосферы.

Национально специфические семы, выявившиеся в значениях сравниваемых лексических единиц двух языков, интерпретируются как отражение национально-специфических признаков соответствующих национальных концептов и позволяют моделировать концепт с вычленением его национально-специфических признаков. Подчеркнем, однако, что лишь денотативная национальная специфика семантики слова, а также специфика, выявившаяся в таких компонентах коннотации как эмоция, оценка и усилительность могут быть интерпретированы как отражение национальной специфики соответствующих концептов. Национальная специфика, выявившаяся в других коннотативных компонентах, а также в грамматическом компоненте значения слова, является чисто языковой и поэтому не может быть использована для моделирования концепта.

1.2. Национальная специфика лексических группировок

Сопоставление лексических группировок – синонимических рядов, лексико-семантических групп, лексико-семантических и лексико-фразеологических полей – позволяет выявить национальную специфику структурной организации лексики в том или ином языке.

Национальная специфика лексической группировки обнаруживается в следующем:

- в количестве единиц, образующих группу;
- в структурной организации группы (набор и количество подгрупп);
- в степени наполненности отдельных подгрупп;
- в степени номинативной дифференциации обозначаемой смысловой области.

Анализ полученных данных позволяет выявить национально-специфические черты соответствующих участков концептосфер народов: состав концептов данной смысловой области, их структурную организацию, количество концептов определенного смыслового разряда, степень коммуникативной релевантности тех или иных групп концептов и отдельных концептуальных единиц.

Лексические дифференциации, выявленные в рамках лексических группировок, позволяют определить когнитивные классификаторы, лежащие в основе построения структуры лексической группировки.

1.3. Национальная специфика ассоциативно-вербальных сетей

Ассоциативные эксперименты выявляют особенности национального языкового сознания народа — связи слов в сознании, их смысловую и иерархическую подчиненность, яркость тех или иных компонентов значения слова-стимула, их ценностную нагрузку в социуме. Эти данные могут быть интерпретированы как отражение отношений между концептами, вербализуемыми стимулом и реакциями: отношения стимула и реакций овнешняют, объективируют те или иные отношения между концептами в концептосфере, либо вербализуют определенные когнитивные признаки концепта, стоящего за словом-стимулом.

Ассоциативные эксперименты показывают, как сознанием осуществляется идентификация стимула, то есть раскрывают механизмы понимания речи, выявляют определенные механизмы порождения речи, а также показывают, в каком смысловом объеме лексические единицы хранятся в сознании носителей языка.

Анализ ассоциаций на тот или иной стимул позволяет также выявить компоненты концепта, стоящего за стимулом — оценочное отношение к нему национального сознания, определенные концептуальные слои и компоненты. Для того, чтобы получить из ассоциативного эксперимента все указанные выше когнитивные данные, необходимо провести когнитивную интерпретацию результатов экспе-

римента, обобщив полученные ассоциаты в когнитивные признаки. Слова-ассоциаты при этом выступают как языковые средства вербализации, овнешнения тех или иных когнитивных слов и отдельных когнитивных признаков.

Так, от 100 русских испытуемых были получены ассоциации на стимул совесть (Вахтель, Фридман, 2002, 38–45):

СОВЕСТЬ 100: честность 11, стыд 6, внутренний контролер 5, мучения, порядочность, чистая 4, переживание, судья, чистота 3, Бог внутри тебя, вина, гложет, душа, мука, ответственность за поведение, плохо, когда есть угрызения, правда, сердце 2, академик Д. С. Лихачев, барьер, белый, богатство, важное свойство человека, вера в Бога, дискомфорт, должна быть, духовная гармония с самим собой, если есть, закон, зуд комара над ухом, когда хочется спать, камень, личное, лучшее, мораль, не быть хапугой, не могу без нее, не обманывать, не у всех, покоя не дает, попросили – сделай, поступок, преданность, проснется поздно, противный тролль, рамки, справедливость, стержень, такт, тень, часы, чистый лист бумаги, чувство одиноких людей¹; отказы – 3.

Когнитивная интерпретация результатов эксперимента выглядит следующим образом.

Концепт *совесть* в русской концептосфере включает следующие когнитивные признаки:

- честность (честность, правда, порядочность);
- справедливость (справедливость)
- неприятные, тяжелые переживания (*стыд, мучения, переживание, гложет, мука, вина, плохо, когда есть угрызения совести, дискомфорт, покоя не дает, камень, зуд комара над ухом, чувство одиноких людей*);
- проявляется в конкретных действиях (*не обманывать, не быть хапугой, попросили – сделай, вера в Бога, поступок, справедливость*);
- имеет эталон (Д. С. Лихачев);
- регулирует поведение личности (*барьер, мораль, рамки, стержень, закон, судья, Бог внутри тебя, внутренний контролер, ответственность за поведение*);
- важна для человека (*важное свойство человека, личное, должна быть*);
- присуща не всем людям (*когда есть, не у всех, проснется поздно*);
- обеспечивает человеку моральную чистоту (*сердце, чистая*);

• отсутствие совести обеспечивает благосостояние (*богатство*) и т. д.

Эти и подобные признаки, будучи таким же образом обобщены и сформулированы, выступают как когнитивные признаки концепта *совесть*. Каждый признак может быть ранжирован по яркости в структуре концепта: количество испытуемых, вербализовавших тот или иной выделенный признак концепта, складывается, делится на число испытуемых (в данном случае их было 100) и вычисляется совокупный рейтинг яркости признака в структуре концепта. Например, признак *честность* будет иметь рейтинг 17 % (честность 11, правда 2, порядочность 4), а признак «важность для человека» – 3 % (важное свойство человека 1, личное 1, должна быть 1). Можно выделить ядерные и периферийные когнитивные признаки, а также сравнить по яркости когнитивные признаки в сознании различных возрастных, гендерных, профессиональных групп испытуемых, а также сравнить результаты ассоциативных экспериментов на один и тот же стимул в группах испытуемых, говорящих на разных языках, относящихся к разным социальным, гендерным, возрастным группам. Таким образом может быть выявлена национальная, гендерная, социальная, возрастная специфика соответствующих концептов.

Если слово-стимул многозначно, то по количеству ассоциаций на отдельные его значения можно установить относительную яркость того или иного когнитивного слоя концепта, отражаемого данным значением, а, следовательно, важность его для национального сознания, относительную ценность, степень близости к ядру концепта.

Национальная специфика затрагивает и грамматические явления языка, грамматическую семантику. Национальная специфика грамматической семантики может быть выявлена приемами, аналогичными приемам выявления национальной специфики лексической семантики.

2. Национальная специфика лексических подсистем

2.1. Формирование концептов в национальной концептосфере

В термине «концептуализация» заключен один из важнейших процессов когнитивной деятельности человека, предполагающий осмысление поступающей к нему информации и приводящей к образованию концептов, коцептуальных структур и всей концептуальной сис-

темы в целом (Кубрякова, 1996, 93). В свою очередь, концептуальная система определяется как ментальная организация, в которой сосредоточена совокупность всех концептов, данных уму человека, их упорядоченное объединение. В качестве «концептуализатора» выступает познающий субъект – носитель когниции. Человек «осаждает» в своем мозгу (психике) результаты зрительного, слухового, тактильного восприятия, многочисленные факты опыта в их идеальном содержательном представлении, позволяющие выстраивать знание об объектах действительности и развивающие умение ориентироваться в окружающем мире (Кубрякова, 1996, 94; Болдырев, 2000, 18, 39). Концепты – это элементы сознания человека и одновременно сознания, т. е. знания, разделяемого с другими людьми – членами того или иного социума.

Совокупность концептов, которыми располагают носители языка – не есть раз и навсегда данное множество. Известно, что в ходе исторического развития наборы концептов претерпевают изменения, что определяется практическими потребностями людей, уровнем развития цивилизации, науки и техники, культуры общества в самом широком смысле слова и некоторыми другими факторами. С прогрессом человечества многие концепты оказываются навсегда утраченными, с появлением других происходило и продолжает происходить обогащение концептосферы. Судить об этом можно по изменениям в словарном составе языка (по классическому определению Е. С. Кубряковой, значение слова – это концепт, «схваченный» знаком (Кубрякова, 1996, 92).

Внимание исследователя может быть направлено как на реконструкцию архаических концептов по «экспонатам», хранящимся в «музее слов» (Успенский 1962, с. 188], так и на анализ становления определенных концептов, на актах для фиксации новых «квантов» опыта и знания. Думается, что решение последней задачи предполагает выявление любопытных моментов, требующих лингвистического осмысления.

Начнем с исторического и логико-философского аспектов проблемы изменения значений терминов в процессе развития научных теорий. В качестве примера речь пойдет о слове «кислород». В 1774 г. английский ученый Джозеф Пристли заметил, что при нагревании окиси ртути выделяется некий газ. Если поднести к нему свечу, пламя вспыхивает ярче. В то время считалось, что при горении вещества теряют особую субстанцию-флогистон (от греческого «пламя»). Открытый им газ Пристли назвал «обесфлогистованным воздухом»,

то есть воздухом, в котором уже нет флогистона. Опыты с горением продолжались дальше, и французский естествоиспытатель Антуан Лавуазье выяснил, что при этом многие вещества становятся тяжелее. Причина, по его мнению, заключалась в том, что они поглощают нечто из воздуха. Ученый доказал, что этим «нечто» является газ, открытый его предшественником Пристли. Таким образом, теория флогистона была опровергнута, и в научный обиход вошла идея о существовании нового газа, крайне необходимого не только для горения веществ, но также для дыхания животных и растительных организмов (Рейд, Фара, 1998, 78–79). Тем не менее, определенный период времени (вплоть до конца 18-го столетия) этот новый газ по-прежнему называли «старым» именем – флогистон.

Данный исторический факт привел некоторых философов уже XX-го века к неправильному выводу о несоизмеримости меняющих друг друга теорий (разве можно поставить знак равенства между термином «масса» в механике Ньютона и тем же самым термином в релятивистской механике?). Отечественный ученый В. В. Петров отвечает на этот вопрос с позиций предложенной им иерархической системы референций (теория референции занимается изучением отношений между языковым выражением и обозначаемым объектом). В. В. Петров вводит понятие потенциала референции, который состоит из семантической референции выражения и референции говорящих, использующих это выражение. В упомянутый отрезок времени применялась старая терминология («флогистон»), но при этом мыслилось указание уже на новый референт – под старую форму термина подводилось качественно новое содержание (Петров, 1987, 70–71).

Именно через призму потенциала референции можно рассматривать и некоторые другие примеры более обиходных терминов для того, чтобы показать порой имеющее место *отставание* в формировании *соответствующей* вербальной «оболочки» от мыслительной единицы – концепта, уже занявшего свою позицию в сознании носителей языка.

Оказывается, слово «вагон» на заре развития железнодорожного транспорта в России не сразу закрепилось в виде устойчивого термина. Вагон именовали по-разному: повозка, телега, экипаж, карета (Черных, 1994, т. 1, 130). Вагон определяется как род шарабана, где «шарабан» – открытый легкий пассажирский *двухконный* экипаж на жестких рессорах или без них, в котором сиденья для пассажиров в виде скамейки со спинками располагались вдоль кузова по

бортam (Беловинский 1999, с. 505). Заметим, что и английское слово «wagon» в своем старом значении – также «повозка» или «телега».

В «Анне Карениной» Л. Н. Толстого вагон уже называется «вагоном», но слово «тамбур» (предохраняющее от холода отдельное небольшое помещение перед входной дверью, а также закрытая площадка железнодорожного вагона) еще отсутствует:

И, взявшись рукой за холодный столбик, она (Анна) поднялась и быстро вышла в сени вагона. Но в этих маленьких сенях она остановилась, обдумывая в своем воображении то, что было... Постояв несколько секунд, она вышла в вагон и села на свое место.

По В. И. Далю, «сени» – наружная, более холодная часть жилого дома, у входа, прихожая (Даль, 1994, т. 4, 693).

«Железнодорожную» тему завершает история слова «вокзал» П. Я. Черных констатирует, что у Даля «воксал» – сборная палата, зала на гульбище, на сходбище, где обычно бывает музыка; у А. С. Пушкина: «На гуляньях, иль в воксалах / легким зефиром летал»; «СПб. ведомости» 18 февраля 1837 г. писали: «Паровозы... (будут ходить), отправляясь от воксала в Павловске» (железная дорога Петербург-Павловск заканчивалась вокзалом в Павловске, служившим одновременно пассажирским зданием и залом, где давались концерты). Составитель Словаря указывает, что русское «вокзал» восходит к английскому Vauxhall (имя собственное «Vaux» и «hall» – зал), по имени Джейн Вокс владелицы загородного сада близ Лондона, в котором устраивались концерты, танцы, карточные игры, где люди веселились и гуляли (Черных, 1994, т. 1, 162).

Имена других транспортных средств восходят к слову «самокат»: «Самокат» – повозка какого-либо особенного устройства, движимая не лошадьми, а силою к ней приспособленною, например, проводом с лебедкою, которую вертят люди... [С некоторого времени самокатами называют по преимуществу велосипеды и автомобили (Даль, 1994, т. 4, 19)].

Список примеров можно продолжить ретроспективным анализом имен более изощренных изобретений человеческого разума: в первые годы существования телевизора его называли «волшебным фонарем», то есть точно так же, как и бытовавший до того времени проектор, с помощью которого на домашнем экране демонстрировались в увеличенном виде изображения, сделанные на стекле.

Вывод, который следует из приведенных выше иллюстраций, заключается в том, что не всегда для нового мыслительного образования, новой единицы смысла, отчетливо воспринимаемой в виде

отдельной данности, сразу подбирается и новая номинация. Соотнеся заново созданный образ предмета или явления уже с *иной категорией*, человек «называет» (ранее не названный) концепт именем уже существующей в его сознании реалии по внешнему или функциональному сходству (по факту получается, что это имя предписывается как бы «на пока»). Неопознанные летающие объекты (НЛО) нарекли «летающими тарелками». На вопрос, когда люди впервые увидели НЛО, приводятся даты с разницей почти в столетие, но важно, что очевидцы, жившие в разные эпохи, называли необычные летательные аппараты «блюдцами» или «тарелками», то есть почти одинаково (Кете, 1998, 5). Сказочные лилипуты Д. Свифта описывали расческу Гулливера как диковинный инструмент, в спинку которого вставлено двадцать длинных *колье*, напоминающих *забор* и т. п. (а ведь жители Лилипутии, наверное, понимали, что перед ними уже не «колья» и уже не «забор»!)

Не менее интересен и другой случай, заключающийся в «перебое» номинаций до тех пор, пока не будет найден «окончательный» вариант имени для определенного предмета мысли, во всех отношениях удовлетворяющий носителей языка. Стива Облонский читал «руководящую статью» в газете, а не «передовую статью», «передовицу». Упомянутый нами термин «волшебный фонарь» был в итоге заменен словом «телевизор» (теле + лат. visio – видение), а усовершенствованный тип телевизора получил новое имя – «домашний кинотеатр».

Не вдруг родилось и слово «радио». В русском языке начала XX-го века «радио» появилось как первый составной элемент сложения: радиокондуктор, радиопрограмма. В отдельном употреблении наименование нового явления утвердилось, главным образом, в начале 20-х годов прошлого века. Показательно, что изобретатель радиотелеграфа А. С. Попов в своих печатных работах и устных выступлениях не использовал слово «радио», а называл свое изобретение «электрическим сигналопроизводством без проводов», «беспроволочным телеграфом» или «телеграфом без проводов» (Черных, 1994, т. 2, 94).

До появления слова «кислород» этот газ называли «кислотвором», а водород – «водотвором».

«Целлофан» до своего теперешнего имени был известен как «целлофуаль», «гелюцелл» и, наконец, как «эслингерово целлюлозное стекло» («целлглас») (Черных, 1994, т. 2, 364).

Сказанное выше позволяет сделать второй, не менее важный вывод: концепты существуют автономно от вербальных средств их объек-

тивизации. Последние представляют собой лишь транспортные средства их выражения. Замена этих транспортных средств не влияет на мыслительную сущность единиц концептуальной системы.

2.2. Национальная специфика выражения концепта форма в русском и немецком языках

«Пространственная» метафора заняла прочное место в языке когнитивной лингвистики. Способы языковой категоризации пространства и времени в языке, национальная специфика пространственных картин мира, проявляющаяся в разных языках, составляли в последние годы важный предмет исследований отечественных и зарубежных лингвистов, механизмов представления знаний о мире в языке. Прочно вошёл в обиход термин «семантическое пространство языка» (Попова 1996) как метафора, связанная с освоением и осмыслением концептуальной значимости «языка пространства» (пространственных объектов, их связей и отношений) в механизмах языковой категоризации мира (Кубрякова 1997). Исследования показывают, что пространственные представления составляют исходную семантическую базу формирования многих фундаментальных концептов человеческого сознания.

В систему когнитивной разработки метафоры семантического пространства органически встраивается категория формы, воплощающая одно из важных свойств пространства физического мира. В самом широком понимании, в онтологическом аспекте, форма выражает способ существования (проявления содержания), зависимый от конкретных условий (Тюхтин, 1971). Если говорить об этой категории во всём её смысловом объёме, то она задействована семантически на всех по сути уровнях представления знаний в языке, отражающих все стороны человеческого бытия, теоретической и практической деятельности людей. При этом в каждой сфере человеческого опыта существуют свои способы ментальной репрезентации этой категории: логические формы, музыкальные формы, формы человеческих отношений, в языке – грамматические формы и т. д. Форма – это универсальная категория человеческого разума, привлекавшая исследователей на протяжении всего существования человечества.

Пространственная форма, трактуемая как «пространственно-геометрическая конфигурация» предмета, представляет, с одной стороны, более узкое, конкретное понятие, спроецированное на предметный, вещественный мир как образ восприятия, с другой –

это ментальный образ – объект высокого уровня абстрактности, возникший в результате абстрагирующей деятельности человеческого мышления – ведь в реальной практике бытия мира форма неотделима от предмета.

Конфигурационный образ мира, в сущности, неисчерпаем в динамике своих феноменологических комбинаций и взаимопереходах различных элементов, но он «исчислим» в своих инвариантных структурных характеристиках, обусловленных закономерностями земного бытия, земным тяготением, определяющим виды симметрии в природе и задающим основные типы пространственных форм – инвариантов, представленных в номенклатурных системах языковых единиц.

Исследования по психологии восприятия свидетельствуют о наличии в сознании человека системы эталонов пространственной формы, включающей: уровень геометрических эталонов формы (круг, квадрат, треугольник и т. д.) и уровень предметно маркированных эталонов, среди которых выделяются геометрически маркированные (мяч, кольцо, диск, клин и т. д.), предметные образы формы и усложнённые эталонные конфигурации (гриб, груша).

Соответственно в языке выделяются различные группы номинаций формы: геометрические номинации и названия предметно маркированных форм. Кроме того, в языке существуют группы названий различного рода схематически препарированных образов формы типа *очертание*, *профиль*, *силуэт*. Группы номинаций, выделяемые по способу схематической репрезентации пространственного образа в языке, представляют различные виды концептов формы, существующие в сознании людей.

Особенностью концепта форма является его ярко выраженная функционально-смысловая нагруженность и знаковый характер (Сапег, 1984).

Обращаясь к исследованию концепта «форма», мы ставим целью выявить характер его участия в структурировании семантического пространства языка, а также механизмы реализации когнитивной функции признака «форма» в языковом сознании.

В общей структуре семантического пространства языка народа можно выделить три уровня представления и концептуально-образной обработки знаний о мире: теоретический – уровень теоретических знаний, научных понятий, отражаемый в метаязыке научных теорий; уровень обыденного сознания, воплощающего эмпирическое опытное знание, закреплённое в лексико-фразеологической систе-

ме общенационального языка: уровень художественного мышления, индивидуально-творческого, эмоционально связанного выражения представлений о мире.

На каждом из этих уровней раскрываются особые стороны концепта формы, а также особенности его преломления языковым сознанием в соответствии с основным способом концептуальной обработки – логическим, логики обыденного здравого смысла, бытовой логики, экспрессивно-эмоциональным. Такое разделение уровней методологически оправдано по нескольким причинам. Во-первых, это позволяет охарактеризовать концепт формы в логическом, эмпирическом и эмоциональном аспектах. Во-вторых, это важно в связи с выявлением особенностей восприятия геометрических объектов обыденным сознанием, ибо бытовое сознание руководствуется в основном геометрической интуицией, занимающей важное место в процессах языковой концептуализации мира.

Теоретический уровень выявляет когнитивную значимость концепта формы в языковом сознании в нескольких аспектах рассмотрения. Когнитивная функция геометрических объектов в сознании человека обусловлена уже самим статусом теоретических объектов геометрии Евклида. В составе семантем геометрических номинаций этот уровень представлен семемой «абстрактный идеализированный объект». Такие объекты как точка, линия, плоскость, круг широко используются в научных описаниях в прикладной, иллюстративной функции, при составлении диаграмм, графических схем, для выражения логических отношений и т. д. С другой стороны, они могут вводиться в структуру самих научных понятий, используемых за пределами математики – типа «семантический треугольник», «герменевтический круг» и т. д.

В обозначении научных понятий названия предметов могут входить на основе актуализации в их семантике признака пространственной схемы или схемы принципа действия предмета (принцип «матрёшки», «воронки»).

На уровне повседневной практики когнитивная значимость геометрических образов обусловлена их ролью в системе пространственно-практической ориентации человека и функцией типологической классификации вещей, то есть отнесения их к определённом классу. Точка, линия, угол, плоскость, круг – важнейшие понятия, связанные с концептуальным представлением, стратификацией и схематизацией физического пространства. Выделение пространственной схемы объекта является результатом и одним из важных

условий реализации абстрагирующей деятельности человеческого сознания, связанной с установлением типологии формы, классификацией, категоризацией, идентификацией физических объектов по сходству и аналогии внешней конфигурации и структуры предметов.

В семантических процессах геометрические представления выполняют присущую понятиям обобщающую функцию и используются в качестве орудий обобщения предметов по родовым признакам, составляющим базу развития производных значений лексем – наименований формы (радиоточки, торговые точки, линии электропередач, конвейерные линии и т. д.).

Анализ слов и словосочетаний из лексико-фразеологического поля «форма» выявляет особую категориальную функцию геометрических образов и образов формы вообще. Так, в обыденном сознании выделяются классы предметов по признаку формы: предметы круглой, квадратной, удлинённой формы. Признак формы выступает в качестве особого семантического классификатора лексики. Примечательным в этом отношении является существование в японском языке особого классификатора *hon*, который используется в обозначении длинных, тонких, негибких предметов и вообще любых явлений, которые создают образ длинной и тонкой линии (Лакофф, 1988).

Характерной особенностью функционирования бытовых образов пространственной формы является «нежёсткий» характер концепта формы, что расширяет круг связанных с этим концептом явлений и предметов мира. Название геометрического объекта может распространяться на предметы, в строгом смысле геометрического понятия весьма различные по форме. Так, «круг почёта» означает в пространственном смысле замкнутую кривую, а не собственно круг. Сочетание «квадрат окна» также не предполагает обязательные характеристики геометрического квадрата. Чаще всего это прямоугольник. Лексемой «круглый» в обиходе характеризуют любые предметы, которые образуют, по словам Даля, «круг по плоскости или по очерку, окружности: круглое тело, шар, а в обиходной речи и все близкие к шару предметы (арбуз, голова и т. д.)» (Даль, 1994).

В сфере бытовой геометрической интуиции сложилось особым образом структурированное семантическое пространство формы, базирующееся во многом на принципах эмпирического восприятия формы, в том числе геометрической – семантическое пространство архетипического плана, включающее пласты семантической памяти лексем – названий формы, восходящее ещё к донаучному, мифологическому знанию и к ассоциативным корням понятий формы, выво-

дящим форму в статус естественных физиогномических знаков бытия. Геометрические образы встроены не только в сами представления человека об объектах мира, но и в систему аксиологических критериев, систему оценочных пропозиций сознания.

Так, использование лексемы «угол» в обыденном употреблении языка связано с актуализацией признаков эмпирического восприятия угла как элемента «края фигуры предмета». Этот образ актуализируется в семантике выражений «уголки парка», «медвежий угол» для обозначения отдалённой местности. В семантемах геометрических номинаций выделяются два семантических центра – центра возникновения производных семем: эмпирический и концептуально-логический. Эмпирический связан с представлением наглядного образа геометрического объекта, а логический – с представлением его концептуальной схемы: «точка» = пятнышко на поверхности и «точка» = идеализированный геометрический объект, лишённый всех трёх измерений; «линия» = черта на поверхности и «линия» – идеализированный объект, длина без ширины, результат развёртывания точки в пространстве.

Характерным является развитие у названий геометрической формы предметных, конкретных значений «предмет» (спасательный круг, воздушный шар), «место» (самая высокая точка горы), «участок поверхности» (линия укреплений, круг света от лампы).

Особенностью семантического пространства формы на уровне обыденного сознания является установление когнитивных связей между пространственными образами, в том числе и геометрическими, на базе связанных с ними коннотативных («непространственных») смыслов, в силу чего различные пространственные образы вступают в особые отношения семантической дополнительности. Так, например, в лексико-фразеологической системе языка образ круга актуализируется в нескольких видах ментальной репрезентации. Замкнутый круг, замыкающийся круг символизирует в различных словосочетаниях идею повтора, возвратности, безысходности положения и т. д. (логический круг, заколдованный круг, возвратиться на круги своя и т. д.). При этом в языковом сознании актуализируется и образ «разомкнутого круга». Образ «размыкания круга» (прорыв из круга на новый уровень) реализует другой геометрический образ – «спираль», символизирующая идею развития.

Характерной является метафорическая разработка пространственной схемы геометрического образа на основе актуализации пространственной схемы конкретных предметов. Так, в языковом

сознании движение по кругу с возвратом в исходную точку символизирует процесс завершения цикла и момент перехода к повторению. Пространственный символ поступательного движения порождается в соединении образа круга и прямой (касательно к кругу) на основе актуализации схемы движущегося по поверхности дороги колеса (каждая точка обода колеса, совершая круг вращения, перемещается одновременно по прямой). Таким образом, колесо, соединяющее два вида пространственного перемещения, символизирует цикличность частных проявлений бытия при общей его поступательной динамике.

В семантическом пространстве языка функционируют ментальные образы, дополняющие геометрическую схему эмпирическими признаками. Так, схема-образ «кольцо» соединяет схему круга с признаком наличия внутреннего свободного пространства. В результате подобных семантических смычек возникают геометрически и предметно маркированные образы-схемы формы, обладающие богатым метафорическим потенциалом, варьируемым и в системных значениях языковых единиц, и в окказиональном употреблении языка при выражении индивидуальных ассоциаций, что наиболее широко представлено на уровне художественного мышления.

Семантический анализ лексико-фразеологической системы языка как на уровне системных значений, так и в реальной практике повседневного общения, а также в художественном контексте выделяет особо значимые в семантическом отношении оппозиции признаков формы на уровне геометрических образов:

прямая – круг Один идёт прямым путём. Другой идёт по кругу И ждёт возврата в отчий дом, Ждёт прежнюю подругу. – А. Ахматова);

прямая – точка (Точка всегда обозримей в конце прямой. – И. Бродский);

круг – угол (Я с детства не любил овал, Я с детства угол рисовал. – П. Коган).

Эти же признаки выступают в качестве опорных при выделении основных свойств формы предметов.

Семантические исследования выявляют важное место в семантическом пространстве языка концептов точки, угла, прямой, круга, связанный с концептуально-языковой разработкой многих основополагающих концептов человеческого сознания. Это позволяет рассматривать их в качестве неких «вершин» ментальных объектов в семантической структуре языка, задающих фундаментальные направления развития лексической семантики на базе признака «форма».

В области ментальных образов пространственной формы у разных народов наблюдается много общего. Условия земного бытия презадают основные типы возможных предметных форм, а физиологические возможности человека определяют основные закономерности зрительного восприятия формы, организуемого на основе геометрических структур – эталонов формы, представленных в сознании. Благодаря этому обеспечивается замечательная способность человека «ощущать» форму как целостность. Не случайно Э. Маха, утверждавшего, что наряду с отдельными ощущениями (звука, света и т. д.) существуют независимые от них ощущения формы (например, геометрические фигуры), относят к предшественникам гештальтистов (Ярошевский, 1985). Существуют одинаковые для всех прототипы в области формы (сфера, круг, квадрат и т. д.), которые наряду с другими объектами геометрии Евклида (точка, линия, угол, плоскость) играют важную роль в пространственно-практической ориентации людей в целом и при опознании и выделении формы предметов, в частности.

Наряду с геометрическими эталонами существуют предметные эталоны пространственной формы, в области которых в силу сходства эмпирического опыта людей, живущих на одной планете, наблюдается много общего. В качестве общезначимых эталонных форм выступают пространственные конфигурации и природных объектов, артефактов (кольцо, тарелка, столб, диск, нить, гриб, груша и т. д.). Язык поставляет множество примеров одинаковых у разных народов определений формы одного предмета посредством другого, принятого за эталон. Иногда эти определения восходят к латинским и греческим названиям: *cornualunae*; *Hörner des Mondes*; рог Луны, рог месяца. Приведём несколько примеров, где номинация денотата основана на актуализации предметно маркированного эталона формы: серп месяца, лунный серп – *Mondsichel, die*; диск луны – *Mondscheibe, die*; нить накала – *Faden der Glühbirne*; позвоночный столб – *Wirbelsäule, die*; столб пыли – *Staubsäule, die*; столб дыма – *Rauchsäule, die*; кольца Сатурна – *die Ringe des Saturns*; олимпийские кольца – *olympische Ringe*; чёрные кольца вокруг глаз – *schwarze Ringe um die Augen*; атомный гриб – *Atompilz, der*; сноп света – *Lichtgarbe, die*; нос картошкой – *Kartoffelnase*.

Об общности ментальных образов формы у разных народов можно говорить и со стороны сходства символических значений, связываемых с пространственными конфигурациями, прежде всего геометрическими. Общезначимость геометрических представлений

обуславливает и общезначимый во многих чертах характер геометрической символики. Примечательно, что структурные характеристики геометрических образов в сознании разных народов и культур получают часто тождественную смысловую трактовку. Это проявляется как на уровне архаического мышления, так и в мышлении современного человека – и в обыденном использовании геометрических понятий, и в научном обиходе.

По мнению Павла Флоренского, тождественность психологических ассоциаций, связывающих идеографические знаки (к коим можно отнести и геометрические символы) с определённой идеей (идеями) у разных народов может быть объяснена «или наличием какой-то доисторической пракультуры, или же тождественностью психологических законов человечества, согласно которым для выражения одной и той же идеи создаются аналогичные образы во все времена и у всех народов (Некрасова, 1984).

Примечательно, что человеку дано не просто «ощущение формы», но и способность к иконической шифровке и дешифровке смыслов на базе пространственно-геометрических образов. Конечно, общезначимость смысла, репрезентируемого геометрическим образом в научном обиходе, обусловлена теоретической значимостью понятия, на которое этот образ проецируется в рамках определённой теории (герменевтический круг, семантический треугольник Фреге или, например, понятие дерева-графа). Целью нашего рассмотрения является прежде всего обыденное употребление языка и смыслов, актуализируемые на основе геометрических образов в обыденном сознании.

Образы геометрических тел – геометрические символы, составляющие «класс мифопоэтических знаков, воплощающих модель мира, организованное пространство – космос» (Мифологический словарь, 1991) играли особую роль в символической представленности мировосприятия людей прежних эпох. С геометрическими фигурами связывались представления о совершенстве, гармонии, упорядоченности, красоте, благообразии, в силу чего считалось, что и мир и человек могут быть изображены с помощью геометрических фигур, символизирующих совершенство божьего творения (Гуревич, 1984).

В мифологическом сознании разных народов кругу приписывались особые магические свойства. Наряду с распространённой солярной символикой особенно отмечается и другое значение: круг был священным символом богини неба. В связи с этим место, на котором совершалось богослужение, очерчивалось кругом. С формой давно исчезнувших архаических храмов неба, видимо, генети-

чески связана и форма античных ротонд и круглых христианских церквей. Характерно, что слова «церковь», Kirche, church происходят от греч. kirkos, лат. circus «круг».

Можно назвать множество примеров общезначимой в разных культурах символики геометрических фигур: пентаграмма – символ жизни; треугольник, ромб – знаки пола; круг – символ вечности, бесконечности; четырёхугольник – знак земли и т. д. Вместе с тем изучение древней символики свидетельствует и о неоднозначности геометрических символов в разных культурах и у разных этнических групп, об их многозначности. Так, в древней семантике графемы треугольника наблюдаются различные смыслы: треугольник – знак облака и знак богини неба; языческий символ трёх солнц; символ земли; священный знак, обозначающий гору; в христианской эмблематике – символ Троицы и т. д. Многозначна и семантика спирали – графемы, известной во многих этнических культурах: символ змеи; знак грома; символ молнии; символ бога земли в образе змея (Голан, 1993). Возможность наполнения одних и тех же образов различным символическим содержанием связана с высокой степенью абстрактности геометрических фигур.

Неодинакова и аксиологическая оценка геометрических фигур, считавшихся издревле совершенными телами. Так, например, несмотря на то, что шар традиционно со времён эллинской античности считался именно такой фигурой, у индусов нет идеи шара как совершенной формы. В Индии совершенная осана для созерцания: поза Будды – не шар, а поза лотоса, образуемая ногами, друг на друга наложенными. Эта поза – прямой угол, как книга (Гачев, 1995).

Различия наблюдаются в системах предметно маркированных эталонов формы. Обычно эталонную значимость приобретает форма предметов ближайшего окружения человека, характеризующих сферу национального быта и среды обитания. Менталитет народа как бы «подсказывает» выбор национально-специфического эталона формы. Так, например, в сознании немцев роль такого эталона выполняет головной убор – чепец (Haube, die). Хотя в быту у русских также используется такой головной убор, он не используется в качестве эталона формы. Этот факт находит отражение в языке. В немецком языке лексема Haube, die широко распространена для обозначения предметов, форма которых отождествляется с формой «чепца». Это – сушильный аппарат (в парикмахерской); тех. – колпак, капот; кофух; чехол; крышка. Эта же лексема используется для обозначения нависшего над городом смора (Dunsthaube, die). В рус-

ском сознании в качестве эталонной выступает форма другого головного убора, обозначаемого лексемой «колпак». Соответственно, эта лексема используется для обозначения предметов, имеющих овальную или конусообразную форму, ассоциируемую с колпаком.

Национально-специфические эталоны формы могут складываться на основе наиболее распространённых в данной культуре конфигураций, характеризующих архитектурные стили. Так, например, как отмечают исследователи, в космосе русских вертикаль выражена слабее, чем горизонталь, и это отражено в особенностях архитектурного стиля. Если для западных стран характерна фахверковая архитектура с остроконечными крышами, то на Руси, прежде всего в церковной архитектуре, получила распространение шатровая форма. Не случайно в сознании русского человека образ раскидистого дерева часто ассоциируется именно с шатром, или, например, у А. С. Пушкина есть характерная ассоциация образа Казбека с шатром:

Высоко над семьёю гор,

Казбек, твой *царственный шатёр*

Сияет вечными лучами. *Монастырь на Казбеке*

Специфическим для русской национальной культуры является образ «луковки» (и «маковки»). Луковка – это эталон формы, возникший как абстракция луковичной формы куполов в церковной архитектуре на Руси.

Одна и та же пространственная конфигурация может получать в разных языках национально-специфическое название в зависимости от принятых в данной культуре предметных эталонов формы. Так, например, пространственно-геометрическая конфигурация, обозначаемая в русском языке выражением «в ёлочку»!, ассоциируется в западноевропейской культурной традиции с пространственной структурой рыбьей кости и обозначается, соответственно, в немецком языке выражением *im Fischgrätenmuster*.

Название предметного эталона формы обычно получает распространение в языке в статусе системного обозначения предметов соответствующей конфигурации и широко используется во фразеологии, отражая значимость «эталонного» предмета в данной этнической культуре. Так, лексема «ёлочка» употребляется для обозначения способа организации стоянки автомашин. Так называется и доильная площадка, на которой станки расположены под углом к проходу. Существует вид водопроводного крана, который называется «ёлочка». Так называется и способ подъёма на лыжах. Развита на Руси смеховая культура способствовала актуализации значимости и визуальной

закреплённости образа колпака в сознании народа и, соответственно, развитию коннотативного употребления его названия (шутовской колпак; быть под колпаком у кого-н.; колпак = недалёкий человек).

При изучении иностранного языка необходимо учитывать все эти обстоятельства, поскольку образ формы, просматриваемый во внутренней форме языкового выражения на иностранном языке, может актуализировать образ формы, присущий иному языковому сознанию, и обуславливать ложную семантическую ориентацию изучающего иностранный язык (аналогично «ложным друзьям» переводчика).

Мы предлагаем рассмотреть некоторые примеры, выявляющие черты сходства и своеобразия ментального преломления образов формы в русском и немецком языковом сознании.

Примечательно, что предмет, распространённый в сфере быта двух народов, может приобретать эталонную значимость в сознании одного из них. Так, немецкий язык актуализирует в качестве эталона форму цветка «тюльпана» (*Tulpe, die*). Этой лексемой обозначается в разговорном языке бокал (фужер) для пива (в форме тюльпана). Так называют также человека «со странностями»: *Dieser Ingenieur Kroysing war eine komische Tulpe* (A. Zweig. *Erziehung*). В русском языке форма тюльпана ассоциируется с формой «колпачка», имеющей статус эталонной (эталона – символа овальной и конусообразной формы), что находит отражение в словарных определениях этого предмета (Ожегов, 1995).

Роль своеобразного эталона пространственной формы в немецком языке являет «комод» (*Kommode, die*). Этой лексемой называют с фамильярной стиливой окраской старое пианино. «Комодом» немцы именуют и одно из зданий – достопримечательностей Берлина – бывшую Королевскую библиотеку.

Предметным эталоном неправильно овальной формы у немцев выступает «почка» (*Niere, die*). В немецком языке употребляется название *Nierentisch, der*, обозначающее столик неправильной овальной формы, напоминающий почку.

Общий для двух народов предметный эталон формы может иметь различную языковую представленность, сферы денотативной соответственности его названий могут быть различными. Так, например, конфигурация груши является эталонной и у русских, и у немцев. Общим является употребление лексем в металлургической терминологии. Вместе с тем лексема *Birne, die* традиционно используется для обозначения электролампы (*Glühbirne, Heizbirne*). Специфичным для немецкого языка является фамильярное употребление лексем

для обозначения головы человека (ich habe eine dicke Birne – у меня башка трещит; du hast wohl eine wiche Birne – ну и дурак же ты!; мякинная ты голова).

Эталоном плоской круглой формы и в немецком, и в русском языке выступает предмет обихода «тарелка» (Teller, der). При общности семантического устройства русского и немецкого обозначений, наблюдаются различия в их денотативной соотнесённости. Так, лексема Teller, der используется для обозначения кольца на лыжной палке, ладони руки. В процессах номинации при актуализации признака плоской круглой формы в немецком языке используется и другая лексема (Untertasse, die – блюдце). Так, в отличие от обозначения в русском языке НЛО сочетанием, включающим лексему «тарелка» (летающие тарелки), в немецком языке употребляется сочетание fliegende Untertasse, дословно «летающее блюдце».

В русском и немецком языках наблюдаются различия и в денотативной соотнесённости обозначений общепринятого эталона формы – колокола (Glocke, die). Для немецкого языка характерно употребление лексемы Glocke, die для обозначения стекла керосиновой лампы, предметов сервировки стола. Кроме того, лексема используется для обозначения смога, облака вредных испарений над городом, дымового облака (Dunstglocke, Rauchglocke).

Интересна специфика употребления лексемы Säule, die (столб). Этот предмет является эталоном удлинённой вертикальной формы и его русское и немецкое названия, как отмечалось выше, развивают производные значения на базе этих признаков. Особенностью немецкого языка является использование лексемы на основе актуализации признака «пространственная протяжённость» для обозначения колонны демонстрантов.

В русском языке распространено обиходное название рулевого колеса автомашины «баранка», а ногами можно «выписывать кренделя».

Наряду с рассмотренной выше эталонной структуры «ёлочки», имеющей в немецком языке иную предметную основу номинации, в сознании обоих народов существует эталонная структура, ассоциируемая с одним предметом – ёжиком (Igel, der), в виде вертикальных лучей, отходящих от сферической или полусферической поверхности. Здесь денотативные сферы приложения русской и немецкой лексем близки (военная терминология, форма мужской причёски: волосы ёжиком, Igelfrisur). Вместе с тем в русском языке представлена ещё одна, близкая данной по элементам пространствен-

ной конфигурации структура, обозначаемая лексемой «ёрш» (ёршик) и актуализируемая производными от неё лексемами «ершистый», «ершиться». В русском языке название «ёрш» получила щётка для чистки ламповых стёкол, а также внутренней части цилиндрических предметов. Такое название возникло на основе эмпирической ассоциации «колючий» (ёрш – костистая рыба с острыми плавниками), но, безусловно, здесь имеет место и актуализация обобщённого пространственного образа.

Сопоставительно-семантическое исследование названий геометрических эталонов формы и её составляющих (точка, линия, плоскость) также выявляет наряду с общностью своеобразие семантической разработки признака формы в разных языках, в том числе обусловленное национальными особенностями быта. Так, например, номинация угла в русском и немецком языках связана с обозначением отдалённой местности на разной метафорической основе (медвежий угол, но Krahwinkel, der). Национальную специфику заключает немецкое выражение *die Berliner Ecke* – «Берлинский угол», обозначающее старый архитектурный элемент, который часто применялся при строительстве жилых домов в Берлине в XIX веке. Это срезанный угол здания, стоящего на перекрёстке двух улиц. Угол украшается, как правило, поджиями, балконами, эркерами (Мальцева, 1991).

Изучение национального своеобразия языковой представленности образов формы имеет важное значение в страноведческой подготовке учащихся и может оказать существенную помощь при овладении иностранным языком.

2.3. Национальная специфика ЛСГ глаголов самостоятельного перемещения в русском и немецком языках

Глаголы *идти, ходить, бежать, бегать, плыть, плавать, ползти, ползать*

Ситуация перемещения агенса в пространстве, по мнению Е. Е. Кубряковой, с которой мы абсолютно согласны, – одна из первых ситуаций, осмысленных людьми. Именно эта ситуация лежит в основе представления более сложных действий и процессов, которые уподобляются говорящими разным характеристикам перемещения (Кубрякова, 1992, 87).

Ядром концепта «самостоятельное перемещение агенса» являются так называемые парные глаголы: *идти – ходить, бежать –*

бегать, лететь - летать, плыть - плавать, ползти - ползать. У всех глаголов данной группы выделяется общий компонент значения, выражающий основную сущность семантического содержания глаголов и имеющий значение «перемещение в пространстве» (менять место). Все глаголы рассматриваемой группы имеют сложную структуру, где наряду с общим компонентом значения содержатся другие компоненты, конкретизирующие разные аспекты и детали движения.

Семемы и семантемы рассматриваемых глагольных лексем подробно описаны в наших публикациях (Панкина, 1995, 53–78; Панкина, Попова, 1993, 45–48). Подлежащее при глаголах самостоятельного перемещения может обозначать людей, животных, вещи, абстрактные понятия; от этого зависит изменение компонентного состава исследуемых глаголов.

Именно в этой ЛСГ русского языка имеются так называемые парные глаголы, семемы Д1 которых различаются только одной семой «направление перемещения» (в одном направлении / в разных направлениях): *идти – ходить, бежать – бегать, лететь – летать, плыть – плавать.*

Тщательно разграничены движущие части тела: ноги, крылья, плавники, нижняя поверхность тела.

И снова смотрели из зеленых чащоб змеистые цапли...отлетая от дороги, по которой шел человек (Семенов); Кони шли за ним неохотно... (Тендряков); ...солдаты, посвистывая ходят по обе стороны, косятся под вагон (Солженицын); Рысь ходит, как кошка, лапка за лапку (Пастернак); ...из проходной бежали люди с носилками (Герасимов); Серая белочка...бежала по снегу... (Семенов); На улице бердичевских Яток в пыли бегают грязные куры с желтыми кадмиевыми ногами... (Гроссман); ...над туманом, приспустив острые, как косые паруса, крылья, летели четыре кряквы (Осипов, 66); Молодые орлы летают...значит подходит осень (Шмелев); ...под густыми ветвями в тихих водах плавают золотые и серебряные рыбы... (Ходасевич); ...смотрим: черная гадюшка ползет... (Колыхалов); ...по лбу его что-то ползало – наверное, паучок или какой-нибудь червяк (Шолохов).

Позицию агенса в вышеприведенных примерах занимают существительные, обозначающие живые существа, которые перемещаются при помощи ног по суше (*идти, ходить*), обладают таким способом передвижения, как бег (*бежать, бегать*), способ перемещения которых вытекает из их природы (*лететь, летать*), способ перемещения которых в водном пространстве осуществляется при помощи специальных средств перемещения – плавников (*плыть, пла-*

вать), которые перемещаются нижней поверхностью всего тела или на коротких ножках по твердой поверхности (*ползти, ползать*).

Тщательно дифференцирована среда перемещения: суша, вода, воздух.

Так шли трамваи в ту ночь из города к заводу... (Герасимов); Откуда-то с верховьев ее плыли источенные солнцем голубые крыги льда (Шолохов); С грохотом летели перекладыны, доски, рубероид и куски железа (Иванов).

В приведенных примерах семемы глаголов идти, плыть, лететь сохраняют архисему «*перемещаться в пространстве*». Доминирующей становится дифференциальная сема «*среда перемещения*».

Очень хорошо дифференцирован признак «темп перемещения» (быстро / медленно).

...из проходной к вагонам бежали люди с носилками (Герасимов); По степной дороге бойко бежал автомобиль (Веселый); Речка вздулась, бежит, как с горы (Семенов); Самолет плыл над выпуклой синевой, поворачивался то одним, то другим крылом... (Проханов); Облака плыли нехотя, лениво (Лиходеев); Медленно ползет поезд между холмами... (Симашко); Грузно переваливаясь, ползли машины по тесным улочкам... (Головин); Туманы ползли в неведомых нам ущельях (Гранин).

Отчасти разработан признак «способ перемещения» (размерено, переставляя ноги толчками, отталкиваясь в воздух от земли, без видимых движений частей тела, всем телом).

...Впереди в два ряда шли девушки – пели... (Рыбаков); Давыдов долго бежал, держась за грядущку саней... (Шолохов); Под самой тучевой подошвой, кренясь, ловя распростертыми крылами струю, плыл на восток ворон (Шолохов); Бостон полз, упираясь локтями, смахивая налипающий на лицо снег (Айтматов).

Очень богат состав потенциальных сем, который определяется по коннотативным семемам.

В мозгу Ерошки неясно плавали отдельные человеческие черты лиц и фигур, виденных им в течение жизни... (Грин) – сема «темп движения» (медленно, плавно) становится дифференциальной.

Фыркая капелью ползет масленница мокрохвостая (Веселый) – потенциальная сема «характер движения» (вяло) переходит в статус дифференциальной.

По комнатам зазвучали шаги. Они летели из бездны двух лет ожидания (Толстой); – потенциальная сема «темп движения» (быстро, стремительно) становится доминирующей.

Летели навстречу темные поля, перелески, дальние желтые, как одуванчики, огни провинции... (Ямпольский) – потенциальная сема «иллюзорно» появляется при наличии форм, обозначающих пространственно-направленное действие (навстречу, мимо), которые обуславливают появление новых дифференциальных сем (в глазах, в поле зрения передвигающегося человека), которые поддерживают архисему глаголов «перемещаться в пространстве».

Беседа шла вяло (Дудинцев); Про Ухорина ходят самые нелепые были и небылицы... (Курочкин); ...из обоза летели зловещие вести... (Веселый) – распространяться от человека к человеку (регулярно, длительно, непрерывно, плавно).

В этих примерах семема глаголов *идти, ходить, лететь* утрачивает все дифференциальные семы, архисема «перемещаться» переосмысливается и трансформируется в архисему «*бытия, смены составляющих процесса обмена какими-либо сведениями*».

Анализ фактического материала показал, что архисемы этих глаголов одинаковы и содержат компоненты:

- перемещаться самостоятельно;
- двигаться;
- существовать в движении;
- существовать в изменениях.

Наличие этих компонентов в архисемах исследуемых глаголов отчетливо проявляется при расслоении архисемы в процессе образования семем K1:

- существовать в виде непрерывного изменения временных отрезков.

Позицию агенса занимают существительные, обозначающие время.

...шло жаркое лето и время пятилеток (Платонов); ...в тесноте прохладной траншеи идет деловитая и суматошная жизнь переднего края (Тендряков); Дни бегут все дальше все быстрее... (Уварова, 91); Осенняя ночь бежала, цепляясь за вагоны... (Грин); ...а время летело гораздо быстрее, чем обычно... (Сенкевич); Быстро летели дни, до отказа заполненные работой (Винницкий); Плыла ночь... (Веселый); Фыркая капелью, ползла масленница мокрохвостая (Веселый).

Время – абстрактное понятие, исключаящее сему «орган передвижения». Семемы глаголов *идти, бежать, лететь, плыть, ползти* утрачивают дифференциальные семы «средство перемещения» и «среда перемещения». Архисема под влиянием семантики агентов утрачивает конкретный признак «перемещаться в пространстве». В ней выявляется признак более абстрактного уровня «изменяться». Диф-

ференциальная сема «темп движения» глаголов лететь, бежать, ползти сохраняется и придает экспрессивную окраску сочетаниям в целом.

- существовать в виде непрерывной смены образов в мозгу, смены импульсов состояния.

Позицию агенса занимают существительные, обозначающие процесс мышления.

Казалось, мысль его идет не имеющим закона зигзагом (Гроссман); Поначалу мысли его шли как-то вразброс... (Шуртаков); Мысли разные бегут, бегут как собаки на улице, разные образы мелькают, воспоминания... (Грин); Мысли, предоставленные своему течению, плывут по кругу лиц, слов, впечатлений... (Кетлинская); Мысль Федора Ивановича летела свободно и ярко, бросаясь то в одну сторону, то в другую (Дудинцев).

Процесс мышления – физиологический процесс, не имеющий ярко выраженных наблюдаемых характеристик. В системе языка нет глагола, значение которого передавало бы движение мыслительного процесса. Функцию передачи движения мыслительного процесса берут на себя глаголы идти, бежать, плыть, лететь, семемы которых утрачивают конкретный признак «перемещаться в пространстве», но сохраняют признак «быть в виде процесса, существовать». Актуализируется сема «темп движения», которая придает сочетаниям экспрессивную окраску.

Позицию агенса занимают существительные, обозначающие физиологическое и психологическое состояние человека.

...шли за Штрумом сомнения, страдания, неверие (Гроссман); ...почувствовал боль, она шла откуда-то снизу и распротранялась по всему телу (Герасимов); ...при мысли о нем ползут из глубины ее существа ощущения неясные (Кутлинская).

Тревога, страдание, сомнение, неверие, боль – все это различные состояния человека, ощущаемые им как изменение своего состояния от его возникновения до его окончания. Семемы лексем в позиции агенса не содержат никаких дифференциальных сем, сопоставимых с дифференциальными семами глаголов идти, ползти. Архисема утрачивает конкретный признак «перемещаться в пространстве», переосмысливается, изменяется и приобретает коннотативное значение для констатации факта изменения состояния человека.

Позицию агенса могут занимать существительные, обозначающие какое-либо действие.

Но та перестройка, которая идет сейчас в стране, именно своей революционностью нас и радует (Нуйкин); ...шла сплошная коллек-

тивизация, раскулачивали и ссылали тысячами (Тендряков); А в Новороссийске шли аресты и разгром зажиточных людей (Платонов);

Архисемой семем перестройка, коллективизация, аресты является «действие». Семема глагола идти утрачивает в данных сочетаниях все дифференциальные семы. Утратив поддержку дифференциальных сем архисема глагола идти переосмысливается в архисему другого уровня «производить, совершать действие». Семема глагола идти переосмысливается и обозначает лишь факт равномерной смены эпизодов процесса какой-либо деятельности. Появляется потенциальная сема «процессуальность действия», диктуемая семантикой существительных в позиции агенса.

ЛСГ глаголов самостоятельного перемещения агенса очень детально разработана. В семемах глаголов этой ЛСГ обнаруживается многослойная архисема, большое число дифференциальных сем, остается открытым инвентарь потенциальных сем.

Анализ лексико-семантических связей в кругу рассматриваемых нами глаголов самостоятельного перемещения в пространстве позволяет сделать вывод, что данная ЛСГ обладает полевой структурой. В ней отчетливо выделяются ядерная и периферийная зоны.

Идентификация единиц в рамках ЛСГ осуществляется на базе ядерных сем, входящих в семантическую структуру всех ее конstituентов. Таковыми являются архисема и дифференциальные семы в структуре рассматриваемых глаголов. Архисема отражает признак всего класса объектов. Изучая коннотативные семемы, мы обнаружили, что архисема под влиянием семантики агентов может утрачивать конкретный признак «перемещаться в пространстве», в результате чего она способна расслаиваться на признаки более абстрактного уровня:

- самостоятельно перемещаться;
- восприниматься как самостоятельно перемещающееся;
- существовать в движении;
- действовать;
- существовать без перемещения;
- существовать в изменении.

Все рассматриваемые нами глаголы находятся в четких семантических оппозициях по дифференциальной семе «однонаправленность (разнонаправленность движения)». Среди глаголов, содержащих сему «однонаправленность», ядерным является глагол идти, который находится в четкой семантической оппозиции по семе «темп движения» к другим глаголам данной группы. По семе «темп движения» глагол *идти* не маркирован.

Если с глаголами *лететь*, *ползти*, *плыть* глагол *идти* находится в четкой семантической оппозиции по дифференциальной семе «средство перемещения», то с глаголом *бежать* столь ясной оппозиции нет, так как отличие при передвижении *бегом* заключается только лишь в отличном от *идти* способе перестановки ног.

Если глагол *идти* находится в четкой оппозиции по семе «среда перемещения» с глаголами *лететь*, *плыть*, то с глаголами *бежать*, *ползти* такой четкой оппозиции нет.

Сема «разнонаправленность» блокирует возможность широкой сочетаемости для группы глаголов, группирующихся по этой дифференциальной семе. Архисема этой группы глаголов приобретает еще и признак «многократно повторяя одно и то же перемещение».

Различие по группе сем «характер движения» оказывается весьма существенным для дальнейшего семантического развития этих глаголов.

Семема K1 также значительно богаче у глаголов однонаправленного движения, что видно из их более широкой сочетаемости с разными ЛСГ существительных.

О хорошей разработанности описываемой ЛСГ говорит наличие глагола *перемещаться*, который является идентификатором рассмотренных нами глаголов, репрезентирующих концепт «самостоятельное перемещение агенса».

Согласно 17-томному словарю современного русского литературного языка денотативным значением данного глагола является — «передвигаться с одного места на другое» (ССРЛЯ, IX, 754–755).

Таким образом архисемой глагола *перемещаться* является «*движение с обязательной сменой места пребывания в пространстве*». Следовательно семема глагола *перемещаться* включает в структуру своего значения и семантику глагола *двигаться*.

Глагол *перемещаться* выражает моторно-кратное действие. В отличие от глаголов самостоятельного перемещения глагол *перемещаться* не конкретизирует ни среду перемещения, ни средства передвижения. Он представляет архисему ЛСГ и является широкозначным.

Стаи клубились то плотно, то слегка растворяясь в холодном голубом небе, как будто птицы были связаны невидимо и не отпускали друг друга. Они взлетали вместе, вместе садились и вместе перемещались над ровной, бескрайней, словно сотканной из старой мешковины землей (Лиходеев); Холин наконец останавливается и, сделав нам знак присесть, сам уходит вперед. Скоро он возвращается и еле

слышно командует: – За мной! Мы перемещаемся вперед еще шагов на тридцать и присаживаемся на корточки за уступом (Богомоллов); ... – он в полусне слегка перемещается в тень... (Шолохов).

Устранение из описания некоторой информации может быть восполнено только лишь контекстом: А еще я никак не могу по-настоящему удивиться, что вот я, бескрылое существо, а подо мной – 10 километров воздуха, и перемещаюсь я с огромной скоростью – и хоть бы что, как так и надо (Шукшин).

Медленно поворачивался. Отрывал от окна опаленные зрелищем глаза. Останавливал их на стене. На квадратном пятне водянистого весеннего солнца. Пятно, размытое по краям, слабо перемещалось (Проханов); Все неровности Земли, все бугорки, похожие на тысячи муравьиных куч, отбрасывали длинные тени и некоторые из этих теней медленно перемещались (Толстой) – В данных примерах ядерное значение глагола перемещаться (*перемещаться с одного места на другое*) еще более актуализируется.

Затем началась фантастическая гонка по горным спиральям, с дикими заносами на поворотах, с диким шварканьем задними колесами над обрывами и пропастями, отчего желудок перемещался куда-то вверх, а под мышками становилось прохладно (Кольцов) – Глагол *перемещаться* выступает в данном примере в своем основном значении *менять место*.

Глаголы этого ряда включают в структуру своего значения и семантику глагола двигаться.

Согласно 17-томному словарю современного литературного русского языка основным категориальным признаком глагола двигаться является признак *«перемещаться (в значении Д2), передвигаться, быть в движении»*.

В семантике глагола *двигаться* значение способа и среды перемещения не выражено, то есть семема этого глагола не содержит признаков, присущих глаголам самостоятельного перемещения.

Недостающую информацию о способе и среде перемещения несет в себе агенс. Следовательно, при описании процесса движения, выраженного глаголом *двигаться*, можно отметить специфическую семантическую связь между агенсом и глаголом. Рассмотрим некоторые примеры:

Телеги, покрытые брезентами, возы с соломой и сеном, санитарные повозки, огромные корыта понтонов, покачиваясь и скрипя, двигались по широкому, залитому жидкой грязью шоссе (Толстой); День и ночь лавина чемоданов, сундуков, людей двигается в порт (Веселый);

Вместе с бойцами плелись, двигались на санях женищины, дети и раненые, обмороженные солдаты (Черкасов-Георгиевский); Быки, ослы, лошади, пароходы, парусные баржи, англичане, американцы, китайцы, индусы... Все движется, все на ходу, работает, все спешат и стараются (Задорнов); Кутеповский 1-й армейский корпус вместе с Терской казачьей дивизией генерала С. М. Топоркова безостановочно двигался на Харьков (Черкасов-Георгиевский); С оркестрами и песнями сотни тысяч демонстрантов медленно движутся через площадь, мимо памятника Рафаэлю Казанове (Кольцов); Все это разнородное войско – видевшие всякие виды гвардейские подразделения, одетые с иголочки маршевые роты и офицерские команды, вся эта новенькая, без царапинки, техника – все двигалось к фронту, навстречу тяжелым и для многих последним боям... (Богомолов).

Во всех приведенных примерах существительные называют агентов, которым свойственен определенный способ и среда передвижения в пространстве. Информация о способе и среде передвижения, заключенная в агенсах, снимается в семеме глагола *двигаться*. Семы, связанные с характером и способом передвижения, зависящие от характера агенса, не получают подтверждения в семеме глагола двигаться.

В бурунах пыли, крутя гусеницами, навстречу двигались танки (Проханов); Пронзительно крича, двигался маневренный паровозик... (Богомолов); Вечером возник встречный корабль, двигался он курсом для нас опасным (Сенкевич); Пароход двигался вверх по реке очень медленно (Мамин-Сибиряк); По широкой желтоватой реке в зыбких солнечных отсветах двигались силуэты лодочек, направляясь к дальнему песчаному берегу (Толстой); Над городом семерка «Юнкерсов» в сопровождении истребителей. «Курносых» не видно. Фашисты спокойно, безнаказано движутся по небу (Кольцов);

По тропинке от вокзала через сад двигались две женщины, несли огромный сундук, переплетенный веревками (Бондарев); Молодые и старые, русские и татары, мужчины, женщины, дети. Все они двигались в одну сторону, к прудам (Мелешко); И пароходы... пристают в гавани каждый день, там где ослепительно горит электричество и движется плотная черная толпа (Грин); Нырjali под воду с кинокамерой, снимали крабиков, улиток, морских уток и диковинных рыбешек, похожих на луну-рыбу. Они около тридцати сантиметров в длину, плоские, темно-сиреневые, в пятнышках. Двигутся, работая спинным и брюшным плавниками, причем машут ими не синхронно, а вразнобой (Сенкевич); Тридцати- и сорокасантиметров-

вые рыбины, плотные и гладкие красавицы, играя острыми плавниками, таранили широкими лбами воду и стремительно двигались вперед (Мелешко).

Если информация о среде и способе перемещения в имени агенса не содержится, то глагол *двигаться* получает ее из специальных форм, обозначающих пространственно-направленное действие (двигаться – как? по чему?).

Дальше мы движемся уже ползком, по свежевырытому во влажной земле низкому ходу (Кольцов); Возник намек на ветер, и мы слегка движемся по гладкому озеру с нежной рябью на поверхности (Сенкевич); Высоко в небе двигалась огненная малая точка. Из этой точки шатром лился свет (Проханов); ...по гладкой поверхности воды движется треугольник из трех точек, они возвышались над глазами и над пастью отвратительного существа (Новиков-Прибой); По Волге двигался лед, его шуршание было слышно за десятки метров от берега (Гроссман); Таких льдов комсомольцы еще не видали. Целые острова двигались по воде, крутятся и бултыхаясь (Кетлинская); ...около берегов и на дне вода, вследствие трения, движется значительно медленнее (Мамин-Сибиряк); Когда пароход отчалил и, описав полукруг, побежал вниз, навстречу ему медленно двигались берега (Толстой); Навстречу двигались красноватые мачты сосен, – шумели их вершины, шелестели листья (Толстой).

Все рассмотренные нами примеры сочетания агенса-глагол *двигаться*, передавали идею локализованного пространственного перемещения. На первый план выступала архисема семемы «*перемещение в пространстве*». Но всякое движение локализовано как в пространстве, так и во времени. В семантеме лексемы *двигаться* имеется ярко выраженная категориальная сема «передвижение во времени», которая в прямом значении остается в «виртуальном состоянии» (Гак, 1977, 28), но становится дифференциальной в семеме K1 лексемы *двигаться*. Например: Жизнь двигалась на подобие плывущей по морю ледяной глыбы... (Гроссман); Мысль его двигалась как бы прыжками, перескакивая с одного на другое (Чаковский); Эта вспугнутая мысль тревожно билась и ерзала некоторое время, вздымая целый ворох грязного белья, накопленного в душе. За ней двинулись другие, лениво вспыхивая и сучая, враждебные зеленой, тысячеглазой жизни, напирющей со всех сторон (Грин).

Следовательно, широкая семантическая сочетаемость глагола *двигаться* с самыми различными разрядами существительных в позиции агенса обусловлена его недифференцированностью в отно-

шении признаков среды и способа перемещения, так как эти семы уже заложены в значении агенса и нет необходимости эксплицировать их еще раз.

Глаголы *kommen, gehen, laufen, fliegen, schwimmen, kriechen*

Ядро концепта «самостоятельное перемещение агенса» в немецком языке представлено глаголами *kommen, gehen, laufen, fliegen, schwimmen, kriechen*. В немецком языке эта ЛСГ глаголов структурирована несколько иначе, чем в русском языке. Однако ее разработка также отличается тщательностью и обстоятельностью.

Все члены ЛСГ имеют общую архисему самостоятельно «перемещаться в пространстве», в которой мы находим следующие компоненты:

- перемещаться самостоятельно (собственной энергией своего организма);
- существовать в движении;
- двигаться;
- существовать в изменениях (процесс);
- функционировать (действовать).

В дифференциальных семах глагола *kommen* закреплены такие признаки перемещения как «начать быть (в результате любого перемещения) в поле зрения наблюдателя»:

Wenn wir baden, kamen scharenweise ganz kleine Fischchen und zwicken uns (Wustmann); ...Der Zug nach Wansee kommt (Herrman); Ein Schiff kam und wagte sich nicht in die Bucht herein (Wustmann); ...und im Februar oder März warteten wir atemlos auf die grosse Drift, die vom Oderhein kam arktische anmutende Eismassen kamen von dort oben... (Böll); Der elektrische Strom kam erst um sieben... (Kant); Er hatte sonst immer aufgetaucht, sobald die Sonne über das Holzdach kam (Seghers).

Без семы начать быть:

Das Leben geht weiter, dachte er (Noll); Die Tage gingen... (Mann Th. (Die Dieselmotoren liefen... (Thürk).

Четко разработаны дифференциальные признаки «среда перемещения» и «средство перемещения»:

Unten in der Gorkistrasse gingen viele Menschen (Bredel) – при помощи ног, по земле;

Vereinzelt flogen die Möwen über die Stoppelfelder... (Strube) – при помощи крыльев по воздуху;

...sie sahen aus wie weissliche Karpfen, die langsam durch helles graues Wasser schwimmen (Böll)- при помощи плавников в воде;

Ich war eine Stunde geschwommen und lag in der Sonne (Remarque)- при помощи рук и ног в воде;

Sie starrte auf die weissen Würmer, die auf dem Gelumpe wollener Fetze krochen (Bredel) – нижней частью всего тела;

Ein Melder kroch durch Gebüsch und stieg in den Graben (Noll)- всем телом.

По семе «темп перемещения» глагол *laufen* находится в четкой семантической оппозиции с глаголом *gehen*:

Holt lief... Er lief und erreichte Geschützstand (Noll) – быстро;

Актуализируясь в семемах глаголов *fliegen*, *kriechen*, *schwimmen*, сема «темп перемещения» придает сочетаниям экспрессивную окраску.

Da flog Franz weiter auf seinem Rad in wachsender Angst... (Seghers) очень быстро;

In der Ferne fast am Horizont kroch ein Dampfer, in rostbraunen Rauch gehüllt (Kellermann) – медленно;

In der Dunkelheit leuchtete nun blass der weisse Nebel, der ...langsam über die Wiesen kroch (Noll) – медленно, грузно, тяжело;

Ярко проявляются потенциальные семы, определяющие характер перемещения агенса в пространстве:

Wie grosse Flamingos schwammen die Wolken am apfelgrünen Himmel... (Remarque) – плавно, всей массой, безостановочно;

Durch riesige Wälder mit uralten Eichen, Tannen und Fichten ging die Fahrt Bredel) – равномерно, непрерывно;

Der Dampfer lief ruhiger als gestern... (Kellermann) – равномерно, непрерывно;

Diese Strasse lief nackt und kahl durchs Land (Bredel); Die Glasveranda, die um das halbe Haus lief... (Seghers) – непрерывно, линейно простираться, тянуться, быть расположенным в длину;

...als die Dämmerung ins Zimmer kroch, erwachte er... (Noll) – нелинейно;

Для передачи иллюзорного движения предметов как бы навстречу фактически перемещающемуся человеку употребляется глагол *kommen*, семема которого содержит конкретный признак «появление в поле зрения человека»:

Ein Stuck Wald kam...; Das Meer kam uns entgegen...

Анализ лексико-семантических связей немецких глаголов самостоятельного перемещения в пространстве позволяет сделать вы-

вод, что данная ЛСГ имеет бинарную структуру: глагол *kommen* и остальные глаголы, которые противопоставлены по признаку «направление движения». Специфическим признаком является наличие семы «направление движения от говорящего, слушающего, от человека» в семантике глаголов *gehen, laufen, fliegen, schwimmen, kriechen*, и семы «направление движения к говорящему, слушающему, появление в поле зрения человека» в семантике глагола *kommen*, что противопоставляет этот глагол другим. Русские глаголы этим признаком не маркированы.

Глагол *sich bewegen*

Эквивалентом русскому глаголу *двигаться*, семема которого равна архисеме, в немецком языке является глагол *bewegen sich*, несущий архисему глаголов самостоятельного передвижения – *gehen, kriechen, schwimmen, fliegen*.

Денотативным значением глагола *sich bewegen* является «*sich an einen anderen Ort, in eine andere Lage begeben*» (WdG, B. 1, 586) (отправиться на другое место, оказаться в другом положении).

В результате проведенного исследования были выявлены следующие семы лексемы *bewegen sich*:

- начать самостоятельное перемещение в пространстве

Er sah vorkommen aus und bewegte sich stets in einer Wolke von Schnapsdunst (Noll); «Morgen früh sind Sie wieder hier. Bewegen Sie sich ein bisschen vorsichtig» (Noll); «...bleib sitzen, Wolzow!» rief er, als Wolzow sich bewegte... (Noll); Dann setzte die Gitarre von neuem ein, ein Zittern lief über den Leib des Mädchens, langsam löste sie sich aus ihrer Starre, sie wich zurück, dann wieder vor. Nun bewegte auch er sich. Feuriger flog er ihr entgegen (Feuchtwanger); ...ich liebe die milden Frauen mehr, die sich sitzsam im Takte des Walzes bewegen, die angenehmen Verse zitieren... (Böll); ...es war schwer, für die Art, wie sie sich bewegte, das rechte Wort zu finden (Feuchtwanger).

- начать внезапное массовое движение в одном направлении

Überall sah Holt die Zeichen völliger Auflösung. Stäbe und Verwaltungen bewegten sich fluchtartig nach Westen (Noll); Napoleon ...sass sieghaft auf feurig sich baumendem Rosse, klein und schattenhaft um ihn bewegten sich Soldaten und Kanonen (Feuchtwanger); Denn das fließende Wasser, die Möwen, das Ein-und Ausladen auf den Schiffen, all das bewegte sich für sie, die ganz starr zusehen (Seghers).

- начать движение, двинуться под воздействием кого-то, чего-то

Das Gotzenbild zuckt, bewegt sich, immer rascher, immer heftiger, tanzt (Feuchtwanger); Cayetana drückte auf einen Knopf an der Wand.

Die Mythologie bewegte sich seitwärts, wohl mittels einer Feder, und gab den Blick frei auf ein anderes Gemälde (Feuchtwanger); Wenn sich ein einzelner Zweig so heftig bewegte, so hatte sich vielleicht eine Hexe bei ihrem Ritt durch die Nacht darauf abgerastet (Strittmatter).

- совершать равномерное движение в течение какого-то времени.

Die Bühne sah anders aus, der Stier sah anders aus, die schlanken Glieder der Mädchen wurden lebendig, bewegten sich menschlich (Feuchtwanger); Unter unserem Küchentisch lag ein mittelgrosser Löwe; er schlief ganz ruhig, nur sein Schwanz bewegte sich ein wenig... (Böll); Er sah, dass sich ihre Lippen bewegten; sie wiederholte für sich die beiden Verszeilen (Noll); ...auf einem Spielplatz vielleicht oder in einem Garten bewegte sich undeutlich eine Schaukel auf und ab (Seghers).

- движение (распространение) звука

Ihr zirpendes Gebimmel bewegt sich auf Wellenlängen, die durch alle Wände dringen (Böll).

- находиться, быть в определенной среде

Er kannte ihre Schwächen, ihre kleinen Menschlichkeiten, er bewegte sich unter ihnen wie unter seinesgleichen (Feuchtwanger).

V отличие от глагола *begeben sich*, который обозначает движение целеноправленное, с ориентацией на конечный пункт движения, что обуславливает в позиции агенса при нем только лишь обозначения лиц, например: Die Schuler begeben sich ins Biologiezimmer (Noll), глагол *sich bewegen* может обозначать движение как одушевленных, так и неодушевленных предметов, и констатирует только лишь сам факт движения, например: Fahnen, Riesenporträt der Führer der Volksfront, Tafeln und Bänder mit Losungen bewegten sich über den Köpfen der Menschen (Bredel).

Глагол *sich bewegen* не столь широко употребителен в немецком языке как глагол *двигаться* в русском языке. У немецкого глагола *bewegen sich* главная семема Д1 (быть в движении). При исследовании художественного текста на 3500 страниц глагол *sich bewegen* в сочетании с актантом в позиции агенса был выявлен только 27 раз.

52 информантам, носителям языка, была предъявлена анкета, в которой предлагалось оценить возможность замены глаголы самостоятельного передвижения – *gehen, kriechen, schwimmen* в сочетании с существительными, обозначающими существа, на глагол *bewegen sich*.

Bewegen sich	Der Mensch		Der Vogel		Die Schlange		Der Fisch	
	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет
	11чел.	41чел.	6 чел.	46 чел.	40 чел.	12 чел.	38 чел.	14 чел.

Анализ анкет показал, что наиболее приемлемым для носителей языка является сочетание глагола *bewegen sich* с одушевленными существительными *die Schlange, der Fisch*, причем в последнем случае происходит изменение значения:

Der Fisch schwimmt (im Wasser) – Fortbewegung;

Der Fisch bewegt sich (im Wasser) – kann heissen: der Fisch zappelt

Таким образом, в некоторых случаях семантическая сочетаемость определяется внеязыковыми предметно-логическими отношениями, а в некоторых – зависит от характера языка, его внутрисистемных связей.

Исследование показало, что глаголы самостоятельного перемещения в русском и немецком языках образуют хорошо структурированную группу слов, которая характеризуется строго определенными контекстами реализации своего значения. Поле ЛСГ глаголов самостоятельного перемещения в русском языке богаче, так как имеет в своей структуре парные глаголы для обозначения одно- и разнонаправленного перемещения – *идти-ходить, бежать-бегать, лететь-летать, плыть-плавать, ползти-ползать*. Немецкие глаголы самостоятельного перемещения не имеют семы «разнонаправленность перемещения». Направление движения, совершаемого агенсом, определяется в рамках словосочетания.

Глаголы самостоятельного перемещения в русском языке могут более свободно заменять друг друга, чем немецкие глаголы. Глаголы *идти-ходить* могут заменять другие глаголы своего семантического поля: «пароход идет (плывет) по реке» и «пароходы ходят (плавают) регулярно» и т. д.; немецкий глагол *gehen* таким свойством не обладает. Русский глагол *идти* во многих случаях соответствует не глаголу *gehen*, а глаголу *laufen*: «Der Film läuft; die Arbeit läuft gut; die Strasse lief nach Oppenheim...»

Русские глаголы *идти-ходить, бежать-бегать, лететь-летать* широко употребляются с агенсом, совершающим несамостоятельное перемещение: «Мы шли на плотках...», «Мы летели на самолете». В немецком языке используются в этих случаях глаголы *schwimmen, fliegen*. В немецком языке возможности замены одного глагола другим более ограничены.

Архисема глаголов самостоятельного перемещения в пространстве в русском и немецком языках способна расслаиваться на признаки более абстрактного уровня.

Русские глаголы *перемещаться, двигаться* и немецкий глагол *sich bewegen* обладают широкой семантической сочетаемостью с самыми различными разрядами существительных в позиции агенса. Это обусловлено их недифференцированностью в отношении

признаков среды и способа перемещения. Семемы этих глаголов состоят только из архисемы (семема = архисема). И в русском, и в немецком языках глаголы с частицей *-ся* и частицей *sich* более поздние и не сразу была осмыслена архисема этих глаголов.

2.4. Национальная специфика семантических связей (на материале русской и английской ЛСГ «биологическое существование человека»)

Современные лингвистические исследования показывают, что языковые знаки сигнализируют о состоявшихся когнитивных процессах. Исследуя семантические связи, которые выявляются между лексическими единицами, мы приходим к выводу, что семантические связи есть знаки концептуальных отношений, организующих концептосферу языка как систему концептов. Концептуальные отношения позволяют понять закономерности познания народом окружающего мира.

Предметом исследования являются семантические связи, организующие лексико-фразеологическое поле «Биологическое существование человека» в русском и английском языках.

Построенная типология семантических связей включает связи, организующие поле в обоих языках и только в одном из них. К числу общих относятся гиперо-гипонимическая связь, объединяющая общие и более конкретные элементы, меронимическая связь между обозначениями целого и части, партитивная связь между обозначениями разных частей одного целого, фазовая связь между обозначениями фаз одного процесса, градуальная связь между обозначениями разной степени одного признака и др. Перечисленные языковые связи выступают как знаки концептуальных отношений, которые мы обозначили, соответственно, терминами конкретизирующее, меронимическое, партитивное, градуальное.

Поскольку данные связи организуют поле в двух языках, можно полагать, что сигнализируемые ими концептуальные отношения представляют общие закономерности познания. Национальная специфика языков проявляется в том, что связи обладают разной насыщенностью, то есть, получают в сходных фрагментах поля разное число реализаций.

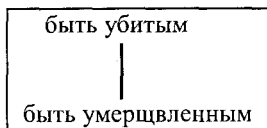
Рассмотрим гиперо-гипонимическую связь и ее разновидности как знаки концептуальных отношений на материале русского и английского лексико-фразеологического поля «Биологическое существование человека».

1. Гиперо-гипонимическая связь формируется между элементами, один из которых – включающий – имеет более конкретное и более богатое содержание и тем самым конкретизирует более общий – включенный элемент. Гиперо-гипонимическая связь охватывает все элементы поля, т. е. каждый элемент участвует в той или иной материальной реализации гиперо-гипонимической связи.

Отдельно взятая материальная реализация связи представляет микросистему, имеющую структуру. Взаимодействие реализаций создает подсистему, имеющую более сложную структуру. Для того, чтобы понять и показать структуру микросистемы или подсистемы, мы строим ее структурную модель.

Удобным способом представить любую структурную модель является попытка изобразить ее графически в виде конфигурации.

Реализации гиперо-гипонимической связи образуют несколько видов конфигураций. Модель микросистемы, образованной из двух элементов векторной связью, можно представить в виде линейной конфигурации – например, модель микросистемы, состоящей из реализации гиперо-гипонимической связи:

Последовательное соединение линейных конфигураций создает цепочечную конфигурацию.

В соответствии с количеством ярусов иерархические конфигурации различаются по глубине – их можно описать как более или менее глубокие, т. е. имеющие больше или меньше ярусов.

На следующей схеме представлен фрагмент русского и английского поля, образованный цепочечной гиперо-гипонимической связью. Эта связь объединяет два вида элементов, которые мы условно называем «системно-вербализованные» и «системно-невербализованные». Для их разграничения мы опираемся на разграничение номинированных и номинированных концептов как концептов, имеющих стандартное общеизвестное языковое выражение (номинированные концепты) и концептов, не имеющих стандартного общеизвестного языкового выражения (номинированные концепты) (Стернин, 1998, 28). Системно-вербализованные элементы представляют номинированные концепты, имеющие вербальное выражение в лексико-фразеологической системе языка (слово или фразеосочетание).

тение). Системно-невербализованные элементы представляют не- номинированные концепты, не имеющие в лексико-фразеологичес- кой системе вербального выражения. Содержание таких концептов передается описательно средствами данного языка или посредством метаязыкового описания на этом или любом другом языке.

Представленная цепочечная конфигурация составляет иерар- хию. Крайние члены иерархии являются системно-вербализован- ными элементами – «быть убитым» и «быть отравленным»; *be killed* и *be poisoned, be gassed*. Промежуточные ярусы заняты си- системно-невербализованными элементами; на схеме они выделе- ны курсивом и угловыми скобками.

Гиперо-гипонимическая связь между элементами языковой си- стемы является знаком отношений между концептами разного уров- ня конкретизации. Такой тип концептуального отношения мы обо- значаем термином «конкретизирующее отношение».

Концептуальное конкретизирующее отношение представляет общечеловеческую закономерность познания. Национально-спе-

цифической оказывается степень конкретизации общего концепта. Для носителей разных языков релевантна разная степень конкретизации одного и того же концепта. Уровень, которым ограничивается значимая для носителей языка конкретизация наиболее общего концепта, опознается по системно-вербализованному элементу, занимающему нижний ярус иерархии. Для носителей русского языка значимая конкретизация вершины иерархии ограничивается уровнем системно-вербализованного элемента «быть отравленным», т. е. быть убитым посредством отравляющего вещества.

Соответствующая иерархия в английской системе является более глубокой. Пределом релевантной конкретизации вершины иерархии является уровень системно-вербализованных элементов *be poisoned* «быть отравленным веществами, поступающими в организм через органы пищеварения или впитываемыми организмом» и *be gassed* «быть отравленным газообразными веществами, поступающими в организм через органы дыхания».

Таким образом, углубление иерархии свидетельствует о повышении степени конкретизации общего концепта.

2. Гиперо-гипонимическая конъюнктивная связь. На материале подсистемы «отсутствие биологического существования вследствие казни» выявлена разновидность гиперо-гипонимической связи, которая объединяет один гипоним с двумя гиперонимами. Такими гипонимами являются:

в русской подсистеме – «быть посаженным на электрический стул», «быть сожженным на костре»;

в английской подсистеме – *be electrocuted* Д1 «быть казненным на электрическом стуле», *be burnt at the stake* «быть сожженным на костре» (букв. «у шеста»), *be gibbeted* «быть повешенным на виселице».

Для выявления данной разновидности гиперо-гипонимической связи в ходе компонентного анализа мы опирались на разработанное И. А. Стерниным понятие «семантический признак», под которым понимается «часть семы, общая с несколькими другими семами» (Стернин, 1985, 45).

В семном составе этих элементов есть два вида сем: 1) семы, объединенные общим семантическим признаком «орудие казни» – 'электрический ток', 'огонь', 'свисающая затягивающаяся петля'; 2) семы, объединенные общим семантическим признаком «сооружение»: 'электрический стул', 'сложенные для костра дрова с шестом посредине', 'виселица'.

По компонентам значения каждый из элементов связан с двумя гиперонимами, поэтому рассматриваемая связь состоит из двух частей. Для обозначения такой связи мы предлагаем термин «гиперогипонимическая конъюнктивная связь».

Сопоставление подсистемы «отсутствие биологического существования вследствие казни» в русском и английском языках показало, что не все реализации гиперогипонимической конъюнктивной связи в одном языке имеют параллели в другом языке. В русской и английской подсистемах сходны две реализации связи: связь каждого из гипонимов – «быть посаженным на электрический стул» / *be electrocuted* и «быть сожженным на костре» / *be burnt at the stake* – с двумя гиперонимами – <быть казненным посредством химического орудия> и <быть казненным на сооружении>.

Гиперогипонимическая конъюнктивная связь является знаком нескольких параллельно протекающих когнитивных процессов:

установления двух конкретизирующих концептуальных отношений;

установления конъюнктивного концептуального отношения между двумя конкретизируемыми концептами.

Установление этого отношения опосредовано конкретизирующим концептом, который представлен системно-вербализованным элементом.

Параллельное протекание названных когнитивных процессов позволяет рассматривать их как установление одного концептуального отношения, для которого мы предлагаем термин «концептуальное конъюнктивно-конкретизирующее отношение». Это вид концептуального отношения представляет наше знание о способе казни, для осуществления которого используются сооружение и орудие; в основе применяемого орудия лежит химическая реакция (воздействие электрического тока, огня).

Конъюнктивно-конкретизирующее концептуальное отношение имеет в английском языке еще одну реализацию и, следовательно, представляет формирование знания еще об одном виде казни – повешении с применением орудия и специального сооружения – виселицы.

Таким образом, конъюнктивно-конкретизирующее концептуальное отношение представляет одну из общих закономерностей познания. Национальная специфика проявляется в номенклатуре концептов, охваченных этим отношением.

2.5. Национальная специфика концепта острый в концептосфере английского и русского языков

В современной отечественной лингвистике активно исследуются субстантивные концепты. Они более удобны для вычленения и изучения. Исследование концепта признака – проблема более сложная, так как последний не существует в мире отдельно от субстанции, а лишь в приложении к ней. Тем не менее, об отдельности признака возможно говорить и потому изучать его, исходя из того, что в сознании человека имеется мыслительный образ того или иного признака объекта мира *a priori* (Вежбицкая, 1999). Каждая же операция приложения признака актуализирует, передаёт, сообщает квант его смыслового содержания. Изучение максимального количества случаев сопряжения признака с объектом может представить реальную на данный период развития языка картину содержательной и структурной стороны концепта признака.

Концепт признака лежит в основе имени прилагательного (Кубрякова, 1997, 73). Исходя из того, что признак – категория несамостоятельная, то исследовать его следует через связь кодирующих его языковых единиц, в типичных лексико-семантических структурах – фразеосочетаниях (ФС), под которыми мы понимаем любой вид сочетания лексем – от «свободного» до идиомы (Копыленко, Попова, 1989).

Анализируя сочетаемость прилагательного с названиями различных объектов (и объясняя запрещённые случаи употребления, в том числе), можно в конечном счёте реконструировать фрагмент наивной картины мира, связанный с языковым образом конкретного признакового слова, с одной стороны, и попытаться определить содержание изучаемого концепта, с другой.

Вниманию читателей предлагаются результаты исследования семантики перцептивного концепта «острый» в концептосфере русского и английского языков, репрезентированного семантикой английского прилагательных *sharp*, его синонимов и русской атрибутивной лексики *острый*, у которого синонимы отсутствуют.

Прямое значение (семема Д1) синонимов *sharp*, *keen*, *acute*, острый – «такой, который имеет сходящийся на нет хорошо колющий или хорошо режущий край или конец». Исходя из этого, данные прилагательные – классификаторы тех имён существительных, в семантику которых входит предикат «острый на ощупь», как то: функциональных имён, характеризующих их качество по

действию (класс «стержней», например, – инструменты, и класс «пластин» – режущие предметы). Другие классы существительных, с которыми сочетается данное признаковое слово, уподобляются инструментам по форме и по функции. *Острый шпиль*, скажем, даёт в проекции острый угол и напоминает по форме иглу, и действовать он будет в предположимом функциональном контексте подобно ей – прокалывать (небо, например). Характеристика *острый для шпиля и под.* является объективной – воспринимается зрительно, т. е. опосредованно, и не подлежит оценке.

В случае восприятия острых краёв, локтей человек приходит в соприкосновение с объектом и реагирует на него, выступая в данном случае не только в роли воспринимающего лица, но и экспериментера, выносящего оценку и реагирующего на взаимодействие.

Данное наблюдение распространяется и на синонимы лексемы *sharp* и проявляется в их сочетаемости, которая характеризуется определённой степенью избирательности.

Так, компоненты (семы) прямого значения, определяющие разницу синонимов, проявляются в их синтагматическом своеобразии следующим образом в английском языке.

Sharp имеет наиболее общее значение и может относиться как к острому краю, так и к острому концу, обозначать как полезную остроту, имеющую специальное назначение, так и остроту, не служащую определённой цели: *a sharp knife* острый нож, *a sharp blade* острое лезвие, *a sharp needle* острая игла.

Keen обычно употребляется в тех случаях, когда имеется в виду острота, желательная или необходимая для той или иной цели: *the keen edge of a knife* острое лезвие ножа (при невозможном **keen edge of a table*, **keen ridge of a mountain*). Keen предполагает большую остроту, чем *sharp* и описывает, в основном, край, а не острие или верхушку или острие предмета.

Acute, достаточное редкое в прямом значении, относится к острому или заострённому концу чего-либо: *an acute angle* острый угол, *an acute point of a needle* острый кончик иглы.

Выявленные семантические признаки английских «острых» лексем выражаются в русском языке одним словом *острый* во всех описанных сочетаниях.

Прямое значение (семема Д1) признака «острый» осмысливается человеком лишь в результате опыта контактов с предметами. Налицо две ситуации типового взаимодействия человека с острыми предметами: 1) предмет проявляет признак в действии (а

sharp knife); 2) предмет уподобляется инструментам по форме и функции (a sharp edge of a table: можно порезаться). Острый поэтому преимущественно – признак агентивный, т. е. потенциально способен воздействовать на человека, на органы его чувств.

Это подтверждается тем, что на основе семемы Д1 все три прилагательных английского языка и русская лексема острый образуют синестетические метафоры, сочетаясь с именами органов чувств, реализуя при этом общее значение (семема К11) «легко воспринимающий самые слабые раздражения»: чувствительный, тонкий, зоркий. То есть человеческие органы чувств могут служить своеобразным метафорическим инструментом, которым мы воспринимаем окружающий мир и проникаем в суть вещей. Во всех контекстах *sharp*, *keen*, *acute* интерпретируются как «хороший, соответствующий для выполнения предназначенной функции, хорошо развитый». В русском языке наблюдаем аналогичную ситуацию: *острый слух* – «хорошо развитый, изощрённый, тонкий», *остроглазый* – «обладающий хорошим зрением» и т. д.

Относительно английских синонимичных лексем следует отметить проявление их сочетаемостных предпочтений: *sharp* чаще употребляется по отношению к зрению и слуху: *sharp sight / hearing* острое зрение / слух; *keen* наиболее частотно по отношению к зрению и обонянию: *keen eyes* зоркие глаза, *a keen sense of smell* острое обоняние; *acute* наиболее регулярно описывает слух, реже – зрение и обоняние: *acute hearing* острый слух; *acute eyesight* редк. острое зрение, *acute sense of smell* редк. тонкое обоняние.

В высказываниях, описывающих с помощью данных лексических единиц запах, звук, свет, ветер и другие реалии, в о з д е й с т в у ю щ и е на субъекта, актуальна их оценка последним. Поэтому, реализуя в образованных синестетических метафорах общее значение (семеме К12) «воздействующий на органы чувств с большой силой», анализируемые английские атрибутивные лексемы различаются оценочным компонентом: *sharp* при характеристике отмеченных выше реалий (кроме вкусовых) актуализирует сему отрицательной оценки: *a sharp voice* (cry, yell) резкий/пронзительный голос (крик, лай), *a sharp smell* едкий дым, *a sharp wind* резкий ветер:

He knew how sharp his voice could be (J. Aldridge)

The air was sharp on his face (D. Cusack)

A sharp wind was sprung up and she was cold (D. Cusack)

The sharp smell of dampened dust rose into the air (J. Steinbeck)

В русских и английских фразеосочетаниях же *sharp* / *острый* *cheese* / *сыр*, *vinegar* / *уксус*, *pepper* / *перец*, *mustard* / *горчица* прилагательное не получает никакой отрицательной коннотации, ибо в ситуации дегустации продуктов субъект выступает в роли не только воспринимающего лица, но и экспериенцера, способного контролировать процесс взаимодействия с объектом.

Keen (весьма, кстати, редко реализующее семему K12) актуализирует, тем не менее, сему положительной оценки, придаёт или приписывает объекту свойство пикантности, способность бодрить или освежать:

Very keen is the savour of the roast beef that floats up (A. C. Benson – W.) – Очень пикантен запах, идущий от ростбифа.

The wind came keen with a tag of frost (J. Mansfield) – Порывистый ветер принёс с собой свежее дыхание.

Русское прилагательное *острый* в подобных фразеосочетаниях семы «пикантный», «бодрящий», «освежающий» не актуализирует.

Acute нейтрально при обозначении отмеченных выше реалий: *acute intonation* – «подъём голоса».

По коннотативной семеме K12, таким образом, *sharp* и *keen* сочетаются с существительными, называющими природные явления и запахи; *sharp* и *acute* сочетаются с существительными, обозначающими звуки. В остальных случаях употребляется только *sharp*.

Способность человека быть чувствительным даже к самым лёгким внешним раздражениям, обладать тонким слухом, обонянием и зорким глазом, репрезентированная в отмеченной выше семеме, регулярно переносится на него самого, на его ум в первую очередь. Человек при этом и в английской, и в русской языковой культурах характеризуется как «много замечающий, быстро и верно разгадывающий или понимающий что-либо» (семема K13): *острый ум* – «быстро схватывающий, проницательный»; *a sharp-minded person* – «сообразительный».

Sharp при этом подчёркивает остроту ума, сообразительность, находчивость: *a sharp child* смыслённый / находчивый ребёнок, *a sharp mind* острый ум; *keen* – тонкость ума: *a keen mind*, *a keen observer* тонкий наблюдатель; *acute* – глубину ума, способность проникать в сущность явлений: *an acute thinker* глубокий мыслитель, *an acute mind* глубокий, проницательный (острый) ум, *an acute, well-educated person* высокообразованный, проницательный человек.

Подобные различия сохраняются при передаче данными английскими прилагательными впечатлений от остроты ума через знаки

цепкого, пытливого, понимающего взгляда, языка (*a sharp inquisitorial look, a sharp tongue*), острого высказывания, тонкого наблюдения (*keen observation*).

Sharp, keen, acute, помимо этого, характеризуют отчётливо ощущаемые, сильные душевные переживания и физическую боль (острые, мучительные). Релевантным параметром для атрибутивных лексем в данных ситуациях является «интенсивность проявления» (отсюда невозможность их сочетаемости с именами событий, семантика которых связана не с течением ситуации, а с её конечным результатом: **a sharp victory, *a sharp robbery*). *Sharp, acute* при этом обозначают высокую степень, силу ощущения или переживания человека, причём, *sharp* указывает на интенсивность и кратковременность обозначаемого состояния, а *acute* – на его глубину и длительность: *a sharp pain* острая / резкая боль, *an acute pain* тяжёлая, мучительная боль, *a sharp sensation* острое любопытство, *an acute jealousy* мучительная ревность. *Keen* указывает не только на силу переживания, но и на требование незамедлительного его удовлетворения: *a keen interest* живой (деятельный, активный) интерес, *a keen desire for retaliation* страстное желание отомстить.

По семеме K13, таким образом, все английские синонимы сочетаются с существительными, называющими явления, связанные с духовным миром человека, при этом, *keen* определяет субстантивные лексемы, значение которых включает сему желаний, требующего удовлетворения (*interest, desire, curiosity*); *sharp* и *acute* намного чаще встречаются с существительными, называющими физические ощущения, чем *keen*.

Русская лексема острый развивает национально-специфическую коннотативную семему «насмешливый, язвительный» при характеристике человека посредством оценки его поведения, речи: *острый юмор, острая шутка, острая фраза, острый ответ*, не отмеченную в репрезентациях английского одноимённого концепта: в ФС *sharp words, keen words* атрибутивные лексемы реализуют семему «строгий, резкий».

Английский концепт «острый», в свою очередь, как представляется, содержит свой национально-специфический признак «неожиданный», который мыслится в *sharp change* (букв. «острое изменение») резкая перемена – «*a change that happens suddenly and is great in amount and degree*», *sharp turn* (букв. «острый поворот») крутой поворот, *sharp bend* (букв. «острый склон») крутой склон – «*a turn or bend that changes direction suddenly*», *sharp sound* (букв. «острый звук») резкий звук – «*a sound which is very short and sudden and quite loud*».

2.6. Концепт остроумный человек в русской и английской концептосфере

Поводом для анализа концепта *остроумный человек* в русской и английской концептосфере послужила очевидная ценность данного качества человека для англичан, что откровенно проявляется в объявлениях для знакомств, в которых заявка делается как со стороны мужчин, так и со стороны женщин на наличие ума и остроумия у потенциальных партнеров, в то время, как русские женщины ищут порядочных, надёжных мужчин, затем по степени востребованности идут умные и добрые и т. д. Остроумные мужчины русским женщинам как бы не нужны. Русские же мужчины, оценивая себя, на первое место по значимости ставят внешнюю привлекательность, затем по убывающей порядочность, отсутствие вредных привычек, обеспеченность и в 15 % из 100 % заявляют о наличии у них чувства юмора. В качестве партнеров они хотели бы видеть девушек и женщин, в первую очередь, симпатичных и порядочных. Источниками исследования прагматических стратегий текстов брачных объявлений и объявлений знакомств послужили: русская газета «Из рук в руки» за сентябрь – декабрь 2001 года, январь – февраль 2002 года; английский материал взят из [www. salon. com](http://www.salon.com); [www. witty. net](http://www.witty. net).

Почему остроумные в русских объявлениях не в цене? Чтобы ответить на этот вопрос, следует обратиться к концептуальному содержанию двух признаковых лексем: *остроумный* и *witty*, то есть определить эти понятия.

Остроумный и *witty* однозначно относятся к вербальным формам комического (наравне с острословием, иронией, юмором, шуткой, пародией, анекдотом, зубоскальством и словесным шутовством), поэтому для описания этих понятий их следует рассматривать в одном ряду других видовых словесных знаков, с помощью которых номинируется смешное как родовое понятия юмора, и на основе анализа семантической архитектоники их толкований выявить определяющие признаки семантики данных лексем.

«Комические» предикаты, в которых описывается юмор как способность воспринимать смешное (т. е. слова, которые привлекаются для трактовки понятия юмор), следующие: *смешной* 1) «побуждающий к смеху, вызывающий смех». *Смешной анекдот* 2) «вызывающий иронический смех, насмешку». *Наивен до смешного* (так, что вызывает насмешку); 3) перен. «нелепый, несообразный». *Смешные требования*. (Ожегов, 1973, 678);

шутливый 1) «склонный к шуткам». *Шутливый человек*; 2) «имеющий характер шутки, весёлый». *Шутливый разговор; шутливый тон* (Ожегов, 1973, 828);

остроумный «отличающийся остроумием, обладающий остроумием». *Остроумное выражение* (Ожегов, 1973, 424);

комический «смешной, забавный». *Комический жест* (Ожегов, 1973, 264);

веселый 1) «проникнутый весельем, выражающий его». *Весёлый характер*; 2) «Вызывающий, доставляющий веселье». *Весёлый спектакль*. 3) «приятный для взора, немрачный». *Весёлая комната* (Ожегов, 1973, 71);

несерьёзный «не отличающийся серьёзностью, легкомысленный». *Несерьёзный человек* (Большой толковый словарь русского языка, 1998, 401)

абсурдный «нелепый, бессмысленный». *Абсурдная мысль* (Ожегов, 1973, 20);

нелепый «не оправдываемый здравым смыслом, странный, несуразный». *Нелепый ответ* (Ожегов, 370);

несообразный «лишённый здравого смысла, противоречащий ему. Несообразный вопрос (Ожегов, 376);

comic «something that is comic amuses you and makes you want to laugh». *A story rich in comic and dramatic features* (Collins, 1990, 275);

witty «a remark or a piece of writing that is witty is amusing in a clever way». *It is a neat and witty play.* (Collins, 1990, 1697);

absurd «something that is absurd is ridiculous because it is totally different from what you would normally expect». *An absurd kind of hat.* (Collins, 1990, 6);

ridiculous «if you say that something or someone is ridiculous you mean that 1. 1. they are very foolish and unreasonable. *All his money will go, as a result of this ridiculous gambling*; 1. 2. that they are very funny and comical». *He jumped around on all fours like a pantomime bear and was perfectly ridiculous.* (Collins, 1990, 1248);

ludicrous «if you describe someone or something as ludicrous, you mean that they are extremely foolish, unreasonable, or unsuitable. ...*one teacher for every 100 pupils, it was ludicrous.* (Collins, 1990, 869).

Анализ толкований данных лексем приводит к выводу о том, что остроумие носит сугубо интеллектуальный характер, утверждая при этом разумность, где комическое выступает факультативно, ибо остроумие, остроумное реализуют, в первую очередь, риторические стратегии (Наер, 1992, 89–90), подтверждением чему служит приписыва-

ние данного качества либо человеку, либо продуктам его речевой деятельности – замечанию, высказыванию, публичной речи, шутке (*остроумный человек, а witty person, остроумная речь, остроумная шутка*) или некоторым действиям человека (*остроумное решение*).

Следует отметить, что интеллектуальный характер остроумия, призванный быть выраженным соответствующим семантическим признаком в толковании значения, эксплицирован лишь в дефиниции английской лексики *witty*. Можно в связи с этим сказать, что в английском юморе присутствуют два равноправных элемента: юмор и остроумие. Остроумие, являясь постоянным спутником английского юмора, придаёт английскому чувству комического своеобразие и оригинальность, которые отличают его от других национальных проявлений комического. «Юмор, – писал Хэскет Пирсон, – это наш природный элемент, но что такое остроумие? В самом широком смысле слова остроумие – произведение ума, юмор – сердца. Мы развиваем своё остроумие за счет других людей. Остроумие – знак превосходства, юмор – знак равенства. Остроумие – аристократично, юмор – демократичен» (Pearson, 1938, 55).

Продолжая далее анализ лингвистики остроумного в двух неродственных языках, обратим внимание на деривационный аспект лексем *остроумный* и *witty*.

Образованное от *wit* «интеллект», прилагательное *witty* используется для описания действий, поведения человека и мыслится как «cleverly amusing, sparkling, smartly facetious or jocular; having or showing a clever mind and amusing way of expressing thoughts (Collins, 1990); full of wit; capable of or fond of saying things that are brilliantly or sparkingly amusing» (Webster, 1989) («смышлёность, быстрое, осмысленное понимание в отличие от автоматического»; «способность умно и смешно выражать мысли»).

Набор концептуальных признаков концепта «*witty*» говорит об основном достоинстве интеллекта для англичан – быстроте, схватывании сути вещей. Данная мотивирующая основа в семантике прилагательного *witty* является определяющей.

Русское *остроумный* – сложное слово, состоящее из двух корневых морфем – *остро-* и *-ум-*, что, как это ни покажется удивительным, определяет некоторые нюансы в содержании концепта «остроумный человек».

Чтобы проникнуть в концептуальные глубины *witty* и *остроумный*, следует обратить внимание на то, что данные концепты – изящные бленды, остроты, юмора и ума. Исходя из этого, их содержание,

как представляется, следует рассматривать по линии не одной, а двух цепочек репрезентантов, – не только комических, но и ментальных предикатов.

Почему ментальные предикаты? Именно потому, что и в английском *witty*, и в русском *остроумном* основным мотивирующим признаком является определяющие качества ума. Но в основе двух концептов – «a witty person» и «остроумный человек» лежат разные основания для определения качества ума. Для англичан – это быстрота ума, для русских – способность как можно глубже проникнуть в суть вещей, проницательность, эксплицированная морфемой *остро-*, признак же «быстрый» определяет семантику лексемы *сообразительный* и её синонимов, а не слова *остроумный*. Связан ли тогда русский быстрый ум с юмором?

Для подтверждения данных наблюдений и ответа на вопрос сравним ментальные предикаты в русском и английском языках.

Возможности интеллектуального освоения мира зависят от двух основных факторов: 1) способностей субъекта к интеллектуальной деятельности и 2) свойств объектов, которые являются предметом размышлений субъекта. При определении понятий «ум», «умный» в русских и английских словарях отмечается способность человека мыслить, понимать, делать выводы, что находит отражение в словарных дефинициях. Выделенные признаки ума не могут не накладывать отпечаток на семантику прилагательных (назовём их ментальными, выполняющими роль ментальных предикатов в предложении), описывающих человека при реализации им своих интеллектуальных способностей.

В русскоязычных словарях ум толкуется как «общее название познавательной и заключительной способности человека, способность мыслить... *умный человек*, кому Бог дал ясный, проницательный ум, понимающий, постигающий не всякому доступное; рассудительный, разумный, смыслённый; понимающий и заключающий здраво, прямо, верно» (Даль, 1994); способность человека мыслить, отражать объективную действительность в представлениях, понятиях, суждениях; разум» (Словарь русского языка: В 4 т., 1994, 567).

Выделены два типа ментальных прилагательных:

1) прилагательные, описывающие интеллектуальные свойства субъекта (отметим лишь положительные) (*умный, проницательный, сообразительный, сведущий*),

2) прилагательные, описывающие свойства интеллектуально постигаемого объекта (*понятный, непонятный, постижимый, трудный и т. д.*).

Нас будут интересовать прилагательные первого типа. Они образуют 4 синонимических ряда. Перечислим эти ряды, снабдив их толкованиями.

1. *Умный, неглупый, смыслённый, мудрый, глубокий, проницательный, прозорливый* «обладающий способностью понимать не явную суть вещей и событий».

2. *Сообразительный, смекалистый, понятливый, догадливый, находчивый* «такой, который быстро понимает, как надо действовать, чтобы решить возникшую или поставленную перед субъектом задачу, или быстро понимает что-либо, несмотря на недостаток информации».

3. *Разумный, рассудительный, здравомыслящий, трезвый, благоразумный* «такой, которому свойственно хорошо понимать ситуацию и действовать в соответствии с этим пониманием, не позволяя эмоциям влиять на своё поведение».

4. *Дальновидный, предусмотрительный* «обладающий способностью понимать и учитывать, как будут развиваться события в будущем».

Семой «быстро» маркируется семантика лишь второго ряда: *сообразительный, смекалистый, понятливый, догадливый, находчивый*. При употреблении прилагательного *сообразительный* говорящий обычно опирается на свой эмпирический опыт, имея в виду конкретное проявление указанного свойства. Причем, часто эта ситуация прямо описывается в тексте:

Откусив солидный кусок от «Биг Мака», Алан нарвался на твёрдый посторонний предмет. Что это было, узнать не удалось, поскольку сообразительная официантка немедленно унесла еду («Сегодня», 1995, 19. 05).

Прилагательное *сообразительный*, таким образом, указывает на эмпирически наблюдаемое свойство, оно описывает практическую сторону ума, указывая на тот вид интеллектуальной деятельности, который проявляется в повседневной жизни при решении конкретных проблем: что нужно сделать или сказать в затруднительном положении, как нужно организовать свою хозяйственную деятельность и т. п. Их толкования не включают семантический компонент «смешной»; нет той остроты, которая способна создать эффект комического.

Рассмотрим английские ментальные предикаты:

Intelligent, clever, alert, quick-witted, разг. *smart*, разг. *bright*: объединены в один ряд по семе «способный быстро и правильно принимать решения или понимать людей, ситуацию или информацию» (Collins, 1990) (умный, сообразительный, смекалистый, ловкий, толковый);

«clever... quick at learning and understanding; having or showing a quick, able and effective mind; intelligent» (умный... *быстро* схватывающий и понимающий; обладающий быстрым, способным и результативным умом» (Longman, 1998, 251). (Выделено мною. – Л. Л.).

К тому же английские эквиваленты русской лексики *сообразительный* – *quick-witted, sharp, bright* чаще всего указывают на

- умение б ы с т р о найтись, п р и д у м а т ь, что сделать, что сказать (*quick-witted*):

He was quick-witted enough to see the danger and change the subject почувствовав опасность, он со свойственной ему находчивостью тут же переменял тему.

Every question of that quick-witted lawyer aroused their admiration каждый вопрос этого умного и изобретательного адвоката вызывал их восхищение.

- «много замечающий, быстро и верно разгадывающий или понимающий что-либо» проницательный, пытливый, наблюдательный (*sharp*). *Sharp* подчёркивает остроту ума, сообразительность, находчивость: *a sharp child* смыслённый ребёнок (понятливый); *a sharp girl* умная девушка; *a sharp mind* острый ум – то есть однозначно положительные качества, что весьма любопытно, как увидим далее;

- для оценки природной способности к пониманию сообщаемых человеку сведений, в особенности, если этот человек молод и быстро усваивает нечто, преподносимое в порядке обучения, передачи опыта и т. д. (*bright*; ср. смыслённый, схватывает на лету): *a bright boy* смыслённый мальчик; *a bright student* способный студент.

Как видим, в английских толкованиях быстрота ума является его главным качеством. Между тем, в русских вариантах динамичность ума не берётся во внимание, что позволяет сделать вывод о том, что она не является основным достоинством ума в русской культуре, а иногда, наоборот, считается его недостатком. Быстрота и подвижность мысли, таким образом, – этноспецифическая характеристика английской культуры.

В русском *умном* быстрота тоже есть, но ею маркируется качество ментальных способностей только детей или учащейся молодёжи, которые считаются в таком случае *смыслёнными*. По-английски же понимать хорошо – значит понимать быстро, схватывать (*to grasp quickly*), понимать плохо – значит понимать, схватывать медленно (*to be slow to grasp*). Следует добавить, что отмеченные характеристики не имеют возрастного маркера в семантике приведённых фразеосочетаний.

Данные наблюдения подтверждаются сохранившимися свидетельствами современников о встречах Бенджамена Джонсона – создателя жанра бытовой комедии – и Шекспира, знакомство с которыми позволяет почувствовать и понять специфику английского юмора, который основывается не только на изобретательности, но и быстрой разума – на особом типе остроумия: «Много было состязаний в остроумии между Шекспиром и Беном Джонсоном, – вспоминал историк английской литературы Фуллер. – Они казались, один – огромным испанским галеоном, другой – английским военным кораблём. Мастер Джонсон стоял гораздо выше по образованности; подобно галеону, он был основателен, но медлителен в маневрировании; Шекспир, подобно английскому кораблю, был меньше объёмом, но легче в движениях, мог быстро лавировать и использовать все ветры благодаря быстрой своего разума и изобретательности» (История английской литературы, 1945, 60).

Вернемся же к русскому *сообразительному*, которому «не хватает» остроты для создания комического эффекта. *Остроумный*, как представляется, восполняет этот пробел, благодаря той же корневой морфеме *остро-*, но, с другой стороны, она «тянет» за собою шлейф ассоциаций, связанных с возможностью порезаться, уколоться (помимо, естественно положительных ассоциаций комического характера).

Проанализируем словарные толкования.

Остроумный – отличающийся, обладающий остроумием. *Остроумие* – изощрённость мысли, изобретательность в нахождении ярких, острых, смешных выражений и определений (Ожегов, 1975).

Остряк, острячка – человек острого ума и охочий острить, говорить остроты, шуточные либо едкие насмешки. *Остроты* – острые слова, шутки, насмешки. *Острогубый* – насмешник. *Острить* – шутить, насмехаться. (Даль, 1994)

Остёр на язык – остроумен, язвителен. Алексей Сергеевич очень хорошо знал, что жена его глупа; но чуть ли не с первого года женитьбы приучил себя притворяться, будто она очень остра на язык и любит говорить колкости (Тургенев. Старый портрет).

Острый язык – кто-либо остроумен, язвителен в разговоре. Последние дни он обходится с Ниной не так насмешливо, как с остальными. Вероятно, побаивается – у неё тоже острый язык (В. Добровольский. Трое в серых шинелях).

Внимательный анализ толкований показывает, что признаки *остроумного* – яркий, острый, смешной, способный не только вызвать смех, но и уколоть, задеть, насмеяться, съязвить.

Признаки *witty* – умный, смешной, сверкающий как умом, так и юмором. Онтология *witty* – игра ума посредством языка. А *witty person* влюблён в первую очередь в язык, в слово, благодаря которому он может блеснуть умом, утвердив разумность.

А *witty person* блещет умом с комическим эффектом, играет словами и в большей степени их образами, делает это легко и изящно, быстро и без напряжения.

Остроумный же человек говорит остроты. Остроумный – «блещущий умом, пытающийся проникнуть вглубь вещей», с одной стороны, и – «способный при этом уязвить, уколоть, насмеяться», с другой. Второго в русском *остроумном* откровенно больше, оно очевиднее. *Остроумный русский* не сообразителен в плане быстрой реакции с комическим эффектом на стимул.

А *witty person* остроумен настолько, насколько быстро он способен сочинить остроту.

Таким образом, прагматика английского *witty* – испытать интеллектуальное наслаждение от игры собственного ума и продемонстрировать это посредством языка, что в результате производит искромётный и комический эффект. Признак остроты в английском *witty* имплицитен, в определенной степени больше положителен, чем отрицателен, и является более инструментом быстрого проникновения в суть предмета реагирования, нежели средством создания негативного эффекта. Английское остроумие как интеллектуальный юмор выражается, таким образом, не только в забавном сочетании слов, но и в необычной комбинации образов, что является одной из причин непонимания и даже неприятия его представителями других наций, и существовании, скажем, в русской концептосфере концепта «английский юмор» с признаками «странного», «непонятного», «вялого». Русский *остроумный человек* амбивалентен: его остроты могут воздействовать как положительно на слушателя/читателя, так и отрицательно. Видимо, поэтому он и не пользуется большой популярностью среди одиноких русских людей, ищущих партнера.

2.7. Национальная специфика ЛСГ «Плоды» в русском и английском языках

Рассмотрение лексико-семантической группы наименований плодов позволяет выявить национально-специфические когнитивные признаки, по которым классифицируются плоды носителями русского языка. Такими признаками оказываются размер и способ употребле-

ния плода в пищу. В соответствии с этими признаками (классификаторами) русские плоды подразделяются на фрукты, ягоды, орехи и бахчевые культуры. Назовем эти подразделения ЛСГ парцеллами.

Парцелла *фрукты* выделяется на основе таких сем, как *сладкая мякоть, штучность, возможность держать плод в руке*. Согласно этим признакам, фруктами обычно называют *яблоко, грушу, лимон, мандарин, апельсин, абрикос, персик, грейпфрут, банан*.

Парцелла *ягоды* выделяется на основе сем: *сладкая мякоть, плоды, мелкие по размеру, кучные, возможность набрать их в горсть*. Набором таких признаков обладают семемы лексем *вишня, черешня, виноград, бузина, ежевика, клубника, клюква, крыжовник, малина, смородина*.

Парцелла *орехи* выделяется на основе признака твердой скорлупы, которую надо разбить, разгрызть, разломить, чтобы достать и съесть ядрышко. К ней относятся *арахис, грецкий орех, фундук*.

Парцелла *бахчевые культуры* выделяется на основе таких сем как *сладкая мякоть, столь большие по размеру, что для еды режутся на ломти*. Набором таких признаков обладают семемы лексем *арбуз, дыня*.

Ананас еще не освоен русской классификацией. В бахчевые он не войдет, так как способ его выращивания в России не известен. Скорее всего, он попадет во фрукты.

Обратимся к английскому fruit. По данным словарей в английском языке фрукт – это часть растения, развивающаяся из завязи, содержащая семена, со сладкой мякотью, идущая в пищу. Словарные толкования позволяют выявить важнейшие для fruit классификационные признаки. Для носителя английского языка оказались важными классификаторы, связанные со способом употребления в пищу.

Первую группу составляют fruits, объединенные семой «с мягкой и легко снимающейся кожицей». В нее входят: currant (смородина), grape (виноград), banana (банан), cherry (вишня), orange (апельсин), tangerine (мандарин), grapefruit (грейпфрут), apricot (абрикос), peach (персик), plum (слива), tomato (помидор).

Вторую группу составляют fruits, объединенные семой «с твердой, но без больших усилий очищаемой кожурой». В нее входят melon (дыня), muskmelon (дыня), watermelon (арбуз), pumpkin (тыква), apple (яблоко), pineapple (ананас).

Третью группу составляют fruits, объединенные семой «с мягкой мясистой плотью, охватывающей завязь», то есть не требую-

щие очистки. В нее входят различного рода ягоды (berries): blackberry (ежевика), raspberry (малина), strawberry (клубника), gooseberry (крыжовник), cranberry (клюква).

Четвертую группу составляют названия орехов (nuts), объединенные семей «с твердой (разбиваемой) скорлупой»: hazelnut (лесной орех), walnut (грецкий орех).

Таким образом, именно на основе этих классификационных сем в состав fruits попадает tomato («с легко снимающейся кожицей») и rutkin («с твердой, но без большой усилий очищаемой кожурой, с семенами, со сладкой мякотью, идущей в пищу»).

Если принять, что все семемы лексем, которые входят в объем понятия fruits, образуют некоторое семантическое пространство, то эквивалентное семантическое пространство русского языка покрывает лексема *плод*. Казалось бы, примерно одинаковое семантическое пространство в языковом сознании русских и англичан членится классификаторами по-разному, вследствие чего организовано неодинаково: русские фрукты – лишь часть того семантического пространства, которое охватывают английские fruits. Однако эта часть точно не соответствует ни одной из парцелл, на которые делится английское семантическое пространство fruits. В русском понимании важен тот признак, что фрукт (одну штучку) можно взять в руку. Какая у фрукта кожица – значения не имеет.

Английские fruits (даже если исключить парцеллы berries и nuts) безразличны к размеру, но не безразличны к качеству кожуры, поэтому среди них и помидор, и арбуз, и тыква, и различные виды дынь, и другие не всегда известные русскому читателю плоды.

Совершенно другие наборы когнитивных классификаторов просматриваются в сфере абстрактных лексических концептов.

2.8. Когнитивные классификаторы в семантическом поле абстрактных лексем русского и английского языков

Когнитивные классификаторы находят проявление в концептосфере как концептуальные признаки, используемые для объединения сходных в каком-либо отношении концептов, и репрезентируются в языковой семантике как интегральные и дифференциальные семы. Они «упорядочивают для человека и действительность, и язык: в соответствии с этими классификаторами объединяются и дифференцируются как предметы действительности, так и языковые единицы» (Попова, Стернин, 2001).

В последнее время появились работы, в которых авторы ставят вопрос о составе и функционировании когнитивных классификаторов на материале конкретных тематических групп лексики. Выделены когнитивные классификаторы концептов посуды в русском и английском языках (Попова, 1996), концептов овощей и фруктов в русском и английском языках (Хаустова 1999), Исследования категории скрытых когнитивных классификаторов – криптоклассов, проявляющихся в особенностях лексико-синтаксической сочетаемости слов, выявили когнитивные классификаторы русских существительных со значением «съедобное и несъедобное» (Кретов, 1992), русских и английских имен первостихий (Борискина, 2000).

Категория когнитивных классификаторов абстрактной лексики остается мало изученной. Предметом нашего исследования послужили тематические группы имен ментальных состояний наличия знания (знание, сознание в русском языке и knowledge, consciousness в английском языке), наличия кванта знания (мысль, идея в русском языке и thought, idea в английском языке), сосредоточенности с целью пополнения знания (внимание, интерес, любопытство в русском языке и attention, interest, curiosity в английском языке), уверенности в истинности знания (вера, надежда в русском языке и belief, faith, trust, hope в английском языке), интеллектуального потрясения по поводу имеющегося знания (удивление, недоумение, изумление в русском языке и surprise, amazement, astonishment в английском языке), неуверенности в истинности знания (сомнение, колебание в русском языке и doubt, hesitation, hesitancy в английском языке), отсутствия знания (незнание, неведение в русском языке и ignorance в английском языке).

Определяющим когнитивным классификатором ментальных состояний в русском и английском языках является **ОЦЕНКА НАЛИЧИЯ-ОТСУТСТВИЯ ЗНАНИЯ И СТЕПЕНИ ЕГО ИСТИННОСТИ**. В соответствии со степенью наличия или отсутствия знания и мерой истинности имеющегося знания этот когнитивный классификатор разграничивает:

1) Ментальные состояния наличия знания (**ЗНАНИЕ, СОЗНАНИЕ** в русском языке и **KNOWLEDGE, CONSCIOUSNESS** в английском языке).

По данным словаря современного русского литературного языка ментальные состояния **ЗНАНИЕ, СОЗНАНИЕ** основаны на наличии знания. Состояние **ЗНАНИЕ** понимается как *обладание какими-либо сведениями, осведомленность относительно кого,*

чего-либо и Проверенный практикой результат постижения действительности, ее отражение в сознании человека. Ментальное состояние СОЗНАНИЕ осмысливается как состояние адекватного понимания своего положения субъектом, происходящего с субъектом в окружающей действительности (Семема Д1 – прямое номинативное значение лексемы).

Надо было спасти его даже от мучительного **знания** того, что эта ужасная женщина находится в одном городе с ним (Л. Толстой. Анна Каренина).

Если бы я теперь вернулся в это прошлое, и лишь с одним обогащением, – с **сознанием** сегодняшнего дня, – повторил бы в точности все тогдашние мои петли, то уж, конечно, я бы сразу приметил его лицо, столь теперь знакомое мне по снимкам. (Набоков. Дар).

Факты английского языка свидетельствуют о схожем в английской культуре восприятии ментальных состояний KNOWLEDGE, CONSCIOUSNESS как основанных на наличии знания. Словарь Webster's New International Dictionary of the English Language определяет состояние KNOWLEDGE как *The act or state of understanding; clear perception of fact or truth...the state of being aware of something or of possessing information. Familiarity gained by actual experience; practical skill; technical acquaintance* (Действие или состояние понимания, четкое восприятие факта или правды... состояние осведомленности о чем-либо или обладание информацией. Знание, приобретенное через опыт, практические навыки, технические умения), состояние CONSCIOUSNESS как *Awareness, especially of something within oneself. The state of fact of being conscious in regard to something; awareness. The normal state of conscious life, as distinguished from sleep, trance, fever, etc.* (Осведомленность, особенно о чем-либо внутри себя. Состояние или факт осознания по отношению к чему-либо. Нормальное состояние сознательной жизни, отличное от сна, транса, лихорадки и так далее).

*A disagreement flared up between the two directors and this soon became common **knowledge** throughout the firm.* Longman Language Activator. *The World's First Production Dictionary.*

Doctor, do you think she'll ever regain consciousness? Longman Language Activator. *The World's First Production Dictionary.*

2) Ментальные состояния наличия кванта знания (МЫСЛЬ, ИДЕЯ в русском языке и THOUGHT, IDEA в английском языке).

В структуре семантем русских лексем МЫСЛЬ, ИДЕЯ и английских лексем THOUGHT, IDEA прослеживаются абстрактная семема Д2 (производно-номинативное значение) *Квант знания*, отражающая понимание ментальных состояний МЫСЛЬ, ИДЕЯ, THOUGHT, IDEA как основанных на наличии кванта знания.

Мысль выходит в определенный момент за рамки одного из двух полушарий мозга и сползает, как одеяло, прочь, обнажая неизвестно что, точно локоть... (Бродский. Холмы. Колыбельная).

Думать (Голядкин) ни о чем не мог, хотя *идеи* его цеплялись за все, как терновник. (Достоевский. Двойник).

*Gabrielle...collected her **thoughts** and decided to carve out a life for herself and her children.* (A. Hayward. Phantom).

*Don't start **putting ideas into boy's head**...* (Collins Cobuild English Language Dictionary).

Наличие кванта знания подтверждается метафорическими сочетаниями, характеризующими ментальные состояния МЫСЛЬ, ИДЕЯ как цепкие – метафоры тактильных свойств: (*острая, впилась*), метафоры стремящегося завладеть объектом (*овладела, захватила, преследовала, подчинила, руководила, господствовала, верховенство, взять в служанки*), метафоры субстанции (*поглощен, погрузиться в, наполнять сердце, исполнен, ум утонул в хаосе, примешиваются*). Ментальные состояния МЫСЛЬ, ИДЕЯ могут характеризоваться как прочные и сильные с помощью метафоры растения (*прививать, пустила корень, срослись, плодоносить*), метафоры опорной конструкции (*поддерживает*), метафоры силы (*сила, ударила, разрушила*).

3) Ментальные состояния сосредоточенности с целью пополнения знания (русские ВНИМАНИЕ, ИНТЕРЕС, ЛЮБОПЫТСТВО и английские ATTENTION, INTEREST, CURIOSITY).

Словарные толкования и анализ абстрактных семем русских лексем ВНИМАНИЕ, ИНТЕРЕС, ЛЮБОПЫТСТВО отражают понимание этих ментальных состояний как основанных на сосредоточенности с целью пополнения знания. Для состояния ВНИМАНИЕ, согласно словарю современного русского литературного языка, требуется «Сосредоточенность мысли или зрения, слуха на чем-либо», ментальное состояние ВНИМАНИЕ есть *Сосредоточенность мысли на чем-либо*. Состояние ИНТЕРЕС соотносится с *Увлеченным вниманием, проявляемым к кому-либо, чему-либо* (Семема Д1 лексемы Интерес). Состояние ЛЮБОПЫТСТВО – это *Желание, стремление узнать что-либо во всех подробностях, интерес ко всему новому*.

И директор снова углубился **вниманием** в старинную железную книгу, излагавшую историю Иоанна Грозного, приложив к задумавшейся, грустящей голове несколько пальцев правой руки. (Платонов. Ювенильное море).

Удивлял меня этот их напряженный **интерес** к болезням, к боли и ко всему неприятному. (М. Горький. В людях).

Посмотрите, с каким жадным **любопытством** наблюдают жизнь крестьянские дети и как они метки в своих суждения. (Куприн. Молох).

Существенной характеристикой при категоризации английских ментальных состояний ATTENTION, INTEREST, CURIOSITY также является классификационный признак сосредоточенности мысли с целью пополнения знания, на что указывают словарные толкования состояния ATTENTION как *Act or state of attending or heeding; direction or application of the mind to any object of sense or thought* (Действие или состояние внимания; направленность или приложение деятельности рассудка по отношению к любому ощущаемому или мыслимому объекту), состояния INTEREST как *Excitement of feeling, whether pleasant or painful, accompanying special attention to some object* (Приятное или болезненное волнение чувств, сопровождающее особое внимание к какому-либо объекту), состояния CURIOSITY как *The desire that someone has to know about things and learn as much as possible about them* (Желание знать или узнать как можно больше о чем-либо, ком-либо).

*Letty disappeared and Emily turned her **attention** to the letter on the table before her.* (I. Gower. The shoemaker's daughter).

There has always been enormous interest in the possibility of space travel. Longman Language Activator. The World's First Production Dictionary.

*She showed an insatiable **curiosity** for my past...* (Collins Cobuild English Language Dictionary).

4) Ментальные состояния уверенности в истинности наличия знания (ВЕРА, НАДЕЖДА в русском языке и BELIEF, FAITH, TRUST в английском языке)

Оппозиция ЗНАНИЕ-ВЕРА, важная для русского сознания, не раз обсуждалась в лингвистике (Апресян, 1995, Булыгина, Шмелев, 1989, Селезнев, 1988, Шмелев, 1993). Есть случаи, когда ЗНАНИЕ и ВЕРА сближаются, и «значение ЗНАТЬ может смещаться» (Апресян, 1995) в сторону путативного значения «быть уверенным» в контексте высказываний о конкретных будущих событиях, планируемых или

предвидимых (Прокуратору захотелось подняться, подставить висок под струю и так замереть. Но он **знал**, что и это ему не поможет. — Булгаков. Мастер и Маргарита), в сторону значения «верить», «быть убежденным» в контексте высказываний о будущих событиях или общих суждений об устройстве жизни и мира (Вы не понимаете, что можно стать атеистом, можно не **знать**, есть ли Бог и для чего он, и в то же время **знать**, что человек живет не в природе, а в истории, и что в нынешнем понимании она основана Христом. — Пастернак. Доктор Живаго). Однако в канонических случаях ментальное состояние ЗНАНИЕ предполагает наличие истинного знания и полностью исключает неуверенность в его истинности, ВЕРА — это состояние уверенности в истинности знания, которое может быть как истинным, так и ложным.

Семантема русской лексемы ВЕРА включает две абстрактные семемы, определяющие сущность ментального состояния ВЕРА: Семема Д1 Убежденность, уверенность в исполнении ожидаемого, в положительных качествах, достоинствах, истинности и Семема Д2 Убежденность в реальном существовании предметов высших, неведущих.

И до конца я **веры** не утрачу, Что озарит наш мир любви и правды свет. (Плещеев. Призраки).

...Он чувствует смешанную с тревогой гордость. Перевернувшись на крыло, он падает вниз. Но упругий слой воздуха его возвращает в небо, в бесцветную ледяную гладь. В желтом зрачке возникает злой блеск. То есть помесь гнева с ужасом. Он опять низвергается. Но как стенка — мяч, как паденье грешника — снова в **веру**, его выталкивает назад. (И. Бродский. Холмы. Осенний крик ястреба).

Большая степень уверенности в истинности знания, характеризующая состояние ВЕРА, проявляется в адъективной, субъективной и глагольной сочетаемости лексемы ВЕРА, которая более частотно актуализирует сему «большая степень уверенности в истинности знания»:

ВЕРА: большая, огромная, безмерная, полная, крепкая, могучая, твердая, прочная, стойкая, непоколебимая, несокрушимая, неуслаждаемая, неистребимая, вечная, нерушимая, несокрушимая, неугасимая вера, верить вполне, верить полностью, верить без колебаний, верить без опасений, верить без сомнений, верить как Богу, верить всем сердцем, верить всей душой, искренняя, подлинная, бескорыстная Знание, абсолютно уверенное в том, что оно безошибочно, — это **вера**. У меня была **твердая вера** в себя, я верил, что знаю все в себе (Замятин. Мы).

Большая степень уверенности в истинности знания подтверждается словосочетаниями, категоризирующими ментальное состояние ВЕРА как прочное:

ВЕРА: *крепкая, могучая, твердая, прочная, стойкая, непоколебимая, несокрушимая, неусыпаемая, неустрашимая, вечная, нерушимая, несокрушимая, неугасимая.*

Концептуальный признак прочности, выделяемый в гештальтной структуре русского концепта ВЕРА воплощается метафорическими образами горы, скалы (*прочная, нерушимая скала веры*), камня (*монолог веры, долбить, подтачивать веру*) дома, крыши (*под крышей веры, приют веры, построить веру*) и подчеркивает уверенность в истинности наличия знания.

Вера и гору с места сдвинет (Даль. Пословицы русского народа).

В английском сознании более разработаны признаки ментального состояния ВЕРА, так как имеются различные лексемы для обозначения состояния.

Лексема BELIEF отражает общее понимание ментального состояния, она включает основные семемы Д1/Д2 русского ВЕРА. В семантему лексемы BELIEF входят абстрактные семема Д1 *Убеденность, уверенность в исполнении ожидаемого, в положительных качествах, достоинствах* (*a belief in the goodness of human nature – вера в добродетель человеческой природы*) и семема Д2' *Верование в предметы высшие, неведущественные* (*firm belief in one universal God – твердая вера во всеобщего Бога*).

*That pleased and flattered her, confirmed her in her **belief** in herself* (Lessing, Doris. The good terrorist).

*She never lost her **belief in God*** (Longman Language Activator. The World's First Production Dictionary).

Лексема FAITH закрепляет религиозное наполнение концепта. Лексема FAITH актуализирует абстрактные семему Д1 *Религиозная вера* (*to adhere to faith – придерживаться веры, to be brought up in the true faith – быть воспитанным в истинной вере, to renounce one's faith – отвергать веру*) и семему Д2' *Чувство уверенности, доверия, оптимизма о чем-либо* (*to put / place faith in something / somebody – довериться, положиться, to break faith with somebody – не оправдать доверия*).

*Christians who have lost their **faith** may still observe certain rules of Christian morality* (Collins Cobuild English Language Dictionary).

*I have complete **faith** in Jenny – she's the most reliable person I know* (Longman Language Activator. The World's First Production Dictionary).

Лексема TRUST развивает признак Вера-Доверие. Семему Д1 лексемы TRUST Вера в добродетель, справедливость человека или вещи раскрывается в словосочетаниях: *take something on trust* – взять на веру, поверить, *to gain trust* – завоевать доверие, *to put trust in luck* – положиться на удачу, *to abuse somebody's trust* – оскорбить, злоупотребить чьим-либо доверием.

*After the scandal the company lost the **trust** of many of its clients.* Longman Language Activator (The World's First Production Dictionary).

Английские ментальные состояния BELIEF, FAITH, TRUST, также как и русские, детерминируются большой степенью уверенности в истинности имеющегося знания:

BELIEF, FAITH, TRUST: strong - сильная, *sincere* – искренняя, *blind* – слепая, *absolute* -абсолютная, *unquestioning* – полная, несомненная, *implicit* – безоговорочная, *abiding*- постоянная, *deep* – глубокая, *absolute* – абсолютная, *great* – великая

*The people's **blind faith** in the King was shattered when they realized the terrible consequences of the war he had taken them into.* Longman Language Activator (The World's First Production Dictionary).

Большая степень уверенности в истинности знания подтверждается словосочетаниями, характеризующими ментальные состояния BELIEF-FAITH-TRUST как прочные:

BELIEF, FAITH, TRUST: firm – твердая, прочная, *unshakable* – непоколебимая, *enduring* – прочная, постоянная, *steadfast* – твердая, прочная, устойчивая

Среди ассоциаций, возникающих в ассоциативно-вербальной сети в связи с концептом ВЕРА первостепенное место занимает «надеяться» (Караулов, 1994). Ментальное состояние НАДЕЖДА в словаре современного русского литературного языка описывается как Ожидание чего-нибудь благоприятного в сочетании с уверенностью в его осуществлении.

Проект был написан через месяц, проект безграмотный, бессвязный и наивный до трогательности. Но если бы каждый штрих его каллиграфических букв умел вдруг заговорить с той **страстной надеждой**, с какой его выводила на министерской бумаге рука Ильи Самойловича, тогда, без сомнения, и городской глава, и управа, и гласные побросали бы все текущие дела, чтобы немедленно осуществить этот необычно важный проект (Куприн, Детский сад).

Состояния ВЕРА и НАДЕЖДА отличаются друг от друга по параметру уверенности в истинности знания. В случае ВЕРЫ имеет мес-

то большая степень уверенности в истинности знания, состояние НАДЕЖДА осмысливается как имеющее малую степень уверенности в истинности знания.

НАДЕЖДА: робкая, в глубине души, напрасная, легкая, малейшая, крошечная.

Концептуальный признак малой степени уверенности в истинности знания, характеризующий ментальное состояние НАДЕЖДА, прослеживается в описаниях состояния НАДЕЖДА как несоответствующего реальности:

НАДЕЖДА: бесплодная, пустая, неоправданная, несбыточная, иллюзорная, ложная, напрасная, тщетная, шаткая, обманутая, наивная, простодушная, сомнительная, льстить, тешить себя (льститься, тешиться) надеждой, обольщать себя (обольщаться) надеждой, убаюкивать себя надеждой, обманывать себя надеждой, надежды не сбылись, зря/напрасно надеяться.

Когда смыкает смертный вежды, К нему стремятся рои снов; Их тайна – **ложные надежды** И обольщение глупцов. (Фофанов. Когда смыкает смертный вежды...).

Отсутствие соответствия состояния НАДЕЖДА реальности в русской культуре воплощается в метафорических образах миража (*мираж надежды*), тумана (*туманная, смутная надежда*), хрупкого сосуда (*хрупкая, хрустальная, разбивается*).

В английской культуре ментальное состояние HOPE – *A feeling of desire and expectation that things will go well in the future* (Чувство желания и ожидания исполнения чего-либо в будущем) также основывается на малой степени уверенности в истинности знания.

HOPE: *a little of hope*- мало надежды, *some hope*- некоторое количество надежды, *what a hope*- слабая надежда, *not to hold out much hope of*- не держать много надежды на, *a ray of hope*- луч надежды, *glimmer of hope* – проблеск надежды, *a spark of hope* – искра, вспышка надежды, *a flicker of hope* – проблеск, мерцание надежды

The fact that Ben had phoned her gave Clare a glimmer of hope. Perhaps their marriage could be saved after all. Longman Language Activator. The World's First Production Dictionary.

Концептуальный признак малой степени уверенности в истинности знания отмечен в словосочетаниях, описывающих состояние HOPE как несоответствующее реальности:

HOPE: *unrealistic hope*- нереальная надежда, *unreasonable hope*- безосновательная, неразумная надежда, *idle hope* – ленивая, пустая, неосновательная надежда, *illusory hope* – иллюзор-

ная надежда, *vain hope* – тщетная, напрасная надежда, *hopes are fading* – надежды угасают.

Hopes are fading, but the search for survivors of the earthquake continues. Longman Language Activator (The World's First Production Dictionary).

Существенной константой английской ментальности представляется оценка состояния HOPE как, в большей мере, чем в русской культуре, соответствующей реальности и разумной. В русском языке отмечено больше слов и словосочетаний, указывающих на несбыточность и обманчивость надежды, в английском языке прослеживается классификационная сема «разумность»:

HOPE: *real hope* – реальная надежда, *realistic hope* – реалистичная надежда, *reasonable hope* – разумная надежда, *cause for hope* – причина для надежды.

5) Ментальные состояния интеллектуального потрясения по поводу имеющегося знания (русские УДИВЛЕНИЕ, НЕДОУМЕНИЕ, ИЗУМЛЕНИЕ и английские SURPRISE, AMAZEMENT, ASTONISHMENT).

УДИВЛЕНИЕ, НЕДОУМЕНИЕ, ИЗУМЛЕНИЕ являются интеллектуальными эмоциями, вызываемыми у человека обманутым вероятностным прогнозом, нарушением «нормы ожидания», если до момента свершения события субъект считал, что оно мало вероятно или невероятно (Воркачев, 1992).

Русское УДИВЛЕНИЕ согласно словарной статье словаря современного русского литературного языка – это *Чувство, состояние, возникающее под сильным впечатлением от чего-либо необычного, странного, непонятного*, состояние НЕДОУМЕНИЕ – это *Состояние нерешимости вследствие непонимания, неясности*, ИЗУМЛЕНИЕ – *Сильная степень удивления*.

Английские SURPRISE *State of being surprised; emotion excited by what is sudden, unexpected, or contrary to expectation; astonishment* (Состояние удивления; эмоция, вызванная чем-либо внезапным, неожиданным, противоречащим ожиданию; изумление), AMAZEMENT *What you feel when something surprises you so much that you find it almost impossible to believe it* (То, что вы чувствуете, когда что-либо удивляет вас так сильно, что в это практически невозможно поверить), ASTONISHMENT *A feeling of great surprise* (Чувство большого удивления) – это ментальные состояния, вызванные интеллектуальным потрясением по поводу имеющегося знания.

Состояние УДИВЛЕНИЕ, SURPRISE возникает при средней степени уверенности субъекта в истинности знания, полученного из про-

шлого опыта. Состояние НЕДОУМЕНИЕ, AMAZEMENT возникает при малой степени уверенности в истинности знания, полученного из прошлого опыта. Состояние ИЗУМЛЕНИЕ, ASTONISHMENT возникает при полной уверенности субъекта в истинности знания, полученного из прошлого опыта.

Он на такие пустяки не обидится. – Не обидится? – спрашиваю с **удивлением** (Лесков. Бесстыдник).

Платье Шармера легко и удобно; человек, одетый этим портным, нередко впадает в **недоумение**, действительно ли он одет (Салтыков-Щедрин. Сатиры в прозе).

(Антошка) в одной рубашке гнался за ястребом верст пять по деревьям. Народ в **изумление** пришел, глядя на него (Н. Успенский. Змей).

Her concentration was still not one hundred per cent, though, when suddenly, forcefully, and to make her spin round **in surprise**, someone burst into her office (J. Steele. His woman).

Julia saw to her **amazement** that the girl was trembling, as if she were a dog on the watch for a rabbit (B. Whitehead. The dean it was that died).

Her mouth opened in delight, her hands went up in the classic gesture of **astonishment** (R. Pilcher. Flowers in the rain).

6) Ментальные состояния неуверенности в истинности знания (русские СОМНЕНИЕ, КОЛЕБАНИЕ и английские DOUBT, HESITATION, HESITANCY).

Ментальное состояние СОМНЕНИЕ, согласно словарю современного русского литературного языка – это *Неуверенность в истинности, возможности чего-либо, отсутствие твердой веры в кого-либо, чего-либо*, состояние КОЛЕБАНИЕ есть *Нерешительность, сомнение*.

Ему одному она доверчиво открыла свою душу, прекрасную даже в **колебаниях** и слабостях. Все другие знали – думалось ему – только ее костюм и наружность. Ревность же с ее циничными сомнениями, вечно раздраженным самолюбием, с ее мелочностью и грубостью была чужда доверчивой и нежной натуре Боброва (Куприн. Молох).

Ментальные состояния СОМНЕНИЕ и КОЛЕБАНИЕ возникают при большой (ощутимые, глубокие, серьезные сомнения, колебания, буря сомнений) или малой степени неуверенности в истинности наличия знания (легкое, минутное, недолгое колебание, небольшие сомнения).

...И память их жива поныне **Под бурей** тягостных **сомнений** и страстей, Как островок безвредно среди морей Цветет на влажной их пустыне (Лермонтов. Как часто пестрою толпою окружен...).

Английское ментальное состояние DOUBT понимается как *A state of uncertainty* (Состояние нерешительности), состояние HESITATION толкуется как *Act or fact of hesitation, suspension of opinion or action, doubt, vacillation* (Состояние или факт нерешительности, приостановка в высказывании мнения или совершении действия, сомнение, колебание), HESITANCY есть *The quality or state of being hesitant, indecision....* (Качество или состояние нерешительности).

Английские ментальные состояния DOUBT, HESITATION, HESITANCY характеризуются различной степенью неуверенности в истинности знания: большой (*a great deal of hesitation* – большая доля колебаний, *palpable hesitation* – осязаемые, явные колебания, *much hesitation* – много колебаний, *deep doubt* – глубокие сомнения, *serious doubt* – серьезные сомнения, *strong doubt* – сильные сомнения, *grave doubts* – серьезные сомнения) или малой (*slight hesitation* – легкое колебание, *moment's hesitation* – минутное колебание, *momentary hesitation* – минутное колебание, *brief hesitation* – недолгое колебание, *there's a little doubt* – малая доля сомнений).

*I have **grave doubts** about what the government is doing.* Collins Cobuild English Language Dictionary.

*The Princess Tatiana did not look back as she walked towards the far door, but had Auguste not been so swept away of glory and misery he would have seen a certain tenseness about her shoulders, a **slight hesitation** on the threshold* (A. Myers. Murder of the masque).

Almost without being aware of it I'd progressed from the hesitancy of my first few days there to a strong positive desire to go down to the starting gate (D. Francis. Longshot).

7) Ментальные состояния отсутствия знания (русские НЕЗНАНИЕ, НЕВЕДЕНИЕ и английское IGNORANCE).

В структуру семантем лексем НЕЗНАНИЕ, НЕВЕДЕНИЕ входит семема Д1 *Состояние неосведомленности, отсутствие обладания знаниями, информацией адекватной реальной действительности*. Основные различия между синонимами НЕЗНАНИЕ и НЕВЕДЕНИЕ стилистические: лексема НЕВЕДЕНИЕ содержит стилистическую сему книжности. Кроме того, лексема НЕЗНАНИЕ, будучи общим по значению синонимом, более широко употребляема.

Два человека в этот страшный год, Когда всех занимала смерть одна, Хранили чувство дружбы. Жизнь их, род – Незнания хранила тишина (Лермонтов. Чума).

Лиза была и потрясена и обрадована известием – неведение для нее было тяжелее печальной действительности (Федин. Необыкновенное лето).

Английское состояние *IGNORANCE State of being ignorant; want of knowledge in general, or in relation to a particular subject; state of being uneducated or uninformed* (Состояние незнания; желание знания в общем, или по отношению к определенному предмету; состояние необразованности или неинформированности), также как и русские НЕЗНАНИЕ, НЕВЕДЕНИЕ, маркировано концептуальным признаком отсутствия знания.

Her ignorance of foreign policy was alarming... (Collins Cobuild English Language Dictionary).

Существенным при категоризации ментальных состояний по данным русского и английского языков является когнитивный классификатор МЕРА ЧЕТКОСТИ МЫСЛИТЕЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ СОСТОЯНИЯ. Ментальные состояния ЗНАНИЕ (KNOWLEDGE), ВЕРА (BELIEF, FAITH, TRUST) имеют четкое мыслительное содержание.

ЗНАНИЕ, ВЕРА: *светлое, отчетливое, ясная, чистая, прозрачная.*
KNOWLEDGE, BELIEF, FAITH, TRUST: *transparent – прозрачное, clear – ясное, четкое*

Ментальные состояния наличия знания СОЗНАНИЕ (CONSCIOUSNESS), наличия кванта знания (русские МЫСЛЬ, ИДЕЯ и английские THOUGHT, IDEA), сосредоточенности мысли с целью пополнения знания (русские ВНИМАНИЕ, ИНТЕРЕС, ЛЮБОпытСТВО и английские ATTENTION, INTEREST, CURIOSITY) могут иметь четкое или нечеткое мыслительное содержание.

СОЗНАНИЕ: *ясное, здоровое, воспаленное, помутненное, помраченное.*

МЫСЛЬ, ИДЕЯ: *трезвая, ясная, четкая, разбитая, бледная, серая, неопределенная, смутная, расплывчатая, прозрачная, неясная, беспросветная.*

ВНИМАНИЕ, ИНТЕРЕС, ЛЮБОпытСТВО: *сосредоточенное, четкое, рассеянное, смутное, неясное.*

CONSCIOUSNESS: *clear – ясное, dark – темное, dim – тусклое, dulled – помутненное, confused – смущенное.*

THOUGHT, IDEA: *clear – ясная, vague – неопределенная, смутная, неясная.*

ATTENTION, INTEREST, CURIOSITY: *clear – ясное, scattered – рассеянное, dim – тусклое.*

Духота. Даже тень на стене, уж на что слаба, повторяет движение руки, утирающей пот со лба. Запах старого тела острее, чем его очертанья. Трезвость мысли снижается... И некому навести взгляда на резкость... (Бродский. Холмы. Колыбельная).

Хаос, сумбур, сердечная бурда, беспорядок. Мои разбитые мысли и этот неподвижный взгляд (Ремизов. Сны и предсонья).

Ментальные состояния малой степени уверенности в истинности знания НАДЕЖДА (HOPE), интеллектуального потрясения по поводу имеющегося знания (русские УДИВЛЕНИЕ, НЕДОУМЕНИЕ, ИЗУМЛЕНИЕ и английские SURPRISE, AMAZEMENT, ASTONISHMENT) неуверенности в истинности знания (русские СОМНЕНИЕ, КОЛЕБАНИЕ и английские HESITATION, HESITANCY) характеризуются нечетким мыслительным содержанием.

В русском языке: *неопределенная, неясная, смутная, туманная, эфемерная, бледный свет, непонятная надежда, удивление, недоумение, изумление, сомнение, колебание.*

В английском языке: *vague – неопределенный смутный, неясный, under the veil of – под покрывалом, unclear – неясный*

Ну и надежда какая-то... Неясная, как в воде, – но тем привлекательнее. Вы говорите о бегстве... Я думаю, я догадываюсь, что еще кто-то об этом печется... Какие-то намеки... Но что, если это обман, складка материи, кажущаяся человеческим лицом... (Набоков. Приглашение на казнь).

Ментальные состояния отсутствия знания (русские НЕЗНАНИЕ, НЕВЕДЕНИЕ и английское IGNORANCE) признака меры четкости мыслительного содержания состояния не обнаруживают.

В русском и английском национальном сознании сущность ментальных состояний определяется когнитивным классификатором ОБЪЕМ МЫСЛИТЕЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ СОСТОЯНИЯ.

Ментальные состояния наличия знания (русские ЗНАНИЕ, СОЗНАНИЕ и английские KNOWLEDGE, CONSCIOUSNESS) предполагают наличие целостного неквантованного знания.

Состояния наличия МЫСЛЬ, ИДЕЯ (THOUGHT, IDEA) имеют один квант знания.

Состояния сосредоточенности с целью пополнения знания (русские ВНИМАНИЕ, ИНТЕРЕС, ЛЮБОпытСТВО и английские ATTENTION, INTEREST, CURIOSITY) и уверенности в истинности знания (русские ВЕРА, НАДЕЖДА и английские BELIEF, FAITH, TRUST, HOPE) содержат неопределенное количество квантов знания.

Содержание состояний интеллектуального потрясения по поводу имеющегося знания (русские УДИВЛЕНИЕ, НЕДОУМЕНИЕ, ИЗУМЛЕНИЕ и английские SURPRISE, AMAZEMENT, ASTONISHMENT) и неуверенности в истинности знания (русские СОМНЕНИЕ, КОЛЕБАНИЕ и английские DOUBT, HESITATION, HESITANCY) составляют альтернативные кванты знания.

Признак отсутствует у ментальных состояний отсутствия знания (русские НЕЗНАНИЕ, НЕВЕДЕНИЕ и английское IGNORANCE).

Важным когнитивным классификатором ментальных состояний в русском и английском языках является ВИД ОБЪЕКТА ЗНАНИЯ, который характеризует объекты ментальных состояний:

Объектом состояний ЗНАНИЕ (KNOWLEDGE), МЫСЛЬ (THOUGHT), ИДЕЯ (IDEA) выступает любая информация, ментальное состояние СОЗНАНИЕ (CONSCIOUSNESS) имеет объектом информацию о себе.

Объект ментальные состояния сосредоточенности мысли с целью пополнения знания составляет информация: ВНИМАНИЕ (ATTENTION) – любая значимая информация, ИНТЕРЕС (INTEREST) – положительно значимая, ЛЮБОПЫТСТВО (CURIOSITY) – сомнительно значимая.

Ментальное состояние ВЕРА (BELIEF, TRUST) характеризует любой мыслительный объект, в особенности выделен мифический объект (FAITH), ментальное состояние НАДЕЖДА (HOPE) – любой желаемый объект. Объект состояний уверенности в истинности знания отмечен как значимый.

Объектом состояний интеллектуального потрясения по поводу имеющегося знания УДИВЛЕНИЕ (SURPRISE), НЕДОУМЕНИЕ (AMAZEMENT), ИЗУМЛЕНИЕ (ASTONISHMENT) выступают взаимоисключающие кванты прошлого и нового знания.

Объектом состояний неуверенности в истинности знания (русские СОМНЕНИЕ, КОЛЕБАНИЕ и английские DOUBT, HESITATION, HESITANCY) являются противоречащие идеи.

У ментальных состояний НЕЗНАНИЕ, НЕВЕДЕНИЕ (IGNORANCE) отсутствует любой объект.

Когнитивный классификатор ВИД ОБЪЕКТА ЗНАНИЯ градуирует объектные конструкции, выражающие фазы существования ментальных состояний:

1) появление состояния:

рус. овладевать, получать, черпать, пришло знание; внедрять, вбивать в голову, подхватывать мысль, идею; привлечь, захва-

тить, приковать, обращать, сосредоточить внимание на, вызывать, расшевелить интерес, вызывать, возбуждать любопытство; приобрести, принять на, зарождается, пробуждать, обрести веру, вера появилась, надежда вспыхивает, вдохнуть, возбуждать, все-лять, блеснула, мелькнула, зажигается, луч надежды, искра надежды, вспыхивает, заронить (искру надежды в сердце/душу), пробуждается, просыпается, появляется, обрести, вызывать недоумение, удивление, изумление, сомнения, колебания и т. п.

англ. *attract attention* – привлечь внимание, *capture attention* – захватить внимание, *compel somebody's attention* – приковать внимание, *pay attention to* – обращать внимание, *focus attention on* – сосредоточить внимание на, *arouse interest* – вызывать интерес, *generate interest* – порождать, вызывать интерес, *prique interest* – возбуждать внимание, *stir up interest* – расшевелить интерес, *arouse curiosity* – вызывать любопытство, *excite curiosity* – возбуждать любопытство, *prique curiosity* – возбуждать любопытство, *whet curiosity* – разжигать, раззадоривать, возбуждать любопытство, *gain trust* – завоевать доверие, *inspire hope* – вдохновлять надежду, *stir up hope* – возбуждать надежду, *a ray of hope* – луч надежды, *a spark of hope* – искра, вспышка надежды, *a flicker of hope* – проблеск, мерцание надежды, *cause amazement, surprise, astonishment* – вызывать недоумение, удивление, изумление, *spring, cast doubts on* – вызывать сомнение, *raise (a) doubt* – вызывать сомнение, *doubts appear* – сомнения появляются, *doubts arise* – сомнения встают и т. п.

И в русском, и в английском языке выявлены словосочетания, несущие сему «Повторное появление состояния»: *move very slowly out of unconsciousness* – медленно придти в сознание, *regain consciousness* – придти в сознание, *recover consciousness* – придти в сознание, *restore faith* – восстановить веру, *revive interest* – оживлять интерес

2) наличие, удерживание состояния:

иметь, владеть, обладать, растет, увеличивается, снижается, углублять, расширять, использовать, применять, передавать, обмениваться, делиться, доносить знание, быть, пребывать в сознании, удерживать, сохранять внимание, испытывать интерес, любопытство, питать веру, живет, жива, теплится, есть вера, не терять веру, сохранять веру; надежда немеркнущая, живет, жива (в сердце/ душе), теплится, крепнет, лелеять, питать надежду, не покидают, не оставляют, есть, сохранять сомнения, колебания и т. п.

В английском языке также отмечены устойчивые словосочетания, отражающие наличие ментальных состояний:

have somebody's attention – иметь внимание, *hold somebody's attention* – удерживать чье – либо внимание, *retain attention* – сохранять внимание, *switch attention to* – переключить внимание на, *hold interest* – иметь интерес, *demonstrate interest* – проявлять, показывать интерес, *display interest* – проявлять, показывать интерес, *evinced interest* – проявлять, показывать интерес, *show interest* – проявлять, показывать интерес, *express interest* – выражать интерес, *hold belief* – держать веру, *keep faith* – сохранять веру, *have faith* – иметь веру, *adhere faith* – придерживаться веры, *practice faith* – практиковать веру, *abjure faith* – молить, заклинять веру; *cherish hope* – лелеять надежду, *entertain hope* – питать надежду, *nurse hope* – питать надежду, *live in hope that* – жить в надежде что; *express amazement, surprise* – выражать недоумение, удивление, *show surprise* – показывать удивление, *be of constant amazement to somebody* – вызывать постоянное недоумение у кого-либо, *astonishment grows* – изумление растет, *hide astonishment* – прятать изумление; *experience doubt* – испытывать сомнение, *feel doubts* – чувствовать сомнение, *harbour doubts about* – затаивать сомнения о, *increase doubt* – увеличивать сомнения и т. п.

3) исчезновение состояния:

рус. терять, угасает, исчезает сознание, мысль, идея, утратить интерес, умирает любопытство, вера рушится, пропала, крушение, крах веры, потерять, утратить, лишиться(ся) веры; надежда гаснет, слабеет, умирает, рушится, погибает, гибнет, пропала, сгинула, сгорела, потонула, крушение надежды, оставлять сомнения, расставаться с колебаниями, удивление покидает, оставляет и т. п.

англ. *lose consciousness* – потерять сознание, *on the edge of consciousness* – на грани, краю сознания; *distract attention* – отвлекать внимание, *divert attention* – отвлекать внимание, *slip somebody's attention* – ускользнуть от внимания, *escape somebody's attention* – избежать внимания, ускользнуть от внимания; *lose interest, curiosity* – потерять интерес, любопытство, *satisfy curiosity* – удовлетворить любопытство; *shake belief in* – поколебать веру, *give up belief* – разувериться, *relinquish one's belief* – разувериться, *lose faith* – потерять веру; *lose interest* – терять интерес, *curiosity, doubt, hesitation, hesitancy disappear, vanish* – любопытство, сомнение, колебание исчезают, пропадают и т. п.

Значимой при категоризации ментальных состояний в русском и английском сознании является ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ.

Носители русского и английского языков могут характеризовать ментальные состояния как положительные:

рус. чистое, радостное, обнадеживающее, святое, приятное, замечательное знание, сознание; обаятельная, обворожительная, обольстительная, приятная, сладкая, счастливая, блаженная, волшебная, сказочная, возвышенная, святая, смелая, дерзкая, спасительная, радостная, возвышенная, чистая, успокаивающая мысль, идея; благожелательное, доброжелательное, живое, искреннее, откровенное, простодушное, почтительное, робкое, спокойное, упорное, доверчивое, почтительное внимание, интерес, любопытство; светлая, радостная, святая, нравственная, трогательная, искренняя, бескорыстная, спасительная, девственная, возвышает, облагораживает, полезная вера, очаровательная, сладкая, сладостная, трогательная, радостная, радужная, искрящаяся, чарующая, пленительная, романтическая, окрыляет, тешит надежда; искреннее, блаженное, веселое удивление, недоумение, изумление и т. п.

англ. *safe knowledge* – спасительное знание, *bright, brilliant, clever, ingenious, happy thought, idea* – яркая, блестящая, умная, изобретательная, счастливая мысль, идея, *rapt attention* – восхищенное внимание, *lively interest* – живой интерес, *healthy, natural curiosity* – здоровое, естественное любопытство, *blissful faith* – благословенная вера и т. п.

Тревожная эмоциональная оценка имплицитруется в словосочетаниях:

рус. тревожное, тягостное, тяжелое, мучительное, мрачное, страшное, жуткое, ужасное, опасное знание, сознание; головокружительная, замысловатая, пленяющая, томит, будоражит, мучительная, навязчивая, тревожная, трепет, настороженная мысль, идея; острое, жгучее, томительное, тревожное, дерзкое, пытлиное, изнывать от, странное, мучительное, беспокойное внимание, интерес, любопытство; вкрадчивая, непонятная вера, волнующая, дерзкая, дерзостная, манит, мучит надежда; тревожное, мучительное, сомнение, колебание и т. п.

англ. *gnawing doubts* – сомнения грызут, мучают, *thought, idea torments* – мысль, идея мучает, *hope worries* – надежда волнует и т. п.

Отрицательный эмоциональный компонент закрепляется словосочетаниями:

рус. невеселое, безрадостное, неприятное, неутешительное, горькое, кощунственное, суетное, горькое, смешное знание, сознание; пустая, бесплодная, кощунственная, крамольная, колкая, тягостная, мрачная, горькая, темная, пошлая, трусливая, отчаянная мысль; идея; беззастенчивое, неприязненное, злое, завистливое, болезненное, больное, нездоровое, нетерпеливое, назойливое, суетное, праздное, пустое, ужасное, холодное, тупое, угрюмое, мелочное, глупое внимание, интерес, любопытство; лицемерная, хитрая, самонадеянная вера, легкомысленная, горькая, иссушает душу, безумная, предательская, глупая, окаянная надежда; тяжелое, горестное, досадливое, неприятное, смехотворное, удивление, недоумение, изумление; смешные, отчаянные, циничные, тягостные, укоры, ужасные, страшные, кошмарные, жестокие сомнения, колебания; тупое, слепое, темное, беспощадное, грустное, больное, удручает, озлобленное незнание, неверие и т. п.

англ. *absurd, crazy, desperate, silly, stupid, strange, wild, ugly, upsetting, evil thought, idea* – абсурдная, сумасшедшая, отчаянная, глупая, странная, дикая, уродливая, огорчительная, злая мысль, идея, *terrible, unwelcome, idle, perverse curiosity* – ужасное, неблагожелательное, праздное, извращенное любопытство, *silly, erroneous, false, blind, hypocritical belief, faith* – глупая, ошибочная, неверная, слепая, лицемерная вера, *unpleasant, appalling surprise* – неприятное, отвратительное удивление, *stupid, comical, odd, mock amazement, astonishment* – глупое, комичное, странное, смехотворное недоумение, изумление; *embarrassed, ridiculous hesitation* – неловкое, смехотворное колебание, *unpleasant doubt* – неприятные сомнения, *dangerous ignorance* – опасное незнание, невежество, *blatant ignorance* – крикливое, бесстыдное невежество, *disastrous results caused by ignorance* – губительные, разрушительные результаты, вызванные незнанием, невежеством, *the worst killer in the world is ignorance* – самый ужасный убийца в мире – незнание, невежество, *worrying ignorance* – волнующее незнание, невежество, *alarming ignorance* – беспокоящее незнание, невежество, *a miasma of ignorance* – вредные испарения незнания, невежества, *malicious vandalism caused by ignorance* – злобный вандализм, вызванный незнанием, неведением, *immorality and perversion which stem from ignorance* – безнравственность и извращенность, коренящиеся в незнании, невежестве, *to dread ignorance* – смертельно бояться незнания, невежества и т. п.

Таким образом, ментальные состояния наличия знания и большой степени уверенности в истинности знания положительно оцениваются носителями русского и английского языков. Ментальные состояния малой степени уверенности в истинности знания, интеллектуального потрясения по поводу имеющегося знания, неуверенности в истинности знания, отсутствия знания более частотно вызывают тревожные и отрицательные эмоции.

Внутригрупповой когнитивный классификатор МЕРА ИНТЕНСИВНОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОПЕРЕЖИВАНИЯ, СОПРОВОЖДАЮЩЕГО СОСТОЯНИЕ отмечен в группах ментальных состояний сосредоточенности с целью пополнения знания и состояний интеллектуального потрясения по поводу имеющегося знания. Ментальные состояния ВНИМАНИЕ (ATTENTION), УДИВЛЕНИЕ (SURPRISE) маркированы слабой степенью интенсивности эмоционального сопереживания, сопровождающего состояние. Для ментальных состояний ИНТЕРЕС (INTEREST), НЕДОУМЕНИЕ (AMAZEMENT) релевантна средняя степень интенсивности эмоционального сопереживания. Сильной степенью эмоционального сопереживания сопровождающего состояния окрашены состояния ЛЮБОПЫТСТВО (CURIOSITY) и ИЗУМЛЕНИЕ (ASTONISHMENT).

Из проведенного анализа вытекает, что абстрактные имена классифицируются так же как и конкретные, а их когнитивные классификаторы представляют собой абстрактные семантические признаки, важные для носителей языка.

Основными когнитивными классификаторами имен ментальных состояний в русском и английском языках являются оценка наличия или отсутствия знания и степени его истинности, мера четкости мыслительного содержания состояния, объем мыслительного содержания состояния, вид объекта знания и мера интенсивности эмоционального сопереживания, сопровождающего состояние.

Оценка наличия или отсутствия знания и степени его истинности – фундаментальный классификатор русских и английских ментальных состояний, лежащий в основе группировок имен ментальных состояний наличия знания (знание, сознание в русском языке и knowledge, consciousness в английском языке), наличия кванта знания (мысль, идея в русском языке и thought, idea в английском языке), сосредоточенности с целью пополнения знания (внимание, интерес, любопытство в русском языке и attention, interest, curiosity в английском языке), уверенности в истинности знания (вера, надежда в русском языке и belief, faith, trust, hope в английском языке),

интеллектуального потрясения по поводу имеющегося знания (удивление, недоумение, изумление в русском языке и *surprise, amazement, astonishment* в английском языке), неуверенности в истинности знания (сомнение, колебание в русском языке и *doubt, hesitation, hesitancy* в английском языке), отсутствия знания (незнание, неведение в русском языке и *ignorance* в английском языке) в рамках поля ментальных состояний.

Когнитивные классификаторы, являясь общими для всего поля ментальных состояний, помогают отличить одно ментальное состояние от другого. Например, ВЕРА – это ментальное состояние большой степени уверенности в истинности неопределенного количества квантов знания о любом мыслительном, особенно мифическом объекте, характеризующееся четким мыслительным содержанием. Состояние СОМНЕНИЕ есть ментальное состояние, которое характеризуется неуверенностью в истинности противоречащих, альтернативных квантов знания и отсутствием четкости мыслительного содержания.

Внутригрупповые когнитивные классификаторы: степень уверенности в истинности знания, степень уверенности в истинности знания, полученного из прошлого опыта, мера интенсивности эмоционального сопереживания состояния – способствуют дифференциации имен ментальных состояний внутри микрогрупп (вера и надежда, удивление, недоумение, изумление в русском языке; *belief, faith, trust* и *hope*; *surprise, amazement, astonishment* в английском языке)

Когнитивные классификаторы имен ментальных состояний в русском и английском сознании имеют сходство. Они отражают похожее в русской и английской культуре восприятие ментальных состояний, что подтверждает тезис о том, что «Наибольшее сходство в различных языках обнаруживают абстрактные семантические категории» (Хазимуллина, 2000), в различных концептосферах – абстрактные концепты, аккумулирующие информацию, вырабатываемую человечеством тысячелетиями.

3. Национальная специфика грамматического языкового сознания

3.1. Особенности полисемии в языках разных типов

Понятие полисемии в современном языкознании можно считать установившимся. Существующие в литературе определения полисемии слова в принципе идентичны. Под полисемией понимается

наличие у одного и того же слова нескольких связанных между собой значений. Как отмечала Э. В. Кузнецова, «Многозначное слово представляет собой как бы пучок нескольких семантических вариантов, значений, соотносённых с одной лексемой. Эти варианты или отдельные значения образуют внутрисловную семантическую парадигму слова, являются семантически связанными друг с другом и реализуются в различных типовых контекстах. » (Кузнецова, 1989, 101). «Значения многозначного слова, – пишет Д. Н. Шмелев, – объединяются в семантическое единство благодаря определенным отношениям, которые существуют между ними на основе общих семантических ассоциаций.» (Шмелев, 1993, 71). Несколько формализованное определение полисемии, которое дает Ю. Д. Апресян, практически содержит аналогичную мысль: «Слово А называется многозначным, если для любых двух его значений a_i и a_j найдутся такие значения $a_1, a_2, \dots, a_k, a_l$, что a_i сходно с a_1 , $a_1 - c a_2$ и т. д., $a_k - c a_l$ и $a_l - c a_j \dots$ достаточно, чтобы каждое из значений было связано хотя бы с одним другим значением. » (Апресян, 1974, 187).

Список определений полисемии слова можно было бы продолжить, однако в силу их однотипности в этом нет необходимости. Имеющиеся определения полисемии в целом раскрывают ее сущность – сосуществование в семантической структуре слова нескольких значений, находящихся между собой в отношениях семантической производности.

Следует отметить, однако, что практически все работы, так или иначе затрагивающие проблему полисемии, описывают данное явление как ограниченное частеречными рамками – любая замена частеречной семы, невзирая на отсутствие или сохранение семантической связи между значениями данной леммы, рассматривается исследователями как нарушение тождества слова и омонимия. Существование полисемии, таким образом, признается лишь на лексическом уровне.

Представляется, однако, что рассмотрение лишь лексической полисемии слова при изучении данного явления не может быть признано исчерпывающим. Существует, как минимум, еще один уровень полисемии – лексико-грамматический, предполагающий, помимо семантической производности, также производность на уровне частей речи (лексико-грамматических классов слов).

Термин «лексико-грамматическая полисемия» принадлежит В. И. Абаеву. В своей известной статье «О подаче омонимов в словаре», давшей толчок знаменитой дискуссии в отечественном языкознании, В. И. Абаев справедливо отмечает, что многозначность

на уровне частей речи нельзя рассматривать как безморфемное словопроизводство. «В действительности, «безморфемное словопроизводство» – это и есть полисемия», – отмечает он. (Абаев, 1957, 143). «Странно читать, – пишет далее В. И. Абаев, – что разными словами являются *clear* (ясный) и *clear* (ясно), *slow* (медленный) и *slow* (медленно), что отношение между ними такое же омонимическое, как, скажем, между *tould* (форма) и *tould* (плесень) или *lap* (подол) и *lap* (жидкая пища). Свежего человека просто ошарашивает открытие, что общеизвестное *third* представляет в действительности три слова: I. *third* (третий) – числительное, II. *third* (треть) – существительное, III. *third* (третий) – прилагательное. Истинным откровением было для нас, когда мы узнали, что в английском языке не одно, а два слова *darling*: I. *darling* (любимец), II. *darling* (любимый), что семантический разрыв между этими словами больше, чем, скажем, между *zip* (треск разрывающейся ткани) и *zip* (темперамент), которые даются как одно слово» (Там же).

Действительно, в случае наличия семантической связи между семемами разной категориальной принадлежности утверждение об омонимичности этих семем представляется неправомерным. В подобном случае мы имеем дело не с омонимией, а с лексико-грамматической полисемией, т. е. полисемией на уровне частей речи. Критерием отнесения одинаково оформленных разнокатегориальных семем к одной и той же лексеме служит в этом случае, также, как и при обычной, лексической полисемии, семантическая производность семем.

Подобное понимание рассматриваемого явления не противоречит теории частей речи и не ставит под вопрос существование частей речи как лексико-грамматических классов слов, как полагают многие.

Части речи могут быть представлены как пересекающиеся круги, части которых совпадают. Слова, демонстрирующие лексико-грамматическую полисемию, будут находиться как раз в пересекающихся частях этих кругов, причем, чем больше разнокатегориальных семем способны вместить в себя слова данной части речи, тем с большим числом кругов будет пересекаться представляющий ее круг.

Разнокатегориальные значения слова могут иметь, и, как правило, имеют различные, специфические для каждой данной части речи морфологические признаки. Однако морфологические признаки выражения категориального значения выступают лишь как формальные показатели частеречной принадлежности слова и в конечном счете только подтверждают функционирование слова в новом категориальном значении, а не определяют его. Основным же критери-

ем отнесения слова к той или иной части речи остается семантический критерий, т. е. наличие в слове определенной частеречной семы.

На правомерность такого подхода указывает, в частности, факт существования в языке так называемых «неизменяемых» частей речи – наречий, предлогов, союзов и т. д. В настоящее время в лингвистике уже нет сомнения, что, несмотря на отсутствие у них каких-либо формальных показателей, это – разные части речи с самостоятельным категориальным значением.

Отсутствие каких бы то ни было морфологических показателей в отдельных языках может быть характерно и для некоторых других частей речи. Так, например, прилагательное в английском языке практически не имеет никаких морфологических маркеров, за исключением степеней сравнения, имеющихся далеко не у всех из них, однако, тем не менее, несомненно является особой частью речи.

Вполне уместно привести здесь высказывание на этот счет академика Л. В. Щербы: «Едва ли мы потому считаем *стол*, *медведь* за существительные, что они склоняются, скорее мы потому их склоняем, что они существительные» (Щерба, 1974, 179).

На вторичность, зависимости морфологических признаков частей речи от семантических указывает и А. Н. Тихонов: «При переходе слов из одной части речи в другую семантика является определяющим фактором... Что касается морфологических факторов, то они закрепляют сдвиги в семантическом развитии слова» (Тихонов, 1968, 225).

Семантический критерий является ведущим, определяющим для установления категориальной принадлежности значения, морфологические же показатели частеречной принадлежности слова являются добавочными, вторичными, дополнительными.

Подобно тому, как явление лексико-грамматической полисемии не противоречит теории частей речи, не ставит оно под сомнение и тесно связанный с этим вопрос о границах слова.

Вслед за В. М. Жирмунским мы считаем, что основным и обязательным признаком целостности слова является критерий семантического единства. (Жирмунский, 1961, 123) В случае лексико-грамматической полисемии этот критерий соблюдается, поскольку само понятие полисемии требует наличие семантической производности семем.

Весьма справедливым представляется нам и высказывание на этот счет Е. В. Раевской: «Существует мнение, что единицы, элементы языка не могут быть полифункциональны, потому что наличие полифункциональности означает, якобы, отрицание существования слова, как члена лексико-грамматического разряда: если сло-

во принадлежит к нескольким классам, то оно, по сути, не принадлежит ни одному из них и становится, таким образом, *некоей* неопределенной сущностью. Здесь, на наш взгляд, неправильно понимается существо дела. Речь идет о способности слова выполнять функции различных частей речи, оставаясь членом одного лексико-грамматического разряда, т. е. о *полифункциональности*. Таким образом, полифункциональность выражается в том, что слово, оставаясь тождественным самому себе и воспринимаемое пользующимся языком как относящееся к определенной части речи, может выполнять функцию другой части речи». (Раевская, 1986, 122).

В связи с рассмотрением проблемы лексико-грамматической полисемии слова встает вопрос о взаимоотношении лексико-грамматической полисемии и лексико-грамматической вариантности. Термин «лексико-грамматическая вариантность» был введен нами в нашей монографии «Лексико-грамматическая полисемия слова» (Депонировано в ИНИОН, № 39677 от 6. 10. 89). В диссертационном исследовании «Семантические типы наречного слова» (Воронеж, 1984) мы называли это явление категориальной вариантностью.

Если при лексико-грамматической полисемии семемы, находясь между собой в отношениях семантической производности, различаются как категориально, так и лексически, то в случае лексико-грамматической вариантности семемы выступают в одинаковом наборе лексических сем, но с разными частеречными семемами.

Ср.: 1) *He went up*.

2) *He went up the stairs*.

В обоих примерах реализуется одно и то же лексическое значение «вверх». Данное лексическое значение обязательно предполагает некий центр координации (ЦКр), относительно которого определяется местонахождение или направление действия. Этот ЦКр может быть выражен в предложении эксплицитно, а может остаться невыраженным. При эксплицитном выражении центра координации реализуется предложный вариант лексического значения (см. пример 2), при отсутствии в предложении указания на ЦКр реализуется то же лексическое значение, но уже в наречном варианте (см. пример 1). Указание на центр координации является в этом случае имплицитным, заключенным в семантику самого слова.

Аналогичное явление наблюдается и в русском языке.

Ср.: 1) *Он зашел внутрь*.

– наречный вариант лексического значения «в пределы ЦКр»

2) *Он зашел внутрь дома.*

– предложный вариант лексического значения «в пределы ЦКр»
 Схематически рассмотренные лексико-грамматические варианты могут быть представлены следующим образом:

лексическое значение	частеречные семы
в пределы ЦКр	признак признака (наречная)
	отношения (предложная)

Как видно из приведенной схемы, в случае лексико-грамматической вариантности одному набору лексических сем соответствуют две (или более) частеречные семы. Эти частеречные (категориальные) семы находятся между собой в отношениях дополнительной дистрибуции и реализуются в зависимости от контекста. При лексико-грамматической же полисемии слова каждому новому набору лексических сем соответствует отдельная частеречная сема.

Соотношение лексических и грамматических сем при многозначности слова на уровне частей речи имеет, таким образом, двоякий характер: при лексико-грамматической полисемии отдельному лексическому значению слова однозначно соответствует одна частеречная сема, при лексико-грамматической вариантности одному лексическому значению соответствуют уже две (или более) разные частеречные семы. Реализация той или иной частеречной семы в этом случае обусловлено контекстуальными условиями.

Лексико-грамматическая вариантность, таким образом, представляет собой более простой, частный случай лексико-грамматической полисемии слова – если при лексико-грамматической вариантности семемы различаются лишь категориально, то при лексико-грамматической полисемии они различаются как категориально, так и лексически. Условием отнесения разнокатегориальных семем к одной лексеме в первом случае служит идентичность лексических значений, во втором – их семантическая производность.

Таким образом, мы вправе говорить о наличии в языке лексико-грамматической полисемии слова, существующей как в виде собственно лексико-грамматической полисемии, так и в виде лексико-грамматической вариантности. Лексико-грамматическая вариантность при этом может рассматриваться как частный, более простой случай лексико-грамматической полисемии слова.

Изучение лексико-грамматической полисемии в английском и русском языках показало, что данное явление не только более распространено в английском языке по сравнению с русским, но и отличается в нем большим разнообразием.

Исследование, проведенное на материале пространственных наречий русского языка (одного из наиболее «богатых» с точки зрения лексико-грамматической полисемии разрядов слов русского языка) показало, что лексико-грамматическая полисемия там возможна лишь на уровне двух и трех частей речи. Интересно при этом, что возможны случаи лексико-грамматической полисемии в виде лексико-грамматической вариантности при отсутствии у слова полисемии лексической.

Такое явление наблюдается у русских однозначных пространственных наречий *подле* и *посередине*, которые проявляют лексико-грамматическую вариантность на уровне наречия и предлога

Ср.: I. 1) *Аксинья подошла, села подле* (М. Шолохов).

– наречный вариант семемы «на небольшом расстоянии от ЦКр»

2) *...ребенок вертелся подле матери* (А. Бруштейн).

– предложный вариант семемы «на небольшом расстоянии от ЦКр»

II. 1) *По булыжной...мостовой катили экипажи. Посередке высился, как полагается, городской* (В. Ерашов).

– наречный вариант семемы «в середине ЦКр»

2) *Еще не стемнело. Сергей Ефремович себя воздвигал посередке стеганого кожаного сиденья, пальто нараспах, чтобы всем видна была на сюртуке серебряная цепь – отличительный знак одного из троих членов городской управы* (В. Ерашов).

– предложный вариант семемы «в середине ЦКр»

Среди многозначных пространственных наречий русского языка, демонстрирующих лексико-грамматическую полисемию на уровне двух частей речи, наиболее распространены предложные наречия, т. е. наречия, проявляющие лексико-грамматическую полисемию и лексико-грамматическую вариантность на уровне наречия и предлога.

В качестве примера приведем семантему наречия *вокруг*, включающую 6 семем и демонстрирующую как лексико-грамматическую вариантность на уровне наречия и предлога, так и собственно лексико-грамматическую полисемию.

Лексико-грамматическую вариантность в семантеме данного наречия демонстрирует семема $D1_{adv/prep}$ (11) «в пространстве, окружающем ЦКр»:

Сергея голодно обернулся. Вокруг – никого (Э. Пашнев).
– наречный вариант.

Вокруг города полыхали залпы (В. Инбер).
– предложный вариант.

Наречной семемой здесь является семема K1 «в обществе, в общественной жизни»:

Особая атмосфера напряженного ожидания царя вокруг.
(А. Чаковский).

Предложные частеречные семы в семантеме рассматриваемого наречия имеют две денотативные семемы D2 и две коннотативные семемы K1:

Семемы $D2_{prep}$ «в сфере деятельности ЦКр» и «указание на место приложения действия»:

Вокруг хуторского ревкома сгруппировалось несколько человек... (М. Шолохов).

...смену отработав, недоедающему человеку еще идти и вокруг котлов да вокруг хлеба дежурить (К. Симонов).

Семемы $K1_{prep}$ «по поводу, в связи» и «в определенных пределах, рамках (указание на предмет разговора)»:

В первый вечер мне удалось закончить доклад, но вокруг моих положений развернулись страстные прения (А. Макаренко).

Разговор вертелся вокруг событий последних дней (М. Шолохов).

Многозначность на уровне трех частей речи демонстрируют в сфере пространственных наречий русского языка лишь две единицы – *напротив* и *вперед*.

Проведенное исследование показало, что лексико-грамматическая полисемия пространственных наречий русского языка проявляется в целом на уровне следующих частей речи: предлога, частицы и существительного.

В качестве иллюстрации предложной семемы приведем семему $K1_{prep}$ наречия *возле* «в сфере (возможного) влияния ЦКр»:

Долгие годы находясь возле Черчилля, Моран, конечно, слышал о новом оружии, связанном с применением атомной энергии.

Лексико-грамматическая полисемия на уровне частицы может быть проиллюстрирована семемой $K2_{part}$ наречия *тут*, обозначающей сомнение или отрицание:

– *Может, с дороги чаю покушаете?*

– Куда тут чай распивать!

В качестве иллюстрации субстантивной семемы служит семема K1_{subst} наречия *вперед* «будущее»:

...позади выигранная война ...А вперед ...Чего только нет в этом вперед!

Лексико-грамматическая вариантность в сфере пространственных наречий русского языка проявляется в основном на уровне наречия и предлога.

Ср.: 1) *Ветер дует автобусу в лоб, сквозь щели в окнах проникает внутрь.*

– наречный вариант семемы «в пределы ЦКр».

2) *...попасть внутрь замка ему не удалось.*

– предложный вариант семемы «в пределы ЦКр»

Единственным случаем лексико-грамматической вариантности на уровне других частей речи является семема «наоборот» наречия *напротив*, демонстрирующая лексико-грамматическую вариантность на уровне наречия и союза:

Ср.: 1) *Мнение своих он не скрывал, даже напротив.*

– лексико-грамматическая вариантность на уровне наречия

2) *Не думайте, что я скучаю, напротив, мне еще никогда не было так весело.*

– лексико-грамматическая вариантность на уровне союза.

Наибольшее число пар лексико-грамматических вариантов – четыре – зафиксировано в семантеме наречия *вперед*. Лексико-грамматическая вариантность наблюдается здесь в семемах Д1, Д2 и двух семемах К1.

Наличие более чем одной пары лексико-грамматических вариантов характерно также для наречий *внизу, внутри, внутрь, наверху, навстречу, позади, вперед, сверху и напротив*.

Лексико-грамматическая вариантность на уровне более чем двух частей речи в сфере русских пространственных наречий не наблюдается.

Рассмотрение английских пространственных наречий показало, что они проявляют способность и многозначность на уровне пяти разных частей речи: предлога, прилагательного, существительного, глагола и междометия (*it's near midnight* – лексико-грамматическая полисемия на уровне предлога; *the far corner* – лексико-грамматическая полисемия на уровне прилагательного; *the inside of the pocket* – лексико-грамматическая полисемия на уровне существительного; *he downed the glass in one swallow* – лексико-грамматическая полисемия на уровне

не глагола; *there, there, don't cry!* – лексико-грамматическая полисемия на уровне междометия.

Лексико-грамматическая вариантность в семантемах рассмотренных наречий проявляется на уровне:

– наречия и предлога:

Ср.: 1) *Inside* was dark.

– наречный вариант семемы «в пределах(ы) ЦКр».

2) *Inside the room* it was dark.

– предложный вариант семемы «в пределах(ы) ЦКр».

– наречия и прилагательного:

Ср.: 1) He looked *upward*.

– наречный вариант семемы «вверх, в вертикальном направлении от ЦКр».

2) ...the *upward* gaze of June's blue eyes.

– атрибутивный вариант семемы «вверх, в вертикальном направлении от ЦКр».

– существительного и прилагательного:

Ср.: 1) ...the path at the *right* of the drive.

– субстантивный вариант семемы «правая сторона».

2) On the left side were 4 holes and on the *right* side three.

– атрибутивный вариант семемы «правая сторона».

– прилагательного и глагола:

Ср.: 1) ...their *round* yellow faces...

– атрибутивный вариант семемы «круглый».

2) ...amazement *rounded* her eyes.

– глагольный вариант семемы «круглый».

– предлога и глагола:

Ср.: 1) He's just stepped *round* the corner.

– предложный вариант семемы, обозначающей огибание ЦКр.

2) *Rounding* the last corner, she felt breathless.

– глагольный вариант семемы, обозначающей огибание ЦКр

Наблюдается также лексико-грамматическая вариантность на уровне трех и четырех частей речи:

– наречия, прилагательного и существительного:

Ср.: 1) Besides you had to move *uphill*.

– наречный вариант семемы «в гору».

2) ...the road is *uphill* all the way.

– атрибутивный вариант семемы «в гору».

3) ...on the *uphill* our pace dragged.

– субстантивный вариант семемы «в гору».

– наречия, предлога и глагола:

Ср.: 1) *Don't go too near, mother!*

– наречный вариант семемы «рядом с ЦКр».

2) *I don't think I went near the silver table.*

– предложный вариант семемы «рядом с ЦКр».

3) *At last we neared the scene of excavation.*

– глагольный вариант семемы «рядом с ЦКр».

– наречия, предлога, глагола и прилагательного:

Ср.: 1) *...his mouth moved up at the corners.*

– наречный вариант семемы «в вертикальном направлении от ЦКр».

2) *He ran up the stairs.*

– предложный вариант семемы «в вертикальном направлении от ЦКр».

3) *She upped one end of the plank.*

– глагольный вариант семемы «в вертикальном направлении от ЦКр».

4) *...the path was with a slight up gradient.*

– атрибутивный вариант семемы «в вертикальном направлении от ЦКр».

– наречия, прилагательного, глагола и существительного:

Ср.: 1) *We're going home. Come along!*

– наречный вариант семемы «дома, домой»

2) *In going from home, Fleur had taken most of his heart with her.*

– субстантивный вариант семемы «дома, домой».

Атрибутивный лексико-грамматический вариант данной семемы может быть проиллюстрирован словосочетанием *home economics* (домашнее хозяйство).

Глагольный лексико-грамматический вариант данной семемы может быть проиллюстрирован словосочетанием *to home from Paris* (возвращаться домой из Парижа).

Отметим также, что английские пространственные наречия характеризуются наличием в их семантемах нескольких семем, способных к лексико-грамматической вариантности. Достаточно большое число рассмотренных наречий имеют по две и три семемы с лексико-грамматическими вариантами. Четыре семемы с лексико-грамматическими вариантами наблюдаются в семантеме наречия *under*, пять семем с лексико-грамматическими вариантами имеет наречие *over*, наречие *up* включает в свою семантему 7 семем, про-

являющих лексико-грамматическую вариантность, наречие *round* – девять таких семем.

Как и в русском языке, в английском языке возможны случаи лексико-грамматической полисемии в виде лексико-грамматической вариантности при отсутствии полисемии лексической (отмечены случаи, когда лексико-семантическую вариантность демонстрируют однокоренные в лексическом отношении единицы).

В сфере английских пространственных наречий к единицам такого типа относятся наречия *anigh* (*вблизи*), *leftward(s)* (*влево*), *nearby* (*поблизости*), *rightward(s)* (*вправо*). Все перечисленные наречия являются моносемными, т. е. имеют всего по одной семеме Д1. Эта семема, однако, проявляет способность к варьированию на уровне двух разных частей речи. Такими двумя частями речи могут быть наречие и предлог, как у наречия *anigh*, наречие и прилагательное, как у трех остальных наречий данного типа.

В качестве примера приведем наречие *nearby*. Его денотативная семема Д1 «*неподалеку от ЦКр*» выступает в наречном и атрибутивном вариантах. Наречный лексико-грамматический вариант данной семемы может быть проиллюстрирован предложением: *He worked nearby*. (*Он работал поблизости*), атрибутивный вариант – словосочетанием *the nearby village* (*деревня, расположенная поблизости*).

Изучение полисемии в языках разных типов, каковыми являются русский и английский, показало, что данное явление, как в традиционном лексическом варианте, так и в виде лексико-грамматической полисемии, характерно для обоих языков. Однако, в силу синтетического характера строя русского языка, лексико-грамматическая полисемия развита в нем в меньшей степени. У русских наречий она наблюдается на уровне лишь трех частей речи (предлога, союза и существительного) и развита в основном лишь в виде лексико-грамматической вариантности на уровне наречия и предлога.

В английском языке наречия демонстрируют лексико-грамматическую полисемию на уровне пяти частей речи: предлога, прилагательного, существительного, глагола и междометия. Среди пространственных наречий английского языка широко развита как лексико-грамматическая вариантность, так и лексико-грамматическая полисемия в чистом виде. При этом при лексико-грамматической вариантности наблюдается большое разнообразие частеречных сем, возможны случаи существования трех и четырех лексико-грамматических вариантов одного и того же лексического значения.

Данные анализа пространственных наречий русского и английского языков, полученные по результатам анализа текстов, были проверены по материалам словарных дефиниций методом сплошной выборки из четырехтомного Академического словаря русского языка и Большого англо-русского словаря под редакцией И. Р. Гальперина для всех слов русского и английского языков, демонстрирующих лексико-грамматическую полисемию. Полученные результаты подтвердили наши выводы как об универсальности данного явления, так и о более развитой лексико-грамматической полисемии (как в чистом виде, так и в виде лексико-грамматической вариантности) в сфере английского языка.

3.2. Подлежащность / бесподлежащность и личность / безличность в сопоставительной типологии предложения

Ученые, занимающиеся проблемами типологического анализа предложения, сталкиваются с целым рядом вопросов, ответы на которые следует искать за пределами ситуативно-структурного аспекта его устройства.

Так, в синтаксических работах часто смешиваются такие важнейшие понятия, как носитель признака, семантический субъект, агенс, субъект предложения, носитель признака, подлежащее; семантический объект, пациенс, дополнение и т. д. Эта путаница в терминах является, на наш взгляд, следствием того, что два ряда понятий – семантические актанты и синтаксические позиции – пытаются соотнести напрямую, то есть без учета их взаимодействия с компонентами релятивно-структурного аспекта устройства предложения.

Существование такого промежуточного «слоя» компонентов, весьма специфичного для каждого языка, интуитивно чувствуют многие синтаксисты (отсюда оживленные дискуссии о сущности и языковой природе грамматической перспективы, о границах конверсивности, о диатезах, залогах и т. п.). Однако в большинстве типологических концепций предложения этот слой отдельно от других не описывается, что существенно затрудняет системное сопоставление результатов анализа материала разнотруктурных языков.

Мы исходим здесь из положения о том, что в номинативных языках (в частности, в русском, английском и венгерском) поверхностное оформление актантов семантической структуры предложения осуществляется не только в соответствии с их семантическими ро-

лями, но и с накладываемой на них *категориально-грамматической* рамкой. Значение этой рамки для сопоставительного описания разноструктурных языков очень велико: ее общая организация и национальная специфика самым непосредственным образом сказывается на инвентаре их синтаксических конструкций. Отсюда следует, что взаимодействующие с актантами грамматические категории необходимо подвергнуть специальному всестороннему анализу.

Таким образом, в пределах релятивно-структурного аспекта предметом изучения являются категориально-грамматические характеристики актантов, получаемые ими при занятии информативно-обязательных позиций в синтаксических структурах. Наборы грамматических признаков актантов варьируют от языка к языку, что во многом объясняет специфику их синтаксических систем.

В сопоставляемых языках релятивно-структурный аспект устройства предложения составляют следующие компоненты – функционально-семантические поля:

- 1) подлежащность / бесподлежащность и соотнесенная с ней в русском и венгерском языках категория личности / безличности;
- 2) залоговость;
- 3) определенность / неопределенность (обобщенность) семантических актантов.

Перечисленные категории настолько тесно взаимосвязаны друг с другом, что, говоря об одной из них, невозможно не затрагивать другие. Поэтому при описании семантики и форм каждой категории в отдельности требуется в необходимых пределах проследить и их взаимодействие. С этой целью анализируется *иерархия* языковых средств в категориальном поле: что относится к его грамматическому центру, что передается периферийными лексическими средствами, как взаимодействуют центральные и периферийные компоненты данного поля. На этой основе устанавливаются важнейшие межъязыковые расхождения в рассматриваемой области. Кроме того, при рассмотрении сущности некоторых компонентов невозможно избежать выхода за рамки релятивно-структурного подаспекта.

Ограничимся здесь анализом соотношения подлежажности / бесподлежажности и личности / безличности в русском, английском и венгерском языках.

Прежде всего отметим, что оба ряда традиционных терминов – подлежащность / бесподлежащность и *личность* / *безличность* – не совсем верно отражают существо стоящих за ними грамматических явлений. Кроме того, по-разному соотносясь друг с другом в различ-

ных языках, они имеют неравнозначный вес в типологии их предложений. Остановимся на этом важнейшем вопросе подробнее.

В традиционной грамматике оппозиция *личность / безличность* часто пересекается с двумя сходными по названию, но различными по природе категориями:

одушевленностью (иногда обозначаемой также термином «личность») / неодушевленностью («неличностью») семантического актанта – носителя признака;

категорией личности (персональности).

При этом зачастую в одной работе наблюдается контаминация терминов и понятий всех этих трех рядов. Так, утверждается, что в качестве носителя признака в «безличном» предложении может выступать только «не-лицо». Но этому противоречит существование безличных предложений типа *Ребенку холодно; Мне не спится* и т. п., где носителем признака является «личный» субъект. В «личных» же предложениях, как известно, регулярно используются разного рода «неличные» производители действия (одушевленные и неодушевленные): *Мыши прогрызли пол; Ветер сорвал крышу* и т. д.

Положение еще более осложняет пересечение указанных понятий с компонентами **категории лица** (персональности). Термины «1-е, 2-е и 3-е лицо» используются как для характеристики категориальной принадлежности актантов, так и для обозначения «грамматического лица» признакового компонента (глагола).

Так, говоря о «безличности» таких предложений, как *Пахнет сеном; Машину занесло*, исследователи вступают в противоречие с весьма распространенным пониманием семантики категории лица. Глаголы, стоящие здесь в форме 3-го лица единственного числа (среднего рода), не являются собственно «безличными», поскольку они выражают одно из значений категории персональности – неучастие актанта (в данных примерах – «нелично-го») в ситуации общения.

К «безличным» предложениям относят, в частности, и конструкции типа *Тебе не сидится*, где носителем признака является лицо (т. е. субъект-антропоним), которое характеризуется по линии категории персональности как 2-е лицо (адресат коммуникации), но глагол при этом стоит в безличной форме, которую, однако, определяют как форму 3-го лица! В общем, как справедливо констатировал П. А. Лекант, мы не можем утверждать, что данная категория всесторонне изучена, что все спорные вопросы решены; напротив, их становится больше (Лекант, 1994,7).

Мы предлагаем определять предложение как личное / безличное не по номинативной природе актанта и не по его характеристике в терминах категории персональности, а по форме глагола или связки, которая может быть личной (неопределенно-личной) или безличной.

И вторая пара терминов – *подлежащность / бесподлежащность* – применительно к описанию устройства предложения также служит объектом обоснованной критики. Споры идут прежде всего вокруг соотношения в предложении подлежащности / бесподлежащности, с одной стороны, и личности / определенно-личности / неопределенно-личности / безличности – с другой стороны.

Традиционные определения термина «*подлежащее*» хорошо известны, поэтому мы останавливаться на них здесь не будем; упомянем лишь некоторые более новые его трактовки (Кинэн, 1982; Шахтер, 1982; Нунэн, 1982; Варшавская, 1984; ТФГ, 1992 55, 65; Всеволодова, Дементьева, 1997 52–53).

При этом основная проблема типологии заключается в выяснении специфики и причин существования *бесподлежащих* предложений в системе некоторых языков номинативного строя.

Так, с одной стороны, в русском и венгерском языках простое разбиение предложений на подлежащные / бесподлежащные еще не означает их однозначной типологической характеристики и по линии личности / безличности. В обоих языках представлены конструкции, которые, являясь бесподлежащими по синтаксической структуре, далее противопоставляются друг другу как безличные (*Vechereem; Esteledik*) и неопределенно-личные (*Звонят; Csengetnek*).

С другой стороны, для типологии английского предложения оппозиция подлежащность / бесподлежащность вообще не релевантна, поскольку позиция подлежащего в синтаксической структуре предложения здесь всегда эксплицирована, и все предложения являются, таким образом, подлежащими по структуре.

Эта типологическая черта английского языка коренным образом отличает его от других сопоставляемых языков. Даже в так называемых «безличных» вербальных и адъективных предложениях типа *It was raining; It is cold* обязательную позицию подлежащего занимает компонент *it*, часто определяемый как пустой, формальный. Однако поскольку признаковый компонент в них обычным способом согласуется с грамматическим носителем признака (подлежащим), то с чисто грамматической точки зрения подобные предложения также должны считаться «личными».

При рассмотрении безличности как компонента функционально-семантического поля личности / безличности можно сказать, что в английском языке данное значение выражается не грамматически (как в русском и венгерском языках), а лексически – местоименной формой 3-го лица единственного числа *it*. Таким образом, оппозиция личность / безличность грамматически здесь не выражена. Хотя, как отмечает В. Н. Ярцева, так было не всегда: в древнеанглийском языке безличность была представлена и грамматически специальными безличными конструкциями (Ярцева, 1968, 54).

Имея в виду вышесказанное, за оппозицией подлежащность / бесподлежащность мы закрепляем статус типологического различительного признака языков. По данному признаку противопоставляются:

а) строгого подлежащий английский язык, нормативно не допускающий бесподлежащей структуры предложения;

б) нестрогого подлежащий русский язык, в синтаксической системе которого подлежащие предложения свободно сочетаются с бесподлежащими;

в) венгерский язык, занимающий в этом отношении промежуточную позицию между английским и русским языками.

Соотношение между языками по степени убывания их подлежащности может быть представлено формулой: английский > венгерский > русский.

3. В русском языке категория личности / безличности соотносится с оппозицией подлежащность / бесподлежащность предложения следующим образом.

Как известно, во всех языках номинативного строя, существует универсальный падеж *подлежащего*, не зависящий от типа сказуемого, которое может быть глагольным или именным, выражено формой переходного или непереходного глагола, действительного или страдательного залога. В позиции подлежащего выступает одна и та же форма в именительном (номинативном, основном) падеже, противопоставленная благодаря своей инвариантности всем другим членам падежной парадигмы.

В этих условиях между подлежащим и сказуемым наблюдается особый тип двусторонней зависимости – координация. В русском языке это явление выражено наиболее отчетливо в согласовании формы сказуемого с подлежащим в лице (персональности), числе и в роде. Венгерские русисты даже говорят о единой категории «лица – рода – числа» русского глагола, поскольку она выражается здесь (в отличие от венгерского языка) в единых морфемах и

имеет единое содержание: отражение связи глагола-сказуемого со своим подлежащим (Болла и др., 1977, 363–365). В существовании у глагольного или связочно-именного сказуемого указанных согласовательных форм и заключается, по нашему мнению, его категориальный грамматический признак *личности*.

Коренные причины существования *безличных* конструкций в одних языках и отсутствия их в других служат предметом споров языковедов-синтаксистов, психолингвистов, этнофилософов. Сталкиваясь с разнообразием русских синтаксических конструкций, не имеющих прямых эквивалентов в некоторых других языках, иностранные ученые склонны подчас искать причины этого явления не в самой системе русского языка, а в каких-то специфических культурных традициях, в особенностях менталитета русского народа и в других экстралингвистических факторах.

Так, А. Вежбицкая видит в категории *безличности* некую «неконтролируемость» и «иррациональность» русского менталитета, которая, являясь следствием взгляда на мир как на совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому разумению, определяет «общую пациентивную ориентацию» русского синтаксиса (Вежбицкая, 1996, 55–76).

Однако подобные умозаключения не представляются достаточно обоснованными лингвистически. Исследователи истории славянских, германских, угро-финских и других языков находят *безличные* конструкции и в этих языках в разные периоды их существования, что свидетельствует об общечеловеческих условиях и причинах возникновения данных конструкций. Другое дело, что в процессе изменения грамматических систем конкретных языков сфера *безличности* в одних из них так и не «оторвалась» от подлежащности, т. е. не развилась в специфическую синтаксическую подсистему; в других она, возникнув на определенном этапе, со временем сузилась; в третьих, наоборот, значительно расширилась и продолжает расширяться в настоящее время – (см. об этом: Арутюнова, 1999, 794–795). Аргументированную критику указанной точки зрения А. Вежбицкой (см.: Золотова и др., 1998, 240–241; Тарланов, 1999 5–16).

Грамматическая сущность оппозиции *личность / безличность* в сфере простого предложения заключается, по нашему мнению, в следующем.

Если в синтаксической структуре предложения имеется позиция *подлежащего*, то признаковый компонент согласуется с актантом, находящимся в этой позиции, в числе, роде, лице. Для типологичес-

кой характеристики такого подлежащего предложения может использоваться и не совсем корректный, но широко распространенный термин «личное» предложение.

Если же в синтаксической структуре предложения актант, являющийся носителем признака, имплицирован или представлен формой в косвенном падеже, то *позиция подлежащего* отсутствует. Грамматического согласования признакового компонента с семантическим носителем признака в такой бесподлежащей конструкции, естественно, не происходит, и признаковая форма приобретает определенную (закрепленную в системе языка) «безличную» форму. Такое предложение традиционно (также не вполне терминологично) называется «*безличным*».

В качестве показателя «безличности» в языке фиксируется одна из согласовательных форм признакового компонента. У ограниченной группы русских специализированных безличных глаголов и у многих других глаголов, занимающих в бесподлежащих предложениях признаковую позицию, показатели безличности – это окончания *-ет, -ит, -о*: *Светает; Теплеет; Подморозило*. Русские прилагательные в краткой форме в бесподлежащих предложениях также обладают собственным формальным показателем – безличным окончанием *-о*: *Холодно; Мне тепло*. То же явление наблюдается и в бесподлежащих предложениях с пассивным причастием типа *Закрыто; У меня убрано*. В предложениях с прилагательными и причастиями показатель безличности может дублироваться: используется соответствующее окончание признакового компонента *-о* и окончание связки *-ет, -ит, -о*: *Было холодно; У меня было убрано*.

4. Предлагаемое понимание безличности и бесподлежащности конструкции в сочетании с предложенными ранее классификационными принципами позволяет более дифференцированно квалифицировать структурно и семантически разнородные модели, традиционно объединяемые под рубрикой «безличные предложения».

А. Одноактантные безличные предложения.

1) В русском и венгерском языках в системе глагола безличность представлена особой лексико-грамматической группой слов, обозначающих явления природы, которые не имеют личных форм, типа *Вечереет – Esteledik*.

Семантика таких безличных глаголов включает в себя номинацию производителя действия (или носителя процессуального состояния), что делает экспликацию соответствующего актанта излишней. Как отмечает А. Н. Баландин, древние мифы обско-угорских народов донес-

ли до нас «скрытый» субъект в том виде, в каком он реально существовал в мышлении далеких предков современных манси и ханты. Это – *торэм «небо»*, которое воплощало в себе могучие силы природы: *Торум хоталали ос этими «Небо рассветает и темнеет»* (Баландин, 1967, 303–304). Ср. венгерские предложения типа *Villamlik*, в которых у «иковых» глаголов в окончании 3-го лица единственного числа дано подлежащее, а в предложениях типа *Fagy; Mennydörög* на подлежащее указывает отсутствие личного окончания. О возможности «семантической инкорпорации» в содержание безличного предиката его субъектного аргумента см. также: Пупынин, 1992 49.

В английском языке используются такие же «самодостаточные» глаголы, поэтому семантический актант также не эксплицируется специальной словоформой. Лексически пустая форма *it* служит здесь только для представления позиции подлежащего, что придает предложению статус подлежащего, т. е. грамматически *личного*: *It is snowing*. Во многих случаях используется также адъективная конструкция с глагольной формой *to get*: *It is getting dark*.

2) В оппозиции личность / безличность отражаются способы, при помощи которых говорящий имеет возможность по-разному характеризовать в предложении семантический актант – носитель признака:

а) в личных предложениях семантический носитель признака выступает и как грамматический носитель данного признака – подлежащее предложения; тем самым грамматически *подчеркивается* его роль производителя признака или носителя состояния в передаваемой ситуации;

б) в безличных предложениях семантический носитель признака выступает в косвенном падеже уже не как его грамматический носитель (подлежащее), а как второстепенный компонент синтаксической структуры предложения – дополнение; тем самым его роль в передаваемой ситуации грамматически как бы ослабляется, затушевывается.

Таким образом, в русском языке в отличие от синтаксически более «прямолинейного» английского языка часто имеется возможность выбора личной или безличной конструкции для выражения одной и той же семантической структуры.

Ср., например: *Вчера он не спал – Вчера ему не спалось*.

В личном предложении субъект предстает как более «нейтральный» производитель действия – не спал, потому что не хотел или не мог в силу каких-то внешних причин. В безличном предложении за счет прибавления к глаголу постфикса *-ся* (одна из функций этой поистине полифункциональной формы!) субъект полу-

чает своеобразную характеристику: не мог спать из-за каких то неназванных причин. Субъектом здесь всегда является одушевленный предмет, так как для неодушевленных предметов, по своей сущности лишенных волевого начала, такая «деактивизация» невозможна, и это именно грамматический запрет, поскольку семантическая сочетаемость многих глаголов гораздо шире (см. об этом также: Булыгина, 1980, 341–343).

Присоединение к глаголу постфикса -ся изменяет грамматическую семантику субъектного актанта, трансформируя его из именительной формы носителя грамматического признака в дательную форму дополнения. Глагол же, лишившись согласовательной именной позиции – подлежащего – приобретает безличную форму.

В английском и венгерском языках вследствие отсутствия в их синтаксических системах эквивалентных безличных конструкций для передачи подобных значений используются личные предложения с модальными глаголами: *Вчера ему не спалось* а *Yesterday he could not sleep* – *Tegnap (ő) nem tudott aludni*.

Ср. также: *Сегодня мне не работается* – *I can't work today* – *Ma nincs kedvem dolgozni*.

3) Предложения с глаголами, не имеющими личных форм, типа *Меня знобит*; *В горле першило*.

Таковыми предложениями передается процессуальное состояние субъекта-антропони́ма или его неотчуждаемой части, вызванное воздействием эксплицитной или имплицитной причины, ср.: *Меня знобит от высокой температуры*; *В горле першило от дыма*.

4) Отсутствием позиции подлежащего объясняется и безличность русских нумеративных предложений типа *Солдат было пятеро*.

В английском и венгерском языках русским безличным предложениям различных типов соответствуют личные вербальные предложения или предложения других частеречных типов, например: *Меня тошнит* – *I feel sick* – *Kavarog a gyomrom*; *В голове шумело* – *His head was dizzy* – *Zúgott a feje*; *Из дома повеяло сыростью* – *The hut smells of dampness* – *A kunyhóból nedvesség szaga csapott meg*.

Б. Дваактантные безличные предложения.

1) Русские дваактантные вербальные бесподлежащные предложения могут быть двух типов: «личного» (неопределенно-личного): *По крыше застучали*; «безличного» (неопределенно-безличного): *По крыше застучало*.

2) Безличность русского предложения, как известно, непосредственным образом связана с категорией утвердительности / отрица-

тельности. В предложениях локализации отрицание глагольного признака (так называемое общее отрицание) вызывает замену формы именительного падежа субъекта или объекта (подлежащего) утвердительного предложения формой родительного падежа, что влечет за собой обезличивание конструкции.

Предложения с чередованием падежных форм субъекта: *Моя дочь сейчас в университете а Моей дочери сейчас нет в университете; Привидения существуют а Приведений не существует.*

Окказионально отмечается в предложениях с отрицанием и дублетность личной / безличной конструкций, например: *На небе не сияла ни одна звезда – На небе не сияло ни одной звезды.*

Такое же обезличивание наблюдается в сфере посессивных предложений, где чередуются падежные формы семантического объекта: *У них есть дети а У них нет детей; Еда была а Еды не было* (Д. Гранин);

Другой выход у нее был а Другого выхода у нее не было (Д. Гранин).

В других сопоставляемых языках категория утвердительности / отрицательности подобным образом не проявляется. Ср.: В квартире есть центральное отопление – *The flat is centrally heated – A lakás központi fűtéses*; Горячей воды нет – *There is no hot water – Nincs meleg víz*; У меня есть кое-какие деньги – *I have some money – Van pénz*; У меня с собой денег нет – *I have no money on me – Nincs nálam pénz.*

Дублетность личной / безличной форм предложений с отрицанием наблюдается и среди русских предложений других типов:

пассивных вербальных: *Отлучки в город не разрешались / Отлучек в город не разрешалось; Никакие сплетни не собирались / Никаких сплетен не собиралось;*

партиципальных: *Никакой отзыв так и не был написан / Никакого отзыва так и не было написано;*

адъективных: *Следы не видны / Следов не видно.*

3) Безличные предложения с возвратно-безличными глаголами типа *На даче хорошо пишется; Вчера мне не работалось*; двуктантная безличная конструкция типа *Пулей пробило окно* и партиципальное безличное предложение типа *За доктором было послано* представляют собой сложный продукт взаимодействия категорий личности / безличности, залога и определенности / неопределенности актантов. Поэтому их анализ должен производиться в тесной связи с категориями залога и определенности / неопределенности актантов (см. об этом: Копров, 2000, 71–88).

Итак, грамматическая категория личности / безличности выступает как компонент, во многом определяющий своеобразие устройства и функционирования простого предложения в разноструктурных языках.

Подводя итог, отметим, что материал второй главы показывает – существует много способов и приемов через изучение системы языка и языкового сознания проникнуть в концептосферу говорящего (пишущего) человека и понять некоторые особенности национальной картины мира. Наиболее разработаны такие приемы и методы на материале лексики. Очень хорошо демонстрирует лексика процессы формирования концептов и подыскивания для них однословных номинаций; процессы расширения и все более и более глубокого осмысления концептуальных признаков, их движение от конкретных к абстрактным слоям в процессе формирования концепта.

Становится очевидно, как по-разному структурируются одноименные лексико-семантические группы в разных языках – вследствие того, что разные народы принимают за основу классификации концептуальных смыслов разные когнитивные классификаторы.

Очевидна и национальная специфика грамматических значений, на основе которых формируются грамматические категории разных языков, тем более, что эта специфика зафиксирована морфологическими средствами и синтаксическими структурами.

Показано, что национальная специфика концептосферы может быть проанализирована и выявлена через анализ языковой картины мира, зафиксированной в национальной специфике языковых систем разных языков.

Литература к главе II

1. *Collins Cobuild English Language Dictionary*. London and Glasgow, 1990.
2. *Longman Dictionary of English Language and Culture*. Addison Wesley Longman, 1998.
3. *Pearson H. Humour // The English Genius. A Survey of the English Achievement And Character*. L., 1938.
4. *Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language*. N. Y., 1989.
5. *Абаев В. И. О подаче омонимов в словаре // Вопросы языкознания, № 3, 1957.*
6. *Англо-русский синонимический словарь*. М., 2000.
7. *Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка*. М., 1974.
8. *Апресян Ю. Д. Проблема фактивности: знать и его синонимы // Вопросы языкознания, № 4, 1995.*

9. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999.
10. Баландин А. Н. Обско-угорские конструкции глагольного предложения со «скрытым субъектом» // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967.
11. Беловинский Л. В. Российский историко-бытовой словарь. М., 1999.
12. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Тамбов, 2000.
13. Болла К., Палл Э., Папп Ф. Курс современного русского языка. Будапешт, 1977.
14. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998.
15. Борискина О. О. Криптоклассы первостихий как элемент прогностического описания языка // Проблемы лингвистической прогностики. Воронеж, 2000.
16. Булыгина Т. В. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М., 1980.
17. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Ментальные предикаты в аспекте аспектиологии // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989.
18. Варшавская А. И. Смысловые отношения в структуре языка. Л., 1984.
19. Вахтель Н. М., Фридман Ж. И. Морально-нравственная лексика в русском языковом сознании // Язык и национальная культура. Вып. 3. Воронеж, 2002.
20. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
21. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
22. Воркачев С. Г. «Первая из всех страстей»: адмиративная оценка и средства ее выражения в испанском языке. – Изв. РАН – СЛЯ – 1992 – №2.
23. Всеволодова М. В., Дементьева О. Ю. Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложений. М., 1997.
24. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков). М., 1977.
25. Гачев Г. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М., 1995.
26. Голан А. Миф и символ. М., 1993.
27. Гуревич А. Я. Категория средневековой культуры. М., 1984.
28. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1994.
29. Жирмунский В. М. О границах слова // Вопросы языкознания, № 3, 1961.
30. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
31. История английской литературы. Т. 1. М.; Л., 1945.
32. Карасик А. В. Лингвистические характеристики юмора // Языковая личность: Проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. Волгоград, 1999. – С. 200–209.
33. Кете Р. Загадочные явления. М., 1998; см. также: Пионер, 1988., № 5.
34. Кинэн Э. Л. К универсальному определению подлежащего // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI.: Современные синтаксические теории в американской лингвистике. М., 1982.

35. Копров В. Ю. Сопоставительная типология предложения. Воронеж, 2000.
36. Копыленко М. М., Попова З. Д. Очерки по общей фразеологии. Воронеж, 1972; 1978; 1989.
37. Кретов А. А. Съедобное и несъедобное, или криптоклассы русских существительных // *Linguistica Silesiane*. № 14. 1992.
38. Кубрякова Е. С. Глаголы действия через когнитивные характеристики // *Логический анализ языка: Модели действия*. М., 1992.
39. Кубрякова Е. С. Концептуализация // Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
40. Кубрякова Е. С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы). – Изв. РАН –СЛЯ – 1997. Т. 56. № 3.
41. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. М., 1989.
42. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 23. М., 1988.
43. Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М., 1974.
44. Мальцева Д. Г. Страноведение через фразеологизмы. М., 1991.
45. Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. М., 1991.
46. Наер В. Л. Продукционные стратегии текстовой реализации категории комического // Сб. науч. тр. Моск. гос. лингв. ун-та. Вып. 339. Стилистические стратегии текстообразования. М., 1992.
47. Некрасова Е. А. Неосуществлённый замысел 1920-х годов создания Symbolarium'a (Словаря символов) и его первый выпуск «Точка» // *Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1982*. Л., 1984.
48. Нунэн М. О подлежащих и топиках // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XI. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. М., 1982.
49. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1973.
50. Панкина М. Ф. Семантические механизмы сочетающихся лексем (на материале сочетаемости глаголов самостоятельного перемещения в русском и немецком языках): Дис. ...канд. филол. наук. Воронеж, 1990.
51. Панкина М. Ф. Субъектная сочетаемость русских и немецких глаголов самостоятельного перемещения / *Очерки по русско-немецкой контрастивной лингвистике: лексика, синтаксис*. Воронеж, 1995.
52. Панкина М. Ф., Попова З. Д. Типы семантической сочетаемости русских глаголов самостоятельного перемещения / *Семантика языковых единиц*. Ч. 2. М., 1993.
53. Петров В. В. Семантика научных терминов. Новосибирск, 1987.
54. Попова З. Д. Семантическое пространство языка как категория когнитивной лингвистики // *Вестник Воронежского госуниверситета. Сер. 1. Гуманитарные науки*. № 2, 1996.
55. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.
56. Пупынин Ю. А. Безличный предикат и субъектно-объектные отношения в русском языке // *Вопросы языкознания*, 1992, № 1.

57. Раевская Е. В. Семантическая и грамматическая полифункциональность единиц на -ing в английском языке // Сопоставительное изучение семантической динамики. М., 1986.

58. Рейд С., Фара П. История открытий: Энциклопедия. М., 1998.

59. Сапего И. Г. Предмет и форма. Роль восприятия материальной среды художников в создании пластической формы. М., 1984.

60. Селезнев М. Г. Вера сквозь призму языка // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.

61. *Словарь русского языка*: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1994.

62. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.

63. Стернин И. А. Национальная специфика мышления и проблема лакунарности // Связи языковых единиц в системе и реализации. Тамбов, 1998.

64. Тарланов З. К. Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилософии. Петрозаводск, 1999.

65. *Теория функциональной грамматики*. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. СПб., 1992.

66. Тихонов А. Н. Части речи – лексико-грамматические разряды слов / Вопросы теории частей речи. Л., 1968.

67. Тютин В. С. Категории «форма» и «содержание» и их структурный анализ. // Вопросы философии. 1971. № 10.

68. Успенский Л. В. Слово о словах. Ты и твоё имя. Л., 1962.

69. *Фразеологический словарь русского языка* / Под ред. А. И. Молоткова. М., 1978.

70. Хазимуллина Е. Е. Типы мотивированности языковых единиц (на материале русского и некоторых других языков): Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2000.

71. Хаустова Э. Д. Когнитивные классификаторы в семантическом пространстве языка (на материале лексико-семантического поля «фрукты и овощи» в русском и английском языках): Дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1999.

72. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М., 1994.

73. Шахтер П. Ролевые и референциальные свойства подлежащих // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI: Современные синтаксические теории в американской лингвистике. М., 1982.

74. Шестаков В. П. Английский акцент. Английское искусство и национальный характер. М., 1999.

75. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.

76. Шмелев А. Д. Хоть знаю, да не верю // Логический анализ языка. Металые действия. М., 1993.

77. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

78. Ярошевский М. Г. История психологии. М., 1985.

79. Ярцева В. Н. Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка // Исследования по общей теории грамматики. М., 1968.

Лакунарность, безэквивалентность и национальная концептосфера

1. Лакуны и безэквивалентные единицы в лексической системе языка (З. Д. Попова, И. А. Стернин, М. А. Стернина)

2. Внутриязыковые лакуны и национальная концептосфера (Г. В. Быкова, И. А. Стернин)

3. Межъязыковые лакуны и национальная концептосфера (М. А. Стернина, А. А. Махонина)

Литература к главе III

1. Лакуны и безэквивалентные единицы в лексической системе языка

Национальная специфика концептосферы того или иного народа проявляется в двух основных аспектах: национальные различия в содержании близких концептов у разных народов и наличие несовпадающих (сугубо национальных) концептов в концептосфере народов.

В близких концептах разных культур национальная специфика проявляется в том, что сопоставимые концепты оказываются неполностью совпадающими по своему содержанию, причем именно несовпадения могут быть очень существенны для межкультурной коммуникации. Показательны следующие примеры:

«Солнце по-русски – это совсем не то, что *куёш* по-узбекски, и уж совсем не то, что *офтоб* по-таджикски. В какие отношения – дружелюбные или тягостные – человек вступил с небесным светилом, так их и выразил язык и произнес. Ведь узбек, живущий большую часть года под его палящими лучами, никогда не скажет ласково-уменьшительное «солнышко», так же как и у русского нет ощущения того, что солнце может быть не только плодотворным и землеобновляющим, но и враждебным. Зато к луне, этому ночному светилу, несущему прохладу и умиротворение, у узбека совсем иное отношение – все красивое и желанное он называет «луноликим», «луноподобным», да с такой интонацией, что для русского слуха это может показаться по меньшей мере вычурным» (Т. Пулатов. Язык, автор, жизнь. Лит. обозрение, 1976, № 8, 109).

«Затрудняюсь объяснить русскому читателю, что такое «ртвели». Если очень коротко, то это несколько недель в сентябре-октябре, когда в виноградарских деревнях Грузии собирают и перерабатывают урожай. Одни называют «ртвели» работой, другие – праздником, но, наверно, это и то, и другое. Короче и проще объяснить не могу, боюсь, так разольюсь в описаниях, что и о главном, пожалуй, не скажу.

...Как объяснить, что такое грузинская деревня без «ртвели»? Но прежде – как объяснить «ртвели»? Сказать, что это пора сбора винограда, работа от зари до зари, а ночью – костер, отблеск пламени на человеческих лицах, искры в крошечной темени вина, уставшая за день долина выдыхает жар, посеребренные ранним октябрьским снегом горы струят неземной свет на виноградники.

Зачем тебе «ртвели»?...Тебе нужна прозрачная ясность этой поры, та ее неизбежная ясность, в которой всегда зрим итог пути. Тебе нужен самый воздух этого времени, растворенное в нем чувство... блага жизни, осознание ее смысла и цели. И сильнее, чем когда-либо, ощущаешь, что и сам принадлежишь этой земле.

В эту пору грузинской жизни, когда даль прояснена до конца, когда открыты связи между земным и возвышенным, зримым и потаенным, личным и общинным, скоротечным и вечным, лишь тот несчастлив, кто отстранен от праздника неистовой работы» (Т. Мамаладзе. Несокрушимый Давид? Литературная газета, 1982, 24 марта).

Солнце, луна, пора сбора винограда – эти концепты есть в русской, узбекской и грузинской культурах, но их содержание национально специфично.

Однако наиболее ярко национальная специфика концептосфер народов проявляется в *наличии или отсутствии концептов*.

О наличии национально-специфического концепта у того или иного народа, как и об отсутствии концепта в концептосфере определенного народа можно судить по имеющимся в сравниваемых языках безэквивалентным единицам и лакунам. Обнаружение национально-специфических единиц и, следовательно, национально-специфических концептов становится возможным в рамках контрастивной лингвистики.

Безэквивалентная единица – единица, имеющаяся в одном языке и отсутствующая в другом. Другой термин – *эндемичная единица* (от биол. эндемичный – «произрастающий, имеющий распространение только в данной местности»).

Лакуна – это отсутствие единицы в одном языке при ее наличии в другом.

Безэквивалентные единицы и лакуны всегда выявляются «в парах»: если в одном языке есть лакуна, то в сопоставляемом языке – безэквивалентная единица и наоборот.

Например, в китайском языке есть слово со значением «нулевая еда» (семечки, орешки и под.); для русского языка это лакуна, а для китайцев – безэквивалентная единица на фоне русского языка.

Лакуны бывают нескольких типов.

- *Предметные и абстрактные* (по степени абстрактности содержания).

Предметные лакуны отражают отсутствие материального, физического, чувственно воспринимаемого предмета или явления, артефакта или натурфакта. *Абстрактные лакуны* отражают отсутствие абстрактного понятия, мыслительной категории, ментофакта. Например, квас – предметная лакуна для английского языка, *смекалка* – абстрактная.

- *Родовые и видовые* (по парадигматической характеристике, месту в языковых парадигмах).

Родовые лакуны отражают отсутствие общего наименования для класса предметов, *видовые* – отсутствие конкретных наименований, наименований отдельных разновидностей предметов или явлений.

Например, в русском языке нет общего наименования для дедушки и бабушки, а в англ. и нем. языках такие наименования есть: англ. grandparents, нем. Grosseltern. Это родовая лакуна для русского языка. С другой стороны, в рус. языке нет дифференцированных однословных обозначений для наручных и настольных часов – это видовые лакуны для русского языка (ср. англ. watch, clock). Англичане лексически не дифференцируют *мыть* и *стирать* – это видовые лакуны для английского языка, в английском языке есть лишь обобщающее слово wash.

- *Межъязыковые и внутриязыковые* (по системно-языковой принадлежности).

Межъязыковые лакуны выявляются при сопоставлении разных языков: если в одном из них не обнаруживается лексического эквивалента какой-либо единице другого языка, то можно говорить о существовании в нем лакуны. *Внутриязыковые лакуны* обнаруживаются внутри парадигм одного языка – например, отсутствие слова с противоположным значением, отсутствие единицы с определенной стилистической отнесенностью, отсутствие какой-либо морфологической формы слова и др.

- *Мотивированные и немотивированные* (по внеязыковой обусловленности).

Мотивированные лакуны – это лакуны, которые объясняются отсутствием соответствующего предмета или явления в национальной культуре (*лапти, щи, матрешка, балалайка, винегрет, квас, погреб, беспризорник, тамада, форточка* в западноевропейских языках).

Немотивированные лакуны не могут быть объяснены отсутствием явления или предмета – соответствующие предметы и явления в культуре есть, а слов, их обозначающих, нет (*сутки, кипятток, поземка, сухомятка, смекалистый, сухостой, именинник, аврал, облокотиться, однофамилец, здоровяк* в западноевропейских языках).

- *Номинативные и стилистические* (по типу номинации).

Номинативные лакуны – лакуны, отражающие отсутствие номинации денотата. Может отсутствовать номинация предмета вообще, а может отсутствовать его эмоциональная или оценочная номинация. *Стилистические лакуны* – отсутствие слова с определенной стилистической характеристикой, это чисто языковая характеристика лакуны. Например, в русском языке нет стилистически нейтрального обозначения полового акта, актов дефекации и мочеиспускания. Литературные и даже разговорные наименования данных денотатов – стилистические лакуны, что ведет к компенсации лакун различными эвфемизмами.

- *Частеречные лакуны* (по принадлежности лакуны к определенной части речи)

В языке может быть глагол, но при этом может не быть от него однокоренного существительного и т. д. Например, русско-английская частеречная лакуна – «бурно аплодировать, одобряя что-либо» -ср. англ. acclaim. Глагола в русском языке нет, но есть существительное с данным значением – *орация*. Таким образом, при определении того, есть ли в концептосфере русского языка соответствующий концепт, на основании только обнаружения глагольной лакуны вывод об отсутствии концепта, строго говоря, делать нельзя – концепт имеет другую частеречную вербализацию, что может быть связано с собственно языковыми, коммуникативными, но не ментальными причинами. При этом о глагольных, субстантивных, наречных, атрибутивных лакунах говорить, разумеется можно, и можно их изучать.

Основным методом выявления межъязыковых лакун является сопоставление семантически близких лексических единиц разных языковых систем и подсистем для выявления того, существует ли эквивалентный перевод этих единиц на другой язык или нет. При

отсутствии в каком-либо языке переводного эквивалента тому или иному слову другого языка в первом языке фиксируется лакуна.

Лакуны выявляются прежде всего по двуязычным переводным словарям. «Сигналами» возможной лакунарности лексической единицы (слова, устойчивого сочетания, ФЕ) являются:

- развернутая объяснительная дефиниция слова в переводном словаре (возможно примечание – «в России», «в США», «в Великобритании» и под.);

- объяснение слова в переводном словаре через перечислительный или синонимический ряд.

Межъязыковые лакуны обнаруживаются также в процессе непосредственной межкультурной коммуникации – носитель того или иного языка сталкивается с тем, что в изучаемом языке нет слова для обозначения того или иного явления, обозначенного в его родном языке, возникает недоумение – как это, у немцев нет, что ли, слова *добрый*?

В иноязычной среде можно выявить и лакуны в собственном языке, познакомившись с предметами или явлениями чужой действительности, номинированными в данной культуре, но не обозначенными в нашем родном языке. Так, находясь в англоязычной стране, русский с удивлением узнает из словоупотребления носителей английского языка, что у них обозначен особым словом силуэт зданий на фоне неба (*skyline*), понимая, что в русском языке это никак не обозначено.

Методами выявления внутриязыковых лакун являются:

- системный анализ лексико-фразеологических парадигм языка (ЛСГ, лексических полей, антонимических отношений, словобразовательных парадигм – например, *молодожены* есть а *старожен-нов нет, единицы со значением «говорить неправду» в русском языке есть – лгать, обманывать, брехать, заливать, надувать и др., а единицы со значением «говорить правду» нет; слово «пылесосил» есть, а форм будущего и настоящего времени 1 лица единственного числа настоящего времени нет и т. д);

- сопоставление литературного языка с другими формами существования языка (социальными и территориальными) – в диалектах, в жаргоне и т. д. слово может существовать, а в литературном языке отсутствовать;

- анализ стилистических парадигм языка – в синонимических рядах могут отсутствовать единицы определенных стилистических рядов, в таком случае говорят о стилистических лакунах;

анализ коммуникативных (номинативных) затруднений носителей языка («ну как это назвать – вот эту штуку...»);

анализ детской речи (дети образуют слова, которых нет в нормативном литературном языке – *ножить хлеб, я *задверил пальто и др., мой папа *выключатель, он тебя выключит из детского сада и т. д.).

Обратим внимание, что за исключением анализа коммуникативных затруднений (кстати, наиболее трудоемкого метода выявления лакун), все остальные методы носят контрастивный характер, основаны на сопоставлении. Наиболее надежный способ обнаружения лакун – именно контрастивное исследование.

При описании лексических лакун встает терминологический вопрос: как описывать содержание лакуны? Лакуна – это отсутствие лексической единицы, но как описать это «пустое место» в языке с точки зрения содержания того, что не названо (поскольку именно содержание того, что не нашло вербализации в языке, интересует когнитивную лингвистику)?

Предлагается следующая форма описания.

Лакуны выявляются через сопоставление с единицами других языков и лексических подсистем. В соответствующем фоновом языке или фоновой подсистеме языка данное слово присутствует в единстве звучания (лексемы) и значения. В описываемом языке данное слово отсутствует как единица лексической системы этого языка. Это означает, что в семантическом пространстве данного языка нет соответствующей семемы, которая, однако, представлена в конкретном семном составе в другой, фоновой лексической системе или подсистеме. Поэтому лакуну в исследуемой лексической системе можно описать следующим образом:

устанавливается лакуна в одном из языков на фоне другого, определяется значение (семный состав) языковой единицы фонового языка (то есть той единицы, на фоне которой выявлена лакуна в исследуемом языке);

данное значение в семной формулировке (как семная дефиниция значения) используется для описания содержания лакуны в исследуемом языке.

Например, в английском языке выявлена безэквивалентная единица *afterthought*, для которой нет перевода в русском языке. Далее определяется значение этой единицы: *«мысль, пришедшая позднее, после произошедшего события»*. Данное определение и используется для описания содержания лакуны в русской лексической систе-

ме: указывается содержание лакуны и обязательно приводится фоновая единица языка сопоставления, послужившая основой обнаружения лакуны. Кроме того, при описании лакуны должно указываться, на фоне какого языка она выявлена. К примеру, русско-английская лакуна – это лакуна в русском языке, выявленная на фоне английского языка, а англо-русская лакуна, соответственно, это лакуна в английском языке, обнаружившаяся на фоне русского языка. Фоновая единица приводится для сравнения на языке оригинала как доказательство существования данной языковой единицы в одной из языковых систем или подсистем.

Приведем примеры описаний лакун, выполненных по приведенным выше правилам.

Русско-английские лакуны

мысль, пришедшая позднее, после произошедшего события – ср. англ. *afterthought*.

подойти и заговорить – ср. англ. *accost*;

спускаться с крутизны на веревке – ср. англ. *abseil*;

отнестись благосклонно – ср. англ. *accept*;

бурно аплодировать, шумно приветствовать – ср. англ. *acclaim*;

выжженный солнцем – ср. англ. *adust*;

воздействие солнца, ветра, воды – ср. англ. *exposure*;

силуэт города на фоне неба – ср. англ. *skyline*.

Русско-немецкие лакуны

готовый помочь – ср. нем. *Hilfsbereit* ;

картонная подставка под пивную кружку – ср. нем. *Bierdeckel*;

дети одних родителей – ср. нем. *Geschwister*;

идти на высоких каблуках, постукивая ими – ср. нем. *Stocken*;

одноразовая супружеская измена – ср. нем. *Seitensprung*;

учебный текст, предварительно написанный учителем на классной доске – ср. нем. *Tafelbild* и т. д.

Англо-русские, немецко-русские лакуны

промежуток времени, включающий день и ночь – ср. рус. *сутки*;
только что вскипевшая или кипящая в настоящий момент вода – ср. рус. *кипяток*;

выделяться издали высотой – ср. рус. *маячить*;

человек, потерявший дом и имущество в результате пожара – ср. рус. *погорелец* и т. д.

Внутриязыковые лакуны описываются путем прямого описания предмета или явления. Например, в русском языке выявляются такие внутриязыковые лакуны как *говорить правду; полоска льда на асфальте для катания зимой; супруги, уже много лет состоящие в браке* и т. д.

Необходимо отметить, что соотношение лакун, безэквивалентных единиц и национальных концептов далеко не такое простое и однозначное, как может показаться на первый взгляд. Дело в том, что отсутствие в том или ином языке определенного слова (лакуна) не всегда свидетельствует об отсутствии в концептосфере этого народа соответствующего концепта: вспомним, что слова используются для номинации концептов, необходимых для обмена информацией, то есть слова – обозначение только коммуникативно релевантных, коммуникативно «активных» концептов, имеющих ценность для национальной концептосферы.

Так, китайский концепт *нулевая еда* в русской концептосфере несомненно есть – мы понимаем, что такая еда есть, что это не настоящая еда, говорим иногда о такой еде «Разве это еда?», но в русском языке нет специальной языковой единицы для ее обозначения, а китайцы этот концепт обозначили – *lingshi*. В русском литературном языке нет слова для обозначения полоски льда на тротуаре, используемой детьми для того, чтобы прокатиться, но соответствующий концепт в русской концептосфере есть. В русском сознании есть концепт *живое существо, которое держат дома для забавы*, но нет специального слова для обозначения этого концепта (ср. англ. *pet*). В немецком, английском, французском языках нет слов, соответствующих русскому *сутки, кипятток*, хотя соответствующие концепты, несомненно, есть в сознании немецкого, английского и французского народов. В немецком сознании, несомненно, есть концепт *добрый*, хотя слова с таким значением в немецком языке нет.

Однако, по-видимому, нельзя говорить о наличии в русской национальной концептосфере таких концептов как *вечер пятницы, суббота и воскресенье* (ср. англ. *weekend*), *период времени длительностью две недели* (ср. англ. *fortnight*), *подойти и заговорить* (ср. англ. *accost*), *период времени, начинающийся после окончания рабочего дня* (ср. нем. *Feierabend*), *часть какого-либо предмета, свисающая с чего-либо* (ср. англ. *flap*). Несмотря на то что данные явления и предметы в материальной культуре есть, сознание народа это явление или предмет не концептуализировало, то есть не образовало соответствующего концепта. Это значит, что сознание наро-

да данный предмет или явление «не замечает»; причины этого требуют особого исследования.

При анализе межъязыковых лакун выявляется довольно тонкая грань между лакуной (отсутствием единицы) и наличием неполного лексического соответствия иноязычному слову (в последнем случае возможен тот или иной приблизительный перевод, не в полном объеме передающий смысловое содержание иноязычной единицы, но в то же время передающий определенную часть ее основного смыслового содержания). Наличие подобных единиц – проявление национальной специфики семантики языков (см. выше, глава 2, раздел 1. 1), и такие единицы должны быть отграничены от лакун, хотя это не всегда легко сделать. Примерами могут служить рус. «автолюбитель» и англ. *driver*, нем. *Fahrer* (водитель) – вопрос, лакуна ли *автолюбитель* для немецкого и английского языков, или в этом случае выявляются межъязыковые лексические соответствия, обнаруживающие национальную специфику семантики, нуждается в дополнительном изучении.

Другой пример – уже рассматривавшиеся нами выше межъязыковые соответствия: нем. *Mädchen*, англ. *girl*, рус. девушка, девочка. Немецкое и английское слова имеют одинаковое значение: «лицо женского пола от рождения до замужества», в то время как русские слова имеют более конкретные значения: девочка – «лицо женского пола от рождения до достижения половой зрелости»; девушка – «лицо женского пола от достижения половой зрелости до замужества». Можно ли считать, что в русском языке есть лакуна «лицо женского пола от рождения до замужества» или следует говорить о том, что русские слова *девочка*, *девушка* имеют национальную специфику семантики относительно их немецкого и английского соответствий? Можно ли считать, что в английском и немецком языках на фоне русского языка выделяются лакуны «лицо женского пола от рождения до достижения половой зрелости», «лицо женского пола от достижения половой зрелости до замужества»? Этот вопрос также требует дополнительного изучения.

Вопрос упирается в теоретическое разграничение понятий *эквивалент* и *соответствие* (см. выше, глава 2, раздел 1. 1). По-видимому, лакуны можно выделять в тех случаях, когда в языковой системе отсутствует эквивалент какой-либо единице другого языка, а наличие переводного соответствия будет свидетельствовать о наличии национальной специфики семантики у сопоставляемых единиц. Вместе с тем наличие близких соответствий затрудняет выделение эквивалентов; этот вопрос требует дополнительной разработки.

Лакуна, к примеру, может обнаружиться в литературном языке, но в групповом или индивидуальном сознании она может быть заполнена. В таком случае концепт носит групповой характер, он номинирован внутри этой группы людей, но языковая единица неизвестна широкому кругу носителей языка.

Возможно также наличие в сознании отдельных людей или групп людей определенных концептов, свойственных концептосфере других народов (ср. западное понимание демократии, прав личности, закона и мн. др. в сознании ряда российских политических деятелей и сторонников либеральных политических взглядов, но не в сознании рядового российского гражданина).

Отметим также, что в процессе размышления над межъязыковыми лакунами соответствующий концепт возникает в сознании исследователя, но его нельзя считать общенациональным.

Мы в данной работе обсуждаем проблему общенациональных лакун, выявляющихся в литературном языке, и проблему общенациональных концептов.

Таким образом, выявив в том или ином языке на фоне другого языка (или внутри языка) некоторые лакуны, мы не можем на этом основании однозначно утверждать, что у этого народа нет в концептосфере соответствующего концепта: необходимо дополнительно тщательно проанализировать предметную, мыслительную и коммуникативную сферы народа, чтобы в этом убедиться. Вместе с тем, любая лакуна – сигнал для исследователя о возможном отсутствии концепта у народа, и все такие «сигналы» необходимо тщательно проверять.

В случаях с предметными мотивированными лакунами, отражающими отсутствие материального, физического предмета или явления, артефакта, можно с уверенностью утверждать, что в этом случае лакуна сигнализирует об отсутствии концепта в концептосфере народа, в языке которого мотивированная лакуна выявлена – у англичан нет концептов *квас*, *винегрет*, *лапти* и под. – они просто не знают, что это такое, не представляют, что такое в принципе возможно. Однако в случае с лакунами, отражающими абстрактные понятия, ментофакты, уже гораздо труднее – ср. рус. слово *духовность*, которое представлено лакунами в основных европейских языках: можно ли утверждать, что духовность как явление отсутствует у народов Запада, поэтому данная лакуна мотивированная, и необходимо признать отсутствие концепта *духовность* в сознании западноев-

ропейцев? Или это все же немотивированная лакуна и соответствующий концепт у них есть?

Вопрос об отсутствии концептов в случае выявления немотивированных лакун не может быть решен однозначно – каждый случай требует анализа.

Отношения концепта и немотивированной лакуны внутри языка осложняются случаями наличия в семантической системе языка своеобразных семантических «заготовок семем», которые можно обозначить термином «потенциальные семемы».

Потенциальная семема – это некий структурированный в системе языка смысл, существование которого обусловлено имеющимися в языке лексическими или лексико-грамматическими парадигмами: определенная парадигма формирует данный смысл в системе языка, подготавливает его для лексической номинации, формирует достаточно четко его компонентный состав, однако самостоятельной лексемы подобная потенциальная семема в языке так и не получает, что и оставляет ее в ранге потенциальной.

О наличии потенциальной семемы можно говорить только в том случае, если в лексической парадигме того или иного языка «подготовлено место» для определенного слова, хотя самого слова нет (по крайней мере, в кодифицированном литературном языке). Например, антонимическая парадигма: есть *молодожены*, но нет антонима – **старожены*. Для слова *старожены* в семантическом пространстве языка есть потенциальная семема – «люди, давно состоящие в браке», четко по компонентному составу дифференцируемая от противопоставленной по семантике единице «люди, только что вступивших в брак», есть даже словообразовательная модель, по которой слово может быть легко образовано без нарушения каких-либо морфологических или стилистических норм, но в литературном языке этого слова нет.

Другие парадигмы, выявляющие потенциальные семемы:

глагольная парадигма лица – есть потенциальные семемы «я одержу победу», «я произвожу уборку пылесосом», «я нахожусь в подвешенном состоянии», но нет литературных лексем *победу*, *пылесосу*, *висю*;

парадигма «наименования деятелей по выполняемому действию» («тот, кто делает X»): есть мотальщики, обмотчики, но нет будильщиков, махальщиков и т. д. Нет литературного наименования лица, занимающегося пиаром, как и действия «заниматься пиаром»;

парадигма «наименования деятелей по инструменту»: есть потенциальная семема «работать лопатой», но нет «лопатчиков»;

Парадигма «действие по наименованию инструмента действия»: есть потенциальная семема «убирать при помощи грабеля», «копать лопатой», но нет литературных глаголов «грабить», «лопатить» и под.

Парадигма «помещение для разведения или содержания животных» – есть телятник, обезьянник, курятник, свиноводник, птичник, овчарня, псарня, конюшня, но нет страусятника, куропатника, рыбника и под., хотя эти семемы потенциально в системе языка есть.

Парадигма обуславливает место для семемы в системе языка и ее семный состав, что и делает возможным существование в лексико-семантической системе потенциальных семем. О том, что потенциальные семемы являются действительно семемами, свидетельствует возможность их компонентного анализа, а также нередко наличие просторечных или шуточных номинаций этих семем, не принимаемых литературной нормой, но, тем не менее, существующих в речи: пограбить (поработать граблями), пылесосю, висю и др.

Однако возможен и такой вариант – концепт есть, а семемы и лексемы нет. В этом случае не фиксируется наличие даже потенциальной семемы, что обусловлено обычно отсутствием соответствующей четкой языковой (лексической или грамматической) парадигмы, которая бы системно поддерживала семему и обусловила ее формирование и существование. Подобные концепты не вписываются в систему имеющихся в языке лексических парадигм, являются как бы несистемными, стоят в мыслительной сфере человека по отдельности, индивидуально либо входят в очень большие парадигмы, которые оказываются мало приспособленными для формирования потенциальных семем. Если такой концепт надо вербализовать, носители языка используют свободные словосочетания или объяснения. Ср., например, русско-английские лакуны *подойти и заговорить*, *бурно аплодировать*, *спускаться по веревке с крутизны*, *мысль, пришедшая позднее* и др.

В целом, видимо, возможны, следующие варианты соотношения концепта, значения и лексемы:

1) Есть концепт, есть семема, есть лексема.

Обычные слова языка – окно, читать, идти, хлеб и т. д.

2) Есть концепт, есть потенциальная семема, нет лексемы.

Например: «люди, давно состоящие в браке» – ср. *старожены, *«заниматься пиаром», *«лицо, занимающееся пиаром», *«лицо, получающее работу» (ср. отсутствие *«работодателя» при наличии работодателя) и др.;

3) Есть концепт, нет семемы, нет лексемы.

Например, отсутствуют в русской концептосфере такие концепты «говорить умные вещи», «сухое вещество, собирающееся в уголке глаза», «тот, кто раньше с нею был» (В. Высоцкий), «лицо, принадлежащее к научной школе» и др. В рус. концептосфере нет концептов, выражающихся нем. *Spass*, англ. *fun* (оба слова примерно означают *радость, развлечение, нечто интересное, удовольствие, наслаждение* и т. д., вместе взятые).

4) Нет концепта, нет семемы, нет лексемы.

Это крайний случай проявления национальной специфики языка и концептосферы, наиболее яркое проявление национальной специфики. Так, в русском сознании нет концепта «уединенное молчание на природе, сопровождаемое слушанием одного звука» (яп. *sabi*), не сформировались свойственные англоамериканской концептосфере концепты *life quality, privacy, quality time, tolerance, political correctness*, именуемые в русском языке с помощью калькированных переводов: *качество жизни, приватность, качественное проведенное личное время, толерантность, политическая корректность*. С другой стороны, *разговор по душам, выяснение отношений, авось, духовность, интеллигенция, непотивление* – русские безэквивалентные единицы, в европейских языках им соответствуют лакуны и отсутствие концепта.

Концепты могут быть внесены в национальную концептосферу из другой концептосферы – национальной (*толерантность, политкорректность, приватность*) или социальной (*например, криминальной – беспредел, крыша, авторитет, опустить* и др.). В таком случае концепт первоначально формируется на коммуникативной основе, на базе значения соответствующего слова, через объяснение значения широкому кругу носителей языка, и лишь потом, обрстая новыми смыслами и углубляясь, отрывается от значения и начинает самостоятельную ментальную жизнь.

Заемствованные концепты, особенно абстрактные, обычно относятся к разряду одиночных, несистемных – им не сразу находится парадигма, не сразу формируется семный состав называющего их слова, они долго выражаются описательными оборотами, сопровож-

даются пояснениями и т. д., чем и объясняется обычно их трудное вхождение в культуру заимствовавшего их народа.

Концепт может быть и чисто субъективным, личностным, тогда он в любом случае нуждается в развернутом тексте для экспликации; такие концепты часто бывает трудно понять («не понимаю, что ты имеешь в виду...»).

Проблему соотношения слова и концепта осложняет тот факт, что кроме концептов, выявляющихся при анализе лексических единиц, существуют концепты, не выражаемые какими-либо отдельными лексическими единицами и обнаруживающиеся лишь в результате логико-семантического анализа классов и парадигм лексических единиц.

К таким концептам относятся в первую очередь классифицирующие – используемые для классификации различных предметов и явлений действительности (когнитивные классификаторы). Большинство обобщающих классифицирующих концептов в сознании носителя языка не связано с какими-либо конкретными наименованиями, ср.: «наименования предметов природы», «наименования искусственных предметов», «психические качества человека», «индивидуальные особенности голоса», «наименования цветовых оттенков», «средства передвижения по воде», «получение информации в ответ на запрос» и мн. др. подобного типа. Эти концепты обнаруживаются в процессе семантического анализа и классификации лексических единиц, при анализе лексико-семантических парадигм. Носитель языка прекрасно понимает, что такое «цветовой оттенок» или «наименование искусственных (созданных руками человека) предметов», при необходимости может оперировать этими концептами в мышлении, хотя в языке эти концепты, как правило, не названы, а описательное обозначение их конструируется обычно только лингвистами в процессе лингвистического анализа лексических микросистем. Подобные концепты относятся, по-видимому, к коммуникативно нерелевантным.

Следует также различать актуальные и неактуальные концепты. Актуальные концепты регулярно вербализуются, они нужны и для мышления, и для коммуникации. Неактуальные концепты могут быть нужны для мышления, но они крайне редко вербализуются (например, концепты «верхний угол комнаты», «нижний угол комнаты», «левая боковина дивана», «правая боковина дивана» и т. д.). Неактуальные в национальной концептосфере концепты могут быть актуальными в групповой и личностной концептосферах и наоборот.

Возможны ситуации, когда отдельной лексической единице одного языка соответствует устойчивое словосочетание в другом языке. Приведем такие примеры на русско-английском материале: *глубокий старик* – antediluvian, *щеточка для ногтей* – nail – brush, *рекламный щит* – hoarding, *налог с оборота* – sales tax, *краткая сводка новостей* – амер. wrap-up, *скоростная автострада с транспортными развязками* – амер. free-way, *назначение на должность* – designation, *свободный режим рабочего дня, скользящий график* – flexitime, *непрофилирующий предмет (в университете, колледже)* – minor, *нарушитель границы* – infiltrator; *предъявление обвинения* – indictment, *ведение дел по доверенности* – procuration, *заключение в тюрьму* – incarceration, *вступление во владение (вместо прежнего владельца)* – takeover, *предвыборная платформа политической партии* – ticket, *комиссия по выработке регламента или порядка дня* – steering committee, *встречный ветер* – headwind, *ледяной узор (на стекле)* – frostwork, *клюшка для игры в хоккей с мячом* – bandy, *доска с парусом для серфинга* – sailboard; *водные виды спорта* – acuatics, *совместное производство фильма, совместная постановка спектакля* – coproduction, *взрывная волна* – blast, *призыв на военную службу* – амер. induction, *негодный к военной службе* – rejectee, *увольнение из армии* – muster-out, *неходовой товар* – drug, *предмет первой необходимости* essential, *чуткий сон; сон урывками* – dog-sleep, *судно на подводных крыльях* – hydrofoil, *стоянка на якорь* – anchorage, *стоянка судов в доках* -dockage, *чума рогатого скота* – rinderpest, *отлучение от церкви* – excommunication, *регистрационное свидетельство на собаку* – dog-licence и др.

В этом случае о наличии лакун говорить нельзя, налицо просто разные структурные типы номинации концепта в различных языках.

Лакуны, если оказывается необходимым выразить соответствующий концепт в речи, *компенсируются*, то есть заполняются «временными» средствами языка – свободными сочетаниями, развернутыми объяснениями и т. д. Если компенсация осуществляется достаточно регулярно, соответствующее выражение может впоследствии стать устойчивой номинацией концепта – напр. лосьон после бритья (ср. англ. aftershave), несчастный случай (ср. англ. accident).

То, что словами можно объяснить практически любой концепт (правда, объяснение может потребовать большого объема коммуникативных средств, вплоть до текста), говорит не о том, что в данном случае нет лакуны, а о том, что любая лакуна может быть *компенсирована*.

Практика общей переводимости любого текста на любой язык – свидетельство невербальности концептуального мышления и возможности компенсации любой лакуны.

Необходимость использования разных лексических средств для компенсации лакуны – ср. нем. *Hilfsbereit* «готовый помочь» – «он всегда готов помочь», «он всегда готов прийти на помощь», «он очень добрый», «он сердечный человек» и т. д. – еще одно свидетельство того, что концепт богаче по содержанию, чем имеющиеся лексические средства, и каждое из них раскрывает какую-то его часть; только в совокупности они могут достаточно полно передать содержание концепта в речи.

2. Внутриязыковые лакуны и национальная концептосфера

В каждом языке существует большое количество внутриязыковых лакун, то есть пустых, незаполненных мест в лексико-фразеологической системе языка, хотя близкие по значению лексемы могут в системе этого языка присутствовать.

Например, в русском языке есть слова, обозначающие сообщение о негативных фактах (*жалоба, донос*), но нет обозначения для сообщения о положительных фактах; есть лексические единицы со значением *заочно передаваемая негативная информация* (сплетни, слухи), но не обозначен смысл заочно передаваемая положительная информация. О человеке, в совершенстве владеющем искусством своего дела, мы говорим *виртуоз*, но нет слова для наименования людей, еще не освоивших свою профессию, свое дело до конца. Аналогично, не обозначены в русской лексико-фразеологической системе такие смыслы как *говорить в медленном темпе; говорить о важных вещах или проблемах; сказать к месту и своевременно; сообщать правдивую информацию; говорить умные вещи; выражать информацию прямо, без намеков и обиняков и мн. др.*

Даже беглый анализ «Словаря детской речи» убеждает в огромном количестве слов, форм, которыми дети заполняют внутриязыковые лакуны. Например: *асфальтильщик (рабочий, занимающийся асфальтированием дорог), ансамблист (участник ансамбля), базарник (человек, торгующий на базаре), безглазый (лишенный глаз), безоконный (не имеющий окон), бескоробный (находящийся не в коробке), беспаный (живущий без отца), бесподвальный (не имею-*

щий подвала), *беспорядочница* (женщина, допускающая беспорядок), *бигудиться* (завивать волосы на бигуди), *бояхина* (боязливое существо), *броненосик* (детеныш броненосца), *бухарь* (о том, кто падает, бухается), *ведущить* (быть ведущим), *вертелка* (валик колодца), *включатель* (прибор для включения света), *глазастеть* (тараща глаза, смотреть), *грязнеть* (становиться грязным), *закнопить* (закрепить кнопками) и т. д.

Многие невербализованные, лексически невыраженные концепты, представленные внутриязыковыми лакунами, существуют в национальном сознании, отражают денотаты, присутствующие в национальной действительности. Причины их лексической невыраженности – коммуникативного, а не концептуального порядка: эти концепты коммуникативно не востребованы.

Внутриязыковые лакуны обнаруживаются при помощи специальных приемов (см. раздел 1 настоящей главы). Одним из источников сведений о внутриязыковой лакунарности является анализ словообразовательных рядов, в которых легко обнаруживаются лексемы, допускаемые системой словообразования, но не допускаемые языковой традицией.

«В русском языке при наличии глагола *следовать* и при полной возможности образовать существительное от этого глагола со значением «тот, кто следует» с суффиксом *-чик* – такого существительного нет, а могло бы быть *слежчик* (ср. наводчик, прост. сколотчик ящиков)» (Степанов, 1966, 90). О возможностях системы пишет и Л. В. Щерба, говоря об эксперименте в языкознании: такие слова как *писальщик*, *читальщик*, *ковыряльщик* никогда не входили и не входят еще в словарь, но могут быть всегда сделаны и правильно поняты (Щерба, 1974, 24–39).

Покажем возможность выявления внутриязыковых лакун в лексико-семантическом поле «Человек» (на материале существительных мужского рода со значением «производитель действия»).

Как известно, эти существительные в большинстве своем – производные слова, образованные на базе глагола и выражающие значение лица по действию, которое названо в производящей основе (например, *агит-ирова-ть* – *агит-атор*; *победи-ть* – *побед-итель*; *брызг(а-ть)* – *брызг-ун*). При образовании существительных со значением «производитель действия» используется большое количество суффиксов, наиболее продуктивные из которых: *-тель*, *-чик/-ль*) *щик*, *-(н)-ик*, *-ец*, *-л(а)*, *-ун*, *-атор*, *-ок*, *-ер*, *-ор*. Непродуктивные суффиксы: *-ар*, *-с*, *-тух*, *-аш*, *-ент*, *-ч*, *-ищ*, *-ант* и др.

Основным источником отбора глаголов, на основе которых образуются интересующие нас существительные посредством продуктивных суффиксов *-тель*, *-чик*/(*ль*)*щик*, *-л(а)*, *-ун* послужил «Частотный словарь русского языка» под ред. Л. Н. Засориной (Засорина, 1977). Кроме того, для анализа использовался «Словообразовательный словарь русского языка» А. Н. Тихонова и «Толковый словарь живого великорусского языка» Владимира Даля.

Всего было проанализировано более 1000 глаголов, от которых образованы реально или могут быть образованы потенциально существительные мужского рода с указанным значением.

«Частотный словарь русского языка» использовался для определения границ активного и пассивного словарного состава. Нас интересовала та часть словника, в которую входят слова с высокой и средней частотой. При описании мы расположили однокорневые лексемы с учетом убывания их частоты употребления (цифра в круглых скобках). Знак минус (-) в таких же скобках означает, что данное отглагольное существительное в «Частотном словаре» не зафиксировано и входит в пассивную лексику. Такие единицы извлечены, как правило, из «Обратного словаря русского языка» или из «Словообразовательного словаря русского языка» А. Н. Тихонова. Знак # обозначает лакуну.

Покажем методику выявления внутриязыковых лакун на примере двух тематических групп наименований лица по действию.

I группа. *Отглагольные существительные, обозначающие лицо, производящее действие, связанное с профессиональной (трудовой) деятельностью.*

готовить (86) – #; изготовить (36) – изгото-вить (1), изготов-щик (-); торговать (50) – торгов-ец (10), торг-аш (4); воспитывать (40) – воспита-тель (6); продавать (38) – продав-ец (7); корреспондировать (-) – корреспонд-ент (160); варить (23) – вар-щик (-), вари-льщик (-); доить (2) – дои-льщик (-), дой-ар (-); иллюстрировать (10) – иллюстр-атор (-); копать (10) – копа-тель (-), копа-льщик (-), копа-ч (-); косить (3) – кос-ец (1), кос-арь (2); возить (39) – воз-чик (2); гладить (29) – глади-льщик (-); стирать – #; редактировать (4) – редакт-ор (30; чистить 918) – чисти-льщик (1); рисовать (20) – рисова-льщик (-); гравировать (1) – гравиров-щик (-), гравирова-льщик (-), гравер (-); мыть (34) – мой-щик (2); клеить (2) – клеи-льщик (-); пасти (11) – пас-тух (6); садить – седи-л(а) (-); бурить (4) – бури-льщик (-); точить (16) – точи-льщик (1); дирижировать (2) – дириж-ер (5); жонглиро-

вать (1) – жонглер (2); режиссировать (-) – режисс-ер (21); грузить – грузчик (16); воздвигать – #.

Таким образом, в данной группе – 29 частотных глаголов). От подавляющего большинства из их (26) носителями языка образованы существительные мужского рода, обозначающие наименование лица по действию, требующему профессионального мастерства. При этом использовались продуктивные суффиксы: -тель (3); щик (-льщик) (15); -ец (3); -льник (-ник) (1); -атор (1); -ор (1); -ер (4); -ч (1).

Наиболее частотными в данной группе являются отглагольные существительные **корреспондент** (частота – 160.); **редактор** (частота – 30); **режиссер** (частота – 21); **грузчик** (частота – 16); **торговец** (частота – 10). Заметим, что частота употребления глаголов, от которых образованы многие анализируемые существительные данной группы, в несколько раз выше, чем у мотивированных ими существительных. Например, у слова готовить общая частота – 86, торговать – 50, воспитывать – 40 и т. д.

Трудно объяснить, почему от часто употребляемого глагола **рисовать** образовано только одно существительное – наименование лица по действию – **рисовальщик**, которое находится сейчас за пределами активного словаря современных носителей языка (**художник** – общая частота употребления 149), а редким по частотности гравировать (1) мотивированы сразу три слова **гравировщик**, **гравер**, **гравировальщик**, не зафиксированные «Частотным словарем». То же самое наблюдается и с глаголом **копать** (10) – **копатель** (-), **копальщик** (-), **копач** (-), которые явно относятся к пассивному словарному запасу. От других (трех в данной группе) глаголов вообще не образованы отглагольные существительные. Это и есть внутриязыковые лакуны.

Взять, например, высокочастотный глагол **готовить**. Во всех указанных словарях не зафиксировано образованное от него существительное со значением лица – производителя действия. Однако в словаре В. Даля находим **готовщик** (заготовщик, поставщик, подрядчик), а также **готовцы**, **готовикъ**, **готовчикъ** (м.), **готовуша** (ж.) – человек бодрый, быстрый, немешкотный, готовый и поспевающий всегда к сроку.

Во всех современных толковых, а также частотном и словообразовательном словарях, нет существительного от часто употребляемого глагола **стирать**, т. е. лакуна. У В. Даля находим **стиральщикъ** -щица, **валяльщик**. Видимо, ушел в далекое прошлое тяжелый малопроизводительный труд – стирка вручную, людей посте-

ленно заменяют автоматические машины и слово, обозначающее наименование лица от глагола **стирать**, стало редко употребляться, а потом и совсем «выпало» из лексикона и словарей современных носителей языка (во всех указанных словарях оно не зафиксировано). Имеющееся в русском языке слово прачка обозначает лицо, которое профессионально занимается стиркой белья, а не любое лицо, которое стирает.

Та же участь постигла существительное по действию, обозначенному глаголом широкой семантики **воздвигать**. Однако у В. Даля находим **воздвизатель** (м.) -**тельница** (ж.) или **воздвижник** (м.) -**ница** (ж.) – воздвигающий, воздвигший что-либо ибо. Во всех трех случаях обнаруженные пробелы являются внутриязыковыми диахроническими лакунами. В целом же анализируемая группа данных отглагольных существительных характеризуется высокой наполняемостью, т. к. в процессе коммуникации всегда осознавалась и ощущается сейчас острая необходимость в наименованиях по профессиональному (трудовому) признаку.

II группа. Существительные, обозначающие лицо, производящее умственное или речевое действие.

агитировать (9) – агит-атор (18); **аргументировать** – #; **болтать** (23) – болт-ун (-); **говорить** (2573) – говор-ун (1); **думать** (1074) – #; **вникать** (14) – #; **воображать** (17) – вообража-л(а) (2); **врать** (79) – вр-ун (1), вр-аль (-), вр-уша (-); **знать** (2102) – знат-ок (19); **благодарить** – #; **писать** (578) – писа-тель (271), пис-ец (3), пис-арь (5), пис-чик (1), писа-к-(а) (-); **решить** (399) – реши-тель (-); **читать** (418) – чита-тель (192), чит-чик (-), чит-арь (-), чт-ец (5), чита-льщик (-); **зубрить** (6) – зубри-л-(а) (1); **лгать** (28) – лг-ун (6), лж-ец (-); **беседовать** (56) – бесед-чик (-); **излагать** (19) – #; **изучать** (95) – #; **учить** (117) – учи-тель (99); **сочинять** (51) – сочини-тель (4); **соображать** (21) – #; **исследовать** (21) – исследова-тель (38).

От 21 глагола, вошедшего в данную лексико-семантическую группу, образованы отглагольные существительные с помощью суффиксов -атор (1); -ун (4); -тель (6); -чик(-щик) (4); -л(а) (3); -ец (2); -ч (1); -арь (2).

Большинство глаголов, обозначающих речевую, умственную деятельность, высокочастотны. Внутриязыковых лакун здесь в два раза больше, чем в предыдущей группе. Это относится в первую очередь к глаголам с абстрактной семантикой: **аргументировать**, **вникать**, **изучать**, **излагать** и др.

В словаре В. Даля не обнаружены существительные, мотивированные глаголами **аргументировать**, **благодарить**, **вникать**. Ни одним из современных словарей не зафиксировано существительное, обозначающее лицо и мотивированное глаголом **думать**. У В. Даля находим **думщикъ** (м.) -**щица** (ж.), **думала** об. упорно или шутч. кто глупо умничаешь. Современными носителями языка смысл «**тот, кто думает**», мотивированным существительным от **думать** однословно не обозначен.

Сюда же следует отнести зафиксированное в словаре Даля **излагатель** (м.) -**ница** (ж) – **излагающий что-либо, объяснитель, толкователь** или **писатель** и выражаемое современными коммуникантами на уровне синтаксической объективации; **изуча(и)тель -ница** – **изучающий, изучивший что-либо от изучивать** или **изучать** у Даля. По данным обследованных словарей в современном языке **тот, кто излагает что-либо** – **лакуна**, у Даля **излагатель** (м.) -**ница** (ж.) – **излагающий что-либо**; то же самое можно сказать и о наименовании лица от глагола **соображать**: смысл *тот, кто соображает* современными носителями языка не номинирован; но в словаре В. И. Даля находим: **соображатель, соображательница** – **соображающий что-либо**. Указанные оппозиции отглагольных существительных, обозначающих лицо, производящее умственное или иное речевое действие, можно наглядно представить следующим образом:

ЛЕКСЕМА	XX век (по данным словарей)	XIX век (по данным словарей)
аргументировать	#	#
вникать	#	#
излагать	#	излагатель
изучать	#	изучатель
соображать	#	соображатель, сообразитель
благодарить	#	#
думать	#	думщик, думала

Приведенные материалы наглядно показывают, что в системе языка реально существуют так называемые пустые клетки, ниши, не заполненные лексемами – внутриязыковые лакуны, которые могут быть выявлены парадигматическим словообразовательным анализом.

Внутриязыковые лакуны в своем подавляющем большинстве выявляются в системе языка на фоне реально присутствующих в семантическом пространстве потенциальных семем и соответствующих концептов, которые принадлежат национальной концептосфере, но не выражены лексически в языке.

3. Межъязыковые лакуны и национальная концептосфера

Исследование проведено на материале «Нового англо-русского словаря» под редакцией В. К. Мюллера методом сплошной выборки. Были рассмотрены как отдельные лексические единицы с субстантивной семантикой, так и сложные слова и словосочетания. В результате исследования было выявлено 2597 русско-английских субстантивных лакун, и была предпринята попытка создать их тематическую классификацию (подобно классификации других номинативных единиц). Отметим, что выделенные тематические группы лакун охватывают практически все сферы человеческой деятельности и окружающей действительности, что является ярким свидетельством того, что лакуны – обычное и массово распространенное явление языка.

В общей сложности было выделено 40 тематических групп русско-английских субстантивных лакун, при этом надо отметить, что количество лакун по группам существенно разнится – от одного – двух десятков до одной – двух сотен.

Охарактеризуем тематические группы, в рамках которых были выявлены русско-английские лакуны (то есть лакуны в русской лексической системе на фоне английского языка).

1. Русско-английские лакуны тематической группы **«Характеристика человека»**. Это самая многочисленная группа из выделенных, она включает 283 лакуны. Такое большое количество лакун в данной тематической группе представляется не случайным. Человек занимает центральное место в жизни общества и его характеристика с разных точек зрения представляется носителям языка чрезвычайно важной. Как показывает анализ, человек в данной тематической группе характеризуется по различным признакам – внешним данным:

человек с ампутированной рукой или ногой – ср. amputee,

человек с круглой головой – ср. bullet-head;

возрасту:

ребенок, недавно отнятый от груди – ср. weanling,

человек в возрасте между 70 и 79 годами – ср. septuagenarian,

привычкам:

человек, ведущий дневник – ср. diarist,

непременный участник вечеров, завсегдашней вечеринки – ср. party-goer,

человек, часто обедающий вне дома – ср. diner;
 умственным способностям:
 человек выдающегося ума – ср. master-spirit,
 знаток художественных редкостей, ценитель искусства – ср. virtuoso,
 выживший из ума старик, старый дурак – ср. dotar;
 роду деятельности:
 человек, занимающийся сдельной работой – ср. jobber,
 человек, выполняющий тяжелую, нудную работу – ср. drudge;
 манере вести себя:
 лицо, вторгающееся в чьи-л. владения – ср. trespasser,
 девочка с мальчишескими ухватками, девчонка – сорванец – ср. tomboy,
 человек, вмешивающийся в чужие дела – ср. interloper;
 оценке окружающих:
 человек, которого любят и уважают как родного отца, руководитель, пользующийся авторитетом – ср. father – figure,
 одаренный человек (который, несмотря на молодость, уже пользуется известностью) – ср. whiz – kid,
 человек, отличающийся от других самостоятельностью суждений, поступков – ср. амер. standout,
 тот, кто портит удовольствие другим – ср. spoilsport,
 говорящий стандартными фразами, без конца повторяющий заученные фразы – ср. poll parrot;
 по месту жительства и работы:
 иностранец, находящийся в стране проездом на новое место-жительство – ср. transmigrant,
 человек, проживающий не по месту службы – ср. cutlier,
 житель Оксфорда или Кембриджа, не имеющий отношения к университету, обыватель – ср. пренебр. townee.

Следует отметить, что большинство лакун этой группы являются немотивированными – несмотря на наличие у носителей русского языка соответствующих концептов, отдельных лексических единиц для их выражения в русском языке нет. Например:

человек, достигший положения в обществе благодаря своим способностям – ср. meritocrat;

человек, пострадавший от несчастного случая – ср. casualty.

2. В тематической группе «Предметы быта и окружающей действительности» насчитывается 203 лакуны.

В рамках данной группы отчетливо выделяются лакуны в смысловой сфере наименований предметов мебели:

стол с откидными боковыми досками – ср. butterfly table,
кресло, вмещающее двоих – ср. love seat,
складная кровать (убирающаяся в шкаф) – ср. press-bed,
письменный стол-бюро с убирающейся крышкой – ср. roll-top desk,
плетеное кресло из камыша – ср. cane-chair;

видов посуды:

бокал, суженный кверху – ср. амер. snifter,
пивная кружка (изображающая толстяка в костюме XVIII века) –
ср. toby,

ведерко для охлаждения бутылки вина – ср. cooler,
посуда с трафаретным китайским рисунком – ср. willow pattern,
глубокая посуда из фарфора, чугуна и т. п. (котелки, миски, кувшины и т. п.) – ср. hollowware;

предметов ухода за телом:

предметы туалета (расчески, щетки и т. п.) – ср. toileware,
лосьон для укладки волос – ср. setting lotion,
пудреница с пудрой и румянами – ср. compact,
длинная шпилька для волос – ср. bodkin;

предметов окружающей действительности:

временный забор вокруг строящегося здания – ср. hoarding,
беседка (увитая зеленью) – ср. aebour,
железная скоба, железная сетка у входа (для счищения грязи с подошв обуви) – ср. scraper,
скользящая рама в подъемном окне – ср. sash.

Можно было бы предположить, что основная масса лакун этой тематической группы будет мотивирована, поскольку данная предметная сфера является весьма конкретной и национально ориентированной. Действительно, среди лакун данной предметной сферы выделяется большое количество именно мотивированных лакун:

сосуд для варки яиц без скорлупы – ср. roacher,
крытая посуда для подачи сдобы горячей, сосуд для посыпания сдобы сахаром – ср. muffleer,
небольшая чаша для споласкивания пальцев после десерта –
ср. finger bowl,
графин или большая бутылка со сплюснутыми боками – ср. flagon.

Однако количество немотивированных лакун здесь тоже достаточно велико, например:

остаток недокуренного табака в трубке – ср. dottle,
металлический прут для укрепления ковра на лестнице – ср.
carpet-rod,

стекло, пропускающее ультрафиолетовые лучи – ср. vitaglass.

3. Русско-английские лакуны тематической группы **«Профессии и занятия»** также весьма многочисленны – таких лакун выявлено 173. В этой группе лакунами представлены названия профессий, не характерных для русской действительности:

агент, по розыску утерянных вещей (особенно на железной дороге) – ср. tracer,

работник социального обеспечения, (ведающий оплатой лечения и обслуживанием больных) – ср. almoner,

странствующий торговец – ср. bagman,

женщина, берущая (за плату) детей на воспитание – ср. baby farmer,

контролер экспортно-импортных операций на таможне (в Англии) – ср. land waiter,

скупщик (старых лошадей на мясо, домов на слом и т. п.) – ср. knacker.

Они представляют собой мотивированные лакуны и могут быть объяснены различиями в структуре организации профессиональной деятельности в Англии и России. Однако выделяются также лакуны в сфере наименования профессий, которые встречаются и в русской действительности, такие лакуны являются немотивированными:

тот, кто обряжает покойника – ср. layer – out,

тот, кто составляет таблицы – ср. tabulator,

составитель рекламных радио- и телевизионных передач – ср. huckster,

помощница по хозяйству, обыкн. социальный работник, обслуживающий больных и пожилых людей – ср. home help.

Наряду с названиями профессий, в данной группе выявляются лакуны, свидетельствующие об отсутствии наименований некоторых дополнительных характеристик и определенного круга обязанностей представителей отдельных профессий:

малоквалифицированный рабочий, принятый на завод в связи с расширением производства – ср. dilutee,

врач, живущий при больнице – ср. house – physician,

художник, рисующий вывески – ср. sign painter,

журналист, получающий построчную оплату – ср. liner,

школьный учитель, на обязанности которого лежит наблюдение за посещаемостью или обучение на дому детей-инвалидов или больных – ср. амер. visiting teacher,

внештатный учитель средней школы – ср. cadet teacher.

4. Русско-английские лакуны тематической группы **«Экономика и финансы»** представлены 173 единицами. Лакунарны в русской лексической системе такие единицы как:

государство, широко использующее свой флот для перевозки товаров других стран – ср. carrier-nation,

«зеленая революция»; резкое увеличение производства зерновых в развивающихся странах – ср. green revolution.

Выделяется ряд лакун, относящихся к наименованиям отдельных понятий из сферы деятельности так называемых «деловых кругов», например:

обсуждение условий сделки, сопровождаемое взаимными уступками – ср. horse trade,

соглашение между участниками аукциона не набавлять цены – ср. knock out,

производство расчетов через расчетную палату – ср. clearance,

установленный торговым обычаем срок платежа по иностранным векселям – ср. usance.

Много лакун из данной тематической группы относятся к обозначению различных видов налогов:

избирательный налог – ср. head money,

местный налог на содержание церкви – ср. church-rate,

Особый интерес представляет собой группа лакун, связанных с обозначением различных денежных сумм:

деньги на первое обзаведение – ср. seed money,

деньги, предназначенные для взяток – ср. slush fund,

деньги, отложенные на чёрный день; первая сумма, отложенная для какой-либо определённой цели – ср. nest egg,

залог (вносимый, например, студентами Оксфорда и Кембриджа в обеспечение возможных долгов) – ср. caution money.

Отметим, что в силу существенных различий в экономическом статусе соответствующих стран большинство лакун данной тематической группы являются мотивированными.

5. Лакуны тематической группы **«Печатные издания и пресса»** включают 123 единицы.

В данной группе обращает на себя внимание наличие большого количества лакун в сфере наименования разного рода изданий:

хорошо изданная книга с иллюстрациями (лежащая обычно на виду в гостиной) – ср. table book,

музыкальное произведение, изданное без переплета – ср. sheet music,

периодическое издание, выходящее три раза в неделю или каждые три недели – ср. triweekly,

последний выпуск газеты за день – ср. final,

издание с примечаниями разных комментаторов – ср. variorum.

Группа лакун выявляет отсутствие наименований разных видов редакторской работы над текстом:

изменение или исправление текста литературного произведения – ср. emendation,

вычеркивание нежелательных мест в книге – ср. expurgation,
литературный материал, вставляемый для заполнения места – ср. padding,

просмотр и исправление текста – ср. recension;

разных видов формата изданий:

книга миниатюрного формата – ср. bibelot,

формат книги в двадцатую долю листа – ср. twentymo (20mo),

формат книги в двенадцатую долю листа – ср. twelvemo (12mo);

специфических журналистских и типографских понятий:

часть газетной статьи, напечатанная на следующей странице – ср. turnover;

рекламное объявление в газете, которое может быть вырезано читателем и направлено фирме в качестве заказа – ср. tear sheet,

строка в газете или журнале, на которой помещается фамилия автора – ср. by-line,

вклейка, иллюстрация на отдельном листе – ср. plate,

количество строк, отведенное под объявления (в газете, журнале) – ср. space.

Поскольку новости являются важной содержательной частью любого вида прессы, в качестве отдельной подгруппы выделяются лакуны, выявляющие отсутствие в русской лексической системе некоторых наименований новостей:

сенсационная статья в газете – ср. splash,

сенсационная новость (опубликованная в газете до ее появления в других газетах) – ср. scoop,

экстренное сообщение в газете «в последнюю минуту» – ср. stop-press.

Отметим, что среди лакун данной группы имеются как мотивированные, так и немотивированные.

6. Русско-английские лакуны тематической группы **«Питание»**. Данная группа – одна из самых многочисленных, она включает 111 единиц. Тематическая группа включает как лакуны, обнаруживающие отсутствие наименований некоторых «пунктов питания», так и конкретных видов блюд и напитков:

бифштексная, ресторан, специализирующийся на мясных блюдах – ср. steak – house,

кафе или ресторан на открытом воздухе – ср. tea garden,

бесплатная столовая для нуждающихся – ср. soup kitchen,

пивная или ресторан в подвальном этаже – ср. амер. rathskeller,

блюдо из мелко нарезанного мяса и овощей – ср. hash,

пропитанный ромом или вином бисквит с вареньем и кремом – ср. tipsy-cake,

зарезанная и сразу зажаренная (на рашпере) птица – ср. spatchcock,

содовая вода с лимонным соком – ср. lemon squash,

горячий пряный напиток для больных (смесь вина с яйцами и сахаром) – ср. caudle.

В данной группе отчетливо выделяются также лакуны, связанные с наименованиями продуктов питания и видов приема пищи:

жир, добавляемый в тесто для рассыпчатости – ср. shortening,

мука крупного помола – ср. meal,

зобная и поджелудочная железы теленка, ягненка и т. п., употребляемые в пищу – ср. sweetbread,

ежегодный обед в честь бывших студентов (в англ. колледжах) – ср. gaudy,

плотный ужин с чаем – ср. high tea,

поздний завтрак (заменяющий первый и второй завтрак) – ср. brunch,

традиционный обед, устраиваемый хозяином для служащих раз в году – ср. bean feast.

В целом следует отметить, что данная тематическая группа включает большей частью мотивированные лакуны, хотя в ней и встречаются отдельные лакуны немотивированные.

7. Тематическая группа лакун **«Транспорт и дороги»** включает 108 единиц. Здесь отчетливо выделяются лакуны, сигнализирующие об отсутствии в русском языке наименований некоторых видов транспорта:

поезд, согласованный с пароходным расписанием – ср. boat train,
судно, занимающееся ловом трески у берегов Ньюфаундленда – ср. banker,

поезд, автобус и т. п., идущий без остановок – ср. nonstop,
(старый) автомобиль с форсированным двигателем – ср. hot rod,

мотоцикл с прицепной коляской – ср. combination;
а также отдельных элементов транспортных средств:
пол трамвайного вагона или автобуса – ср. deck,
багажник на крыше автомобиля – ср. roof rack,
предохранительная решетка (впереди трамвая или паровоза) – ср. fender,
опорная стойка седла (у велосипеда и т. п.) – ср. saddlepin,
откидывающееся кресло в самолете или междугороднем автобусе – ср. sleeperette.

Отмечено также большое количество лакун, обнаруживающих отсутствие наименований отдельных видов дорог:

уединённая боковая тропа или дорога – ср. bypath,
дорога с односторонним движением – ср. lane,
дорога второстепенного значения; менее людная дорога – ср. byway,
(горная) выючная, верховая тропа – ср. bridlepath.

Следует отметить и отсутствие номинаций, описывающих некоторые ситуации, связанные с дорожным движением:

езда с недозволенной скоростью – ср. speeding,
затор машин на перекрестке – ср. gridlock,
опасное место на дороге – ср. black spot.

В этой группе также отмечены как мотивированные, так и немотивированные лакуны.

8. Русско-английские лакуны тематической группы «Работа» насчитывают 105 единиц. Большая часть жизни человека связана с его трудовой деятельностью, а общество немыслимо без чётко определённой структуры производственных отношений, которые определяют экономический рост, процветание и, в целом, благополучие социума, поэтому данная группа лакун является очень многообразной.

Выделяются, в частности, лакуны, относящиеся к наименованиям различных аспектов организации работы:

принятие изготовителем недоброкачественной продукции с целью устранения дефекта – ср. callback,

предприятие, на котором существует потогонная система –
ср. sweatshop,

повышение нормы выработки без повышения зарплаты – ср.
speed-up,

*система, при которой рабочий выполняет дополнительную ра-
боту без особой оплаты или за незначительную оплату* – ср. амер.
stretch-out,

общественные работы для безработных – ср. relief-works;
отдельных видов работ:

оклейка комнаты обоями – ср. paperchanging,

производство, хранение и продажа молочных продуктов – ср.
dairying,

резьба на раковинах, слоновой кости и т. п. – ср. scrimshaw;
работы с кадрами:

вызов к исполнению служебных обязанностей – ср. turnout,

перемещение должностных лиц – ср. shake-up,

официальное введение в должность – ср. induction.

Лакунарны в данной тематической группе наименования, харак-
теризующие работу по качеству:

неряшливо, наспех сделанная работа – ср. slopwork,

кропотливая подготовительная работа – ср. spadework,

работа менее квалифицированная или худшего качества – ср.

underwork;

месту и времени выполнения:

работы вне мастерской, вне завода и т. п., надомная работа –
ср. outwork.

Выделяются также лакуны в смысловой сфере наименований
документации, связанной с работой:

обязательство рабочего о не вступлении в профсоюз – ср. амер.
yellow-dog contract,

карточка учета прихода на работу и ухода с работы – ср. time
card,

*система, при которой сотрудник письменно объясняет, что
его отсутствие связано с болезнью* – ср. self-certification,

наименований фирм и организаций:

контора общества страхования от огня – ср. fire office,

*биржевая контора, в которой нелегально ведется спекулятив-
ная игра* – ср. bucket shop,

мастерская текущего ремонта – ср. service shop;

рабочих инструментов и материалов:
распорка для туш у мясников – ср. *camberl*,
спасательные приспособления во время пожара (лестницы и т. п.) – ср. *fire escape*,
строительный камень, легко поддающийся обработке – ср. *freestone*,

пило- или лесоматериал мелких размеров – ср. *scantling*.

Отметим, что среди лакун данной тематической группы встречаются как мотивированные, так и немотивированные.

9. Русско-английские лакуны тематической группы **«Образование и воспитание»** связаны с номинацией различных аспектов учебного процесса и получения образования и насчитывают 96 единиц. В этой группе выделяются лакуны, связанные с названиями учебных заведений:

субсидируемая школа (содержится на средства местных органов народного образования) – ср. *maintained school*,

колледж с двухгодичным неполным обучением – ср. амер. *junior college*,

привилегированная частная закрытая средняя школа для мальчиков (в Англии) – ср. *public school*,

производственная школа (при фабрике или заводе) – ср. амер. *vestibule school*,

школа для приходящих учеников, школа без пансиона – ср. *day school*;

наименованиями учащихся:

студент-выпускник, произносящий прощальную речь – ср. амер. *valedictorian*,

учащийся, занимающийся водным спортом – ср. *wet bob*,

студент, выдержавший экзамен с отличием – ср. *classman*,

студент, особо отличившийся на экзамене по математике (в Кембриджском университете) – ср. *wrangler*,

студент, не получающий стипендии (в Оксфордском университете) – ср. *commoner*;

наименованиями учебных предметов и видов учебных занятий:

лекция о путешествии с диапозитивами или кино – ср. *travelogue*,

практические занятия студентов-медиков в клинике – ср. *clinic*,

учебный судебный процесс (в юридических школах) – ср. *moot*,

урок с демонстрацией наглядных пособий – ср. *object lesson*;

понят¹, отражающих работу в библиотеке:

кабина для индивидуальной научной работы (в библиотеке и т. п.) – ср. *carrel*,

читальный зал, где можно получить газеты и журналы – ср. *newsroom*,

передвижная библиотека на грузовике – ср. амер. *bookmobile*.

Отметим, что большинство лакун данной тематической группы являются мотивированными.

10. Тематическая группа **«Закон и право»** включает 95 лакун. Англо-американская законодательная сфера имеет существенные отличия от российской, чем можно объяснить наличие большого количества лакун подобной тематики. В рассматриваемой группе отсутствуют наименования отдельных видов правонарушений и правонарушителей:

драка с применением огнестрельного оружия (револьверов) – ср. *gunfight*,

хищение товаров на корабле – ср. *plunderage*,

нелегальный торговец наркотиками – ср. *peddler*,

поселившийся незаконно на незанятой земле, незаконно вселившийся в дом – ср. *squatter*,

наименования некоторых понятий, связанных с судом и судопроизводством, а также исполнением наказаний:

срок службы судьи – ср. *justiceship*,

постановление суда о возбуждении дела о несостоятельности – ср. *receiving-order*,

освобождение заключенного под честное слово – ср. *parole*.

Отдельную подгруппу составляют лакуны в сфере наименований видов исправительных заведений:

круглая тюрьма с помещением для смотрителя в центре – ср. *raporticon*,

заведение для беспризорных детей и несовершеннолетних правонарушителей – ср. *protectory*,

дом предварительного заключения для малолетних преступников – ср. *remand home*,

тюрьма для военнослужащих – ср. *stockade*.

Для представителей англоязычной культуры важное значение имеет концепт «закон», поэтому в рамках рассматриваемой тематической группы отчетливо выделяется соответствующая подгруппа лакун:

законы об охране дичи – ср. *game-laws*,

приверженность букве закона – ср. *legality*,

не применяющийся, но и не отмененный закон – ср. *dead letter*,

Не менее чем закон, для американцев и англичан важен концепт «право». Неслучайно поэтому в данной тематической группе выделяется подгруппа лакун, выявляющих отсутствие обозначения в русском языке некоторых видов чисто западных прав на конкретную деятельность:

право на общественное пользование землей – ср. common,
право одной железнодорожной компании на пользование железной дорогой, принадлежащей другой компании – ср. trackage,
право прохода или проезда через чужую землю – ср. right-of-way,
право перевозки по чужой земле, право пролета над территорией – ср. wayleave,

право наложения ареста на имущество должника – ср. lien.

Отметим, что право частной собственности – незыблемое право для носителей англо-американской культуры, отсюда наличие также отдельной подгруппы лакун, отражающих отсутствие наименований некоторых понятий владения и наследования:

владение на неограниченный срок – ср. perpetuity,
свободное владение землей или собственностью – ср. freehold,
имение, имущество, записанное на жену (на случай смерти мужа), вдовья часть наследства – ср. jointure,
отсутствие завещания; имущество, наследство, оставленное без завещания – ср. intestacy,
право старшего сына на наследование недвижимости – ср. primogeniture.

Рассматриваемая тематическая группа также включает отдельную подгруппу лакун, связанных с обозначением видов социального неповиновения, и, прежде всего, различных видов забастовок и связанных с ними событий и явлений:

спонтанная забастовка (без предварительного объявления) – ср. lightning strike,
снижение темпа работы как вид забастовки – ср. slowdown,
сидячая (или итальянская) забастовка – ср. sit-in,
новая форма забастовки, когда рабочие не прекращают работу на ликвидируемом предприятии и не покидают фабрики, завода и т. п. – ср. work-in,
участник голодного похода – ср. hunger-marcher,
увольнение рабочих и служащих за участие в забастовке, в политическом выступлении и т. п. – ср. victimization.

Отметим, что отсутствие наименований забастовок в русском языке может быть легко объяснено особенностями социальной дей-

ствительности носителей русского языка, где забастовки до самого недавнего времени практически не проводились. В целом следует отметить, что рассмотренная тематическая группа большей частью включает мотивированные лакуны, хотя некоторые немотивированные лакуны здесь тоже присутствуют.

11. Тематическая группа **«Политика»** включает 83 лакуны. Достаточно большое количество лакун в данной тематической группе может быть объяснено существенными различиями в политических системах государств. В рамках данной группы обращает на себя внимание большая подгруппа лакун, связанных с наименованием различных аспектов организации и проведения выборов:

система голосования, при которой избиратель имеет право голосовать в нескольких округах – ср. multiple voting,

проверка правильности результатов выборов – ср. scrutinity,

система голосования, при которой голосующий вписывает в бюллетень имя кандидата – ср. амер. write-in,

первичные, предварительные выборы, голование для определения кандидата партии на выборах – ср. амер. primary,

остановка в маленьких местечках для встречи с избирателями – ср. whistle stop.

Выборы занимают большое место в жизни гражданского общества, и западное общество накопило большой опыт проведения выборов и проведения предвыборных кампаний, поэтому неудивителен высокий уровень лексической разработанности данной предметной сферы на Западе и наличие многочисленных лакун в данной предметной сфере в русском языке. Отметим, что не меньшую роль в жизни демократического общества играют такие политические институты, как законодательные органы власти и политические партии, отсюда и наличие в русской лексической системе большого количества соответствующих лакун:

член палаты лордов, голосующий за предложение или законопроект, голос «за» – ср. content,

перерыв в работе парламента по указу главы государства – ср. prorogation,

менее влиятельная часть политической партии – ср. tail,

член партии, сохраняющий за собой право голосовать на выборах независимо от партии – ср. амер. tugwump,

организация или партия, контролирующая политическую жизнь страны – ср. machine.

В целом отметим, что среди лакун данной тематической группы наблюдаются как мотивированные, так и немотивированные.

12. Тематическая группа «Одежда и ткани» включает в свой состав 82 лакуны. В наше время, когда практически никто в развитых странах не носит национальную одежду в повседневной жизни, а индустрия моды диктует свои законы по всему миру, тем самым объединяя людей по манере одеваться, можно говорить об определенной степени близости бытовой культуры русского и англо-американского этносов. В связи с этим данная тематическая группа представляет интерес, в первую очередь, потому, что подавляющее большинство русских лакун в данной номинативной сфере являются немотивированными:

отдельные предметы одежды (юбки, жакеты и т. п.), из которых можно составить ансамбль – ср. *separate*,

плотно облегающие клетчатые штаны – ср. *trews*,

свободная одежда для работы и отдыха – ср. амер. *lack suit*,

одежда из ткани, не требующей глажения после стирки – ср. *wash and wear*,

рубашка из грубой хлопчатобумажной ткани в узкую полосу или клетку – ср. амер. *hickory-shirt*,

блуза поверх юбки или брюк – ср. *overblouse*.

Исключения составляют лакуны, связанные с наименованием особенностей одежды, характерных исключительно для культуры англо-американского этноса, например:

головной убор с квадратным верхом (у англ. студентов и профессоров) – ср. *mortarboard*,

две белые полосы, спускающиеся с воротника (судьи, англиканского священника) – ср. *band*,

судейская шапочка, надеваемая при произнесении смертного приговора – ср. *black cap*,

парадная мантия английских пэров – ср. *rochet*.

Особую группу составляют лакуны, выявляющиеся в сфере наименований видов тканей:

непромокаемая ткань, постилаемая на земле (напр., в палатке) – ср. *groundsheet*,

материал для цветных носовых платков – ср. *pullicate*,

ткань, обработанная под кожу – ср. *leathercloth*,

материал для одеял – ср. *blanketing*,

плотная шерстяная ткань тускло-коричневого цвета – ср. *drab*, *ы* – ср. *broadcloth*.

13. Лакуны тематической группы «Флора и фауна» также весьма многочисленны – таких лакун нами выявлено 80. В этой группе лакунарны наименования предметов и явлений растительного и животного мира:

ползучее или низкорослое растение – ср. roundling,

узкая лесистая долина – ср. dene,

вспугнутая стая птиц – ср. flush,

олень-самец (старше 5 лет) – ср. hart,

осенняя паутина в воздухе – ср. gossamery;

наименования отдельных присущих представителям животного мира признаков:

рыжее пятно на белой шерсти лошади – ср. fleabite,

кольцо перьев или шерсти вокруг шеи у птиц и животных – ср. ruff,

длинные перья на шее петуха и некоторых других птиц – ср. hackle.

Выделяются также лакуны в сфере характеристики представителей животного мира по тому или иному признаку:

откормленная на убой свинья (особенно молодая) – ср. porker,

барашек после первой стрижки – ср. shearling,

заблудившееся домашнее животное – ср. waif,

собака, побежденная в драке – ср. underdog,

голубь, служащий для приманки других голубей – ср. stool pigeon.

В данной тематической группе выявляется также отсутствие наименований отдельных явлений природы:

гонимые ветром облака – ср. scud,

бури, возникающие в период равноденствия – ср. equinoctial,

яркие солнечные лучи, неожиданно появившиеся из-за туч – ср. sunburst,

падение метеорита – ср. iron-fall;

а также их проявлений:

последние тлеющие в золе красные угольки – ср. ember.

Следует заметить, что большинство лакун данной тематической группы являются немотивированными.

14. Русско-английские лакуны тематической группы «Речемыслительная деятельность» насчитывают 74 единицы.

Выявляются лакуны в сфере номинации слов и словарного состава языка:

заимствованное слово, вошедшее в употребление – ср. denizen,

слово, образованное только для данного случая – ср. nonceword,

совокупность условных знаков, применяемых для сокращенного выражения каких-либо понятий – ср. notation,
жаргон, в котором слова произносятся в обратном порядке – ср. back slang;
значений слов:
принятое значение слова – ср. acceptance,
народное, общеупотребительное название (растения и т. п.) – ср. vernacular,
неправильное употребление имени или термина – ср. misnomer;
а также осуществляемых над словами действий:
произнесение слова по буквам – ср. spelling.

Лакуны данной тематической группы также выявляют отсутствие в русском языке наименований некоторых устных и письменных выступлений и их тематики:

освещение вопроса с различных точек зрения – ср. cross-light,
агитация в пользу своего предложения – ср. sales talk,
актуальная проблема, являющаяся предметом постоянных споров и разногласий – ср. football,
освещение вопроса с различных точек зрения – ср. cross-light,
обмен мнениями, любезностями, колкостями и т. п. – ср. give-and-take;

отдельных характеристик речи и высказываний:
невнятная, нечленораздельная речь – ср. gibber,
протяжное произношение, медлительность речи – ср. drawl,
уклончивые речи, лицемерная болтовня – ср. double-talk,
резкое оскорбительное замечание – ср. snub,
обещание принять приглашение как-нибудь в другой раз – ср. rain check,

официальное, авторитетное заявление – ср. dictum.

Лакунарны в русской лексической системе наименования некоторых мыслительных процессов:

мысли, пришедшие в голову позднее, иное мнение или решение, возникшее по зрелому размышлению – ср. second thoughts,
туман в голове, отсутствие ясности в мыслях – ср. haze;
а также отдельных образов и впечатлений:
собственный воображаемый образ – ср. self-image,
мимолетное впечатление, быстро промелькнувшая перед глазами картина – ср. glimpse.

Лакуны данной группы также свидетельствуют об отсутствии в русском языке слов, характеризующих отдельные эмоциональные речевые реакции:

возгласы неодобрения по адресу неудачливого игрока (в крикет и др.) – ср. barracking,

свист как знак восхищения при виде красивой женщины – ср. wolf whistle,

громкое, восторженное выражение одобрения – ср. plaudit,

восторженная похвала – ср. accolade.

Заметим, что большинство лакун этой группы являются немотивированными.

15. Тематическая группа **«Жилье, помещения, территории»** включает 73 лакуны. Среди них выделяются лакуны, обнаруживающие отсутствие наименований видов жилищ:

современный одноэтажный дом – ср. амер. rancher,

дом на возвышенном, уединенном месте – ср. aerie,

домик на колесах – ср. camper,

фешенебельная квартира на крыше небоскреба – ср. penthouse,

жилище, предоставляемое сельскохозяйственному рабочему на время работы – ср. tied cottage,

плавающий дом; лодка или барка, приспособленные для жилья – ср. houseboat,

квартира с гостиничным обслуживанием – ср. service flat.

наименований территорий и отдельных мест:

территория для охоты – ср. chase,

огороженная территория, примыкающая к зданию (к церкви, колледжу и т. п.) – ср. precinct,

постоянное отгороженное место в церкви (занимаемое каким-либо важным лицом и его семьей) – ср. pew,

открытое место, где собирается публика – ср. concourse,

длинный узкий выступ территории между двумя другими территориями – ср. panhandle,

места для представителей печати (в парламенте, на съезде и т. п.) – ср. press gallery;

наименований помещений:

раздевалка на заводе, стадионе и т. п. со шкафчиками для личных вещей) – ср. locker room,

помещение для постоя – ср. billet,

застекленная терраса; комната с большим количеством окон, расположенная на солнечной стороне – ср. sun parlour,

комната для игр и развлечений (в квартире) – ср. rumpus room.

Отметим, что среди лакун данной тематической группы встречаются такие, которые выявляются на фоне не одной английской язы-

ковой единицы, а на фоне сразу двух, синонимичных между собой безэквивалентных единиц английского языка, ср.:

внутренняя часть страны, территория, удаленная от моря или границы; районы вглубь от прибрежной полосы или границы – ср. inland и hinterland;

часто посещаемое, любимое место – ср. haunt и stamping ground.

Представляется, что наличие подобных случаев может свидетельствовать о важности данных понятий для носителей английского языка, о высокой коммуникативной релевантности соответствующих лексем.

16. Русско-английские лакуны тематической группы **«Спорт»** насчитывают 65 единиц.

Лакунами представлены в русской лексической системе наименования участников спортивных состязаний:

сильнейший бегун в команде, который бежит на последнем этапе в эстафете – ср. anchorman,

участник состязания, занявший второе место – ср. runner-up,

игрок, ведущий мяч (в футболе) – ср. dribbler,

все участники состязания или все, за исключением сильнейших – ср. field,

участник кросса – ср. harrier,

спортсмен или команда, плохо выступивший(-ая) в соревновании – ср. booby;

наименования спортивных мероприятий:

игра в гольф между двумя парами – ср. foresome,

два матча, сыгранные подряд в один день теми же командами – ср. double header,

гребные гонки (в Оксфордском университете после рождественских каникул) – ср. torpids.

Отметим, что некоторые лакуны, отражающие наименования спортивных мероприятий, могут быть гиперонимами:

соревнования по легкоатлетическим видам спорта (исключая бег) – ср. field events.

Англичане известны своей страстью к скачкам и уделяют этому виду спорта большое внимание, не только принимая участие в соревнованиях, но и выращивая и поставляя лошадей на ипподром, делая ставки на скачках. В связи с этим очевиден ряд мотивированных для русского языка лакун, связанных со скачками:

скачки, после которых любая из лошадей может быть куплена – ср. claiming race,

лошадь, едва поднимающая ноги во время бега – ср. daisy-cutter,
человек, добывающий и продающий сведения о лошадях перед скачками – ср. tout,

ручная сигнализация помощника букмекера о ходе скачек – ср. tick tack.

17. Тематическая группа **«Игры и развлечения»** включает 56 лакун. В этой группе выделяется ряд лакун, относящихся к наименованиям видов развлечений, например:

увеселительная поездка или банкет на казенный счет – ср. амер. junket,

легкомысленные развлечения; беспутный образ жизни – ср. dissipation,

комплексная туристическая поездка или экскурсия (с одновременной оплатой полного обслуживания, включая проезд, гостиницу, питание, посещение зрелищных мероприятий и т. п.) – ср. package holiday,

(увеселительная) поездка на автомашине или самолете (без разрешения владельца) – ср. joyride,

ярмарка с аттракционами, балаганом и т. п. – ср. fun fair.

Под «развлечением» понимается «все то, что доставляет удовольствие; забава, потеха». Одной из важных составляющих концепта «проведение времени в свое удовольствие» являются игры, которые имеют большое значение не только в жизни детей, но и взрослых.

В данной тематической сфере в русском языке выделяется отсутствие номинаций различных игр и наименований оборудования для игр:

рождественская игра, в которой хватают изюминки с блюда с горящим спиртом – ср. snapdragon,

игра «заяц и собаки», в которой убегающие оставляют за собой бумагу как след – ср. paper chase,

метательное кольцо с острыми краями – ср. quoit,

род лотереи (мешок, откуда на удачу вытаскивают что-либо.) – ср. lucky dip.

Следует отметить небольшую подгруппу лакун, связанных с карточной игрой:

карта, открытая как козырь – ср. turn-up,

игральные карты с обозначением достоинства в правом верхнем углу – ср. squeezer,

часть колоды карт, не розданная игрокам – ср. stock,

карты, оставшиеся в колоде после сдачи – ср. talon.

Англичане всегда славились своей любовью к охоте и рыбной ловле, поэтому неслучайно в рассматриваемой группе отчетливо выделяется подгруппа русских лакун, связанных с этим видом времяпрепровождения:

свора гончих (на зайца) с охотниками – ср. harrier,
травля барсуков собаками – ср. badger-baiting,
охота на кабанов с копьем – ср. pigsticking,
занятия охотой, рыбной ловлей и т. п. – ср. field sports,
удочка с приманкой, поставленная на ночь – ср. night-line.

18. Тематическая группа **«Телевидение, радио, кино, театр»** охватывает 51 лакуну.

В рассматриваемой группе выделяются лакуны, связанные с наименованием театральных представлений:

одноактная пьеса, исполняемая перед началом спектакля – ср. curtain raiser,
инсценировка, живая сцена (представляющая исторический эпизод) – ср. pageant,
дневной спектакль или концерт – ср. matinee,
единственное представление и т. п. в данном месте – ср. one night stand.

Представляет интерес ряд лакун, имеющих отношение к кинобизнесу и театру:

принудительный ассортимент кинофильмов, навязываемый кинотеатрам кинопромышленниками – ср. block-looking,
закрытый просмотр фильма представителями проката и т. п.) – ср. trade show,
исключительное право театра на постановку пьесы – ср. stage right,
сеть кинотеатров, принадлежащих одному владельцу – ср. cinema-circuit.

В данной тематической группе выделяется также подгруппа лексем, описывающих радио- или телепостановки и программы:

короткий рекламный телевизионный фильм (обыкн. по кабельному телевидению) – ср. informercial,
увлекательный сериал или рассказ, частями передающийся по телевидению, радио – ср. cliff-hanger,
передача последних известий – ср. newscast,
одновременная передача одной и той же программы по радио и телевидению – ср. simulcast,

теле- или радиопрограмма, во время которой слушатели могут звонить в студию – ср. амер. call-in.

19. Количество лакун в тематической группе «Искусство» – 50. Лакун данной группы свидетельствуют об отсутствии в русском языке ряда номинаций в сфере музыки и изобразительного искусства. Здесь отчетливо выделяются лакуны, связанные с наименованиями музыкальных произведений:

коротенькая песенка с припевом – ср. roundelay,
веселая, живая песенка – ср. lilt,
хоровая матросская песня (которую поют при подъеме тяжестей и т. п.) – ср. chanty,

куплеты, исполняемые певцами поочередно – ср. troll;
концертов и фестивалей:

сольный концерт, концерт из произведений одного композитора – ср. recital,

концерт по абонементу – ср. subscription concert,
ежегодный фестиваль валлийских бардов – ср. eisteddfod;
танцев:

танец, исполняемый под джазовую музыку – ср. jazz,
народный танец в костюмах героев легенды о Робин Гуде – ср. morris;

видов произведений искусства:

абстрактная скульптура из металла или пластических масс с подвижными частями – ср. mobile,

картина, изображающая небо – ср. skyscape,
мозаичная работа в шахматную клетку – ср. tessellation,
гравюра на дереве – ср. xylograph;

памятников и выставок:

памятник архитектуры, охраняемый государством – ср. listed building,

выставка картин, представленных музеем на определенный срок – ср. loan show;

а также отдельных артефактов, связанных с исполнением музыкальных произведений и художественным творчеством:

деревянные духовые инструменты – ср. woodwinds,

тонкая кисть для акварели – ср. hair pencil,

кисть из волоса барсука – ср. badger,

тонкая доска, защищающая зеркало или холст картины с обратной стороны – ср. scaleboard.

Отметим, что в данной тематической группе присутствуют как мотивированные, так и немотивированные лакуны.

20. Лакуны тематической группы **«Здоровье»** охватывают 48 единиц. Здесь обращает на себя внимание отсутствие в русском языке лексем, обозначающих некоторые виды болей и повреждений организма:

боль в ногах у растущих детей, причина которой неизвестна – ср. growing pains,

болячка на отмороженном месте (особ. на пятке) – ср. kibe, *внезапная острая боль* – ср. pang и stab (в английском языке выявлено две безэквивалентные лексемы с таким значением);

а также наименований лекарств как средств избавления от болей и болезней и лекарственных доз:

средство, способствующее пищеварению – ср. digester,

четыре столовые ложки (лекарства) – ср. wineglassful,

доза жидкого лекарства – ср. draught.

В данную группу входят также лакуны, связанные с наименованием отдельных государственных здравоохранительных учреждений и программ по охране здоровья населения. В отличие от вышеприведенных лакун, эти лакуны являются мотивированными вследствие различий в форме организации инфраструктуры медицины в России и принципиально разного подхода к решению проблем в этой области:

федеральная система медицинской помощи неимущим (в США) – ср. Medicaid,

федеральная программа медицинской помощи престарелым в США – ср. Medicare.

21. Лакуны тематической группы **«Война и армия»** насчитывают 41 единицу. В этой группе выделяются лакуны, связанные с обозначением войны и военных действий:

«горячая» война, настоящая война (в противоположность «холодной войне» – ср. shooting war,

атака с бреющего полета – ср. strafe,

молниеносная атака с последующим отходом – ср. tip and run, *непрямое, неточное попадание; попадание близ цели (особ. о бомбах)* – ср. near miss;

видов оружия и их использования:

небольшой крупнокалиберный пистолет – ср. амер. derringer,

кривая турецкая сабля – ср. scimitar,

выстрел из обоих стволов – ср. right-and-left,

разрыв патрона в казенной части огнестрельного оружия – ср. backfire;

последствий военных действий:

помощь населению, пострадавшему от воздушной бомбардировки – ср. air raid relief;

правовое регулирование отношений между сторонами во время войны:

прекращение военных действий, короткое перемирие, прекращение огня – ср. armistice

охранное свидетельство, выдаваемое нейтральному кораблю во время войны – ср. sea letter,

обязательство пленных не участвовать в военных действиях – ср. parole,

право воюющей стороны на захват, использование или разрушение (с компенсацией) имущества нейтрального государства – ср. angary.

армейских действий:

обучение новобранцев строю – ср. squad drill.

В данной группе имеются как мотивированные, так и немотивированные лакуны.

22. Лакуны тематической группы «**Торговля**» включают 40 единиц и связаны с наименованием понятийных категорий, характеризующих товарно-денежные отношения. Лакуны данной группы связаны с номинацией различных способов привлечения покупателей:

усиленное рекламирование товаров, система навязывания товаров покупателю – ср. hard sell,

рекламные щиты, прикрепляемые спереди и сзади к несущему их человеку – ср. sandwich board,

надпись, вычерчиваемая в воздухе самолетом; воздушная реклама – ср. skywriting;

мест приобретения товаров:

большой магазин самообслуживания с автостоянкой (обыкн. в пригороде) – ср. hypermarket,

магазин, где товары продаются в рассрочку – ср. tally-shop,

однотипные магазины одной фирмы – ср. chain stores,

магазин дешевого готового платья – ср. slop-shop;

ассортимента товаров:

товар среднего качества, второсортный товар (особ. о муке) – ср. middlings,

товары отечественного производства – ср. domestic,

товары, не составляющие главный предмет торговли в данном магазине – ср. *sideline*.

Подавляющее большинство лакун данной группы являются мотивированными, поскольку рыночные отношения в России начали развиваться только в последнее десятилетие.

23. Русско-английские лакуны тематической группы **«Любовь и брак»** представлены 37 единицами. Здесь представляют интерес отсутствие наименования в русском языке некоторых особенностей брачной церемонии и видов брака:

оглашение в церкви имен вступающих в брак – ср. *banns*,

брак между убежавшими любовниками без выполнения формальностей – ср. *Gretna-green marriage*,

брак между людьми разных рас, национальностей и т. п. – ср. *intermarriage*,

смешанные браки, особ. браки между белыми и неграми – ср. *miscegenation*,

белый, женатый на индианке – ср. амер. *squaw man*.

Интересны также лакуны, связанные с предметной сферой процедуры и состояния развода как результата неудачного брака:

постановление суда о раздельном жительстве супругов, судебное разлучение – ср. *judicial separation*,

развод, даваемый мужем жене – ср. *repudiation*,

раздельное жительство супругов – ср. *separation*.

Целый ряд лакун связан с наименованиями взаимоотношений между полами:

интимный разговор в постели – ср. *pillow talk*,

страстная влюбленность, безрассудная страсть – ср. *infatuation*,

копроментирующая связь – ср. *entanglement*,

дама, оставшаяся без кавалера (на вечеринке, балу и т. п.) – ср. *wallflower*.

Отметим, что среди лакун данной группы встречаются как мотивированные, так и немотивированные.

24. **Обобщенно-предметные** лакуны насчитывают 35 единиц и представляют собой одну из самых интересных тематических групп.

Лакуны данной группы свидетельствуют об отсутствии в русской лексической системе характеристик с различных точек зрения и позиций целых классов предметов. Так, в русском языке отсутствуют

2
многие обобщенные оценочные единицы (как положительной, так и отрицательной оценки):

что-либо замечательное (по качеству, вкусу и т. п.) – ср. *standout*,

нечто, бросающееся в глаза, яркое, зрелищное – ср. *eye-catcher*,

что-либо противное, оскорбительное для глаза – ср. *eyesore*;

единицы, дающие характеристику чему-либо по составу:

что-либо, составленное из разнородных элементов – ср. *hybrid*,

разбросанная группа (предметов) – ср. *straggle*;

форме:

предмет, похожий на гусиную шею или изогнутый в виде буквы S – ср. *gooseneck*,

то, что упало или падает каплями (дождь, стекающий жир и т. п.) – ср. *droppings*,

что-либо, напоминающее клюв (крючковатый нос, носик сосуда, выступ на носу старинного корабля и т. д.) – ср. *beak*;

качеству:

что-либо, починенное на скорую руку – ср. *vamp*,

что-либо старое, выдаваемое в измененном виде за новое – ср. *hash*;

принадлежности:

никому не принадлежащая вещь – ср. *waif*,

то, что по использовании переходит в распоряжение подчиненных, слуг – ср. *-perquisite*.

Интересны также лакуны, выявляющие отсутствие названий предметов с точки зрения их сопоставимости с другими предметами:

что-либо (человек или вещь), дополняющее другое, хорошо сочетающееся с другим – ср. *counterpart*,

абсолютно несопоставимые вещи – ср. *disparate*;

с точки зрения совершаемого ими или над ними действия:

тот, кто или то, что наполняет или заполняет – ср. *filler*,

что-либо, прикрепленное за один конец, свешивающееся или развевающееся на ветру – ср. *flap*;

а также по физическим характеристикам (весу, количеству, объему, местоположению):

предмет весом в один фунт – ср. *pounder*,

масса, огромное количество (бумаги, напечатанного, написанного) – ср. *ream*,

незаполненная часть объема (бочки, резервуара и т. п.) – ср. *ullage*,

то, что лежит наверху корзины, ящика (обыкн. о фруктах) – ср. *topper*.

25. Русско-английские лакуны тематической группы **«Анатомия и физиология»** немногочисленны и насчитывают всего 26 единиц. Человеческое тело имеет одинаковое строение у всех народов, и физиологические потребности у разных народов примерно одни и те же, поэтому факт наличия подобного рода лакун представляет большой интерес. Лакуны данной предметной сферы связаны с номинацией особенностей строения человеческого организма:

наиболее чувствительные участки кожи (напр. под ногтями) –
ср. quick,

зуб неправильной формы или выдающийся вперед – ср. snaggle-tooth,

толстые щеки и двойной подбородок – ср. jowl,

морщинки в уголках глаз – ср. crow's -foot;

а также физиологических потребностей человека:

сон днем (особ. перед балом и т. п.) – ср. beauty sleep,

и проявлений жизнедеятельности организма:

легкая щетина, появляющаяся на лице (у мужчин) к концу дня –
ср. five o'clock shadow,

клейкое выделение во внутреннем углу глаза – ср. gum,

прилив крови к голове (при вращении) – ср. redout.

Все лакуны данной группы немотивированны.

26. Тематическая группа **«Вода и море»** также включает 26 лакун. Лакунарными оказываются в русском языке единицы, описывающие результаты воздействия моря:

земля, обнаженная отступившим морем – ср. reliction,

что-либо., выкинутое на берег волной, прибоем и т. п. – ср. wash-up,

сбир. то, что плавает; плавающие обломки после кораблекрушения – ср. floatage,

груз, товары, сброшенные с корабля при аварии (и прибитые к берегу) – ср. jetsam;

некоторые виды судов:

судно, перевозящее контрабандой спиртные напитки – ср. амер. rum-runner,

шлюпка с матросами, увольняемыми на берег – ср. liberty boat,
рыбачья лодка, сплетенная из ивняка и обтянутая кожей или брезентом (в Ирландии и Уэльсе) – ср. coracle;

артефакты, связанные с мореплаванием:

шлюзовые сооружения и механизмы – ср. lockage,

сирена, подающая сигналы судам во время тумана – ср. foghorn,

расписание приливов и отливов – ср. tide table;
местонахождение или движение корабля:
дрейф корабля в подветренную сторону – ср. leeway;
характеристику моря:
открытое море за пределами территориальных вод – ср. high sea(s),
ночное свечение моря, фосфоренция моря – ср. sea fire,
свечение моря в тумане – ср. sea-dog;
притоков рек:
проток реки, возвращающийся в ее же русло – ср. anabranch,
заболоченный рукав реки, озера или морского залива (на юге США) – ср. bayou;
потоков воды:
вода, отбрасываемая колесами цли винтом парохода – ср. backwash,
поток воды, приводящий в движение мельничное колесо – ср. millrace,
поток пресной воды, вливающийся в море – ср. freshet.
Наличие лакун данной группы в русском языке может быть объяснено не столь важной ролью моря для русских, как для народов Великобритании и США.

27. Тематическая группа **«Почта и телефон»** также охватывает 26 лакун.

В группе лакунами представлены:
наименования телефонных служб и звонков, сделанных по телефону:

вызов по междугородному телефону – ср. trunk call,
телефонный разговор с пригородом – ср. toll call.

В подгруппе почтовой связи фиксируется отсутствие наименований ряда видов писем:

письмо с благодарностью за гостеприимство после посещения гостей – ср. bread and butter letter,
анонимное оскорбительное письмо – ср. poison-pen letter,
местное, городское письмо – ср. амер. drop-letter,
письмо, отправленное авиапочтой – ср. aerogramme.

Интересно отсутствие единиц, называющих некоторые атрибуты почтовой связи:

машина для автоматического адресования почтовых отправлений – ср. mailer,
стоячий почтовый ящик – ср. pillar box
и виды почтовых пересылок:

заказ на высылку товара по почте – ср. mail order,
пересылка денег, багажа, товаров и т. п. с нарочным или через
посредство транспортной конторы – ср. амер. express.

Отметим, что большинство лакун данной группы являются немотивированными.

28. Обобщенно-понятийные лакуны насчитывают 25 единиц. В данной группе выявляются лакуны, обнаруживающие отсутствие названий целого ряда понятий, характеризующих действия человека:

внутреннее сопротивление, неприятие чего-либо – ср. hostility,

пользование какими-либо благами – ср. fruition;

причинно-следственные отношения:

что-либо, способствующее улучшению положения или состояния, средство к достижению цели – ср. stepping-stone,

появление в дополнение к чему-либо, за чем-либо, действие и т. п., возникающее как следствие другого – ср. supervention;

соотношение части и целого:

неотъемлемая часть целого – ср. integrant,

целое, отличающееся от суммы его составляющих – ср. gestalt.

Здесь также выделяются лакуны, связанные с обозначением явного или неявного выражения признака:

что-либо, имеющее первостепенное значение – ср. primary,

ценная или существенная часть чего-либо – ср. gut,

скрытая тенденция, не выраженное явно настроение, мнение и т. п. – ср. undercurrent,

слабые признаки надвигающегося скандала и т. п. – ср. whiff.

Интересно, что все лакуны данной группы являются немотивированными.

29. Лакуны тематической группы «Движение» насчитывают 24 единицы. Лакуны этой группы обнаруживаются в сфере обозначения видов движения:

резкое нетерпеливое движение – ср. flounce,

движение туда и обратно (поездов, автобусов и т. п.), маятниковое движение – ср. shuttle service;

понятий, связанных с перевозкой грузов:

перевозка грузов по воде – ср. waterage,

партия груза на один вагон – ср. carload;

путешествий:

долгое утомительное путешествие пешком – ср. tramp,

остановка в пути (с правом использования того же билета) – ср. stop-off,

проезд на палубе без права пользования каютой – ср. deck-passage.

Отметим, что среди лакун данной тематической группы встречаются как мотивированные, так и немотивированные.

30. Лакуны тематической группы **«Сельское хозяйство»** насчитывают 23 единицы.

В этой группе выделяются лакуны, обнаруживающие в русском языке отсутствие номинаций ряда артефактов, связанных с сельскохозяйственным производством:

приспособление, препятствующее выходу скота с пастбища на дорогу – ср. cattle grid,

ферма на полях орошения – ср. sewage farm;

характеристикой сельскохозяйственных угодий и домашних животных:

незапаханный конец поля – ср. headland,

бесплодные земли – ср. амер. badlands,

лошадь под седлом – ср. mount,

лошадь или собака с обрезанным хвостом – ср. bobtail.

Отдельные лакуны связаны с наименованием болезней сельскохозяйственных животных:

трещина на копыте у лошади – ср. sand crack;

а также продуктами животноводства и птицеводства:

скот, откормленный на убой – ср. fatstock,

яйца, на которых сидит курица – ср. clutch.

Отметим, что практически все представленные в данной тематической группе лакуны являются немотивированными. Сравнительно же небольшое количество лакун описываемой тематической группы может быть объяснено универсальностью понятий и лексики, связанных с сельскохозяйственным производством.

31. Тематическая группа **«Время»** включает 22 лакуны, характеризующие промежутки времени, а также дни и даты, являющиеся важными для носителей языка. Следует отметить, что временные отрезки, не имеющие лексического обозначения в русском языке, выражают, в основном, не периоды индивидуальной жизни человека, а временные промежутки, связанные с его социальной жизнью, например:

время в ресторанах (между ланчем и ужином), когда спиртные напитки продаются с большой скидкой – ср. амер. happy hour.

Отмечено также отсутствие единиц для обозначения временных промежутков между природными явлениями, например:

промежуток времени между двумя непосредственно связанными событиями (например вспышкой молнии и раскатом грома); отставание во времени – ср. time-lag;

для обозначения конкретных дней и дат, характеризующих знаменательные события (как общественные, так и личные):

событие, происходящее раз в три года – ср. triennial,

день, начинающий квартал года (срок платежей в Англии: 25 марта, 24 июня, 29 сентября и 25 декабря) – ср. quarter day,

день накануне открытия выставки (когда художники могут подправить картины, покрыть их лаком и т. п.) – ср. varnishing day.

Выделено также две лакуны, связанные с номинацией дат, используемых в письмах и документах:

дата, поставленная более поздним числом – ср. postdate,

дата, поставленная задним числом (особ. в письме) – ср. antedate.

Отметим, что входящие в данную группу лакуны являются как мотивированными, так и немотивированными.

32. Русско-английские лакуны тематической группы **«Жизнь и смерть»** представлены 21 единицей. Сравнительно небольшое количество лакун данной группы можно объяснить универсальностью самих понятий «жизнь» и «смерть». Представление о жизни, как о многообразном явлении, поражающем воображение, существует у всех народов.

Лакунами в русском языке представлены, тем не менее, некоторые номинации, характеризующие качество жизни:

жизнь в роскоши – ср. high life,

строгая регламентация жизни; строгая дисциплина и единообразие – ср. regimentation;

жизненные периоды:

пора юношеской неопытности; зеленая юность – ср. salad days,

тихий закат жизни – ср. Indian summer;

понятия, связанные с обозначением смерти:

смерть на костре, сожжение заживо – ср. stake,

Отметим, что большинство лакун данной группы является немотивированными.

33. Тематическая группа **«Город»** включает 20 лакун. Лакунарны в основном наименования различных городских районов:

пригородный район, заселенный зажиточными людьми – ср. exurb,

рай – где размещают новые промышленные и торговые предприятия – ср. trading estate;

наименования поселений, имеющих небольшое количество жителей:

город, имеющий почтамт – ср. post town,

поселок из нескольких хижин – ср. hutment;

различного рода характеристики улиц в городах:

улица или квартал дешевых баров, притонов – ср. амер. bowery,

узкая улица или переулок – ср. alley.

Особый интерес представляет лакуна, обозначающая стихийный рост городов за счет сельской местности и отражающая современную тенденцию урбанизации (ср. urban sprawl).

34. Русско-английские лакуны тематической группы **«Умения и навыки»** также включают 20 единиц. Эту группу составляют лакуны, связанные с обозначением различных способностей человека в сфере трудовой и умственной деятельности. Следует отметить, что подавляющее большинство лакун данной группы связано с обозначением уникальных, исключительных навыков людей в различных областях, например:

искусство фигурной стрижки деревьев – ср. topiary,

искусство организации публичных зрелищ – ср. showmanship,

умение пользоваться хитростью для того, чтобы добиться победы или преимущества в игре, искусство игры – ср. gamesmanship.

Только две лакуны из 20 связаны с отсутствием определенных умений:

неспособность к запоминанию – ср. irretention,

неумение приспособиться к окружающей обстановке – ср. maladjustment.

Лакуны данной тематической группы практически все являются немотивированными.

35. Тематическая группа **«Расстояние и количество»** состоит из 18 лакун.

Лакунарны отдельные наименования расстояний:

промежуток между тумбами у письменного стола – ср. kneehole,

расстояние, на котором слышен звук – ср. earshot;

и количества:

очень маленькое количество чего-л. – ср. stiver,

количество товара, которое можно купить за 1 пенни – ср. pennyworth.

Здесь также выделяется подгруппа лакун, связанных с наименованием и количественной характеристикой различных групп людей:

компания, группа из четырех человек – ср. foresome,

группа из пяти – ср. pentad.

Расстояние и количество – категории окружающего нас материального мира, являющиеся универсалиями, поэтому наличие лакун в этой сфере (все они являются немотивированными) вызывает особый интерес.

36. Русско-английские лакуны тематической группы **«Религия»** немногочисленны и насчитывают 16 лексем. Лакуны этой группы сигнализируют об отсутствии в русском языке отдельных наименований верующих:

прихожанин, который ходит в церковь по воскресеньям – ср. onser; артефактов, связанных с церковью:

перегородка, отделяющая алтарь от церкви – ср. rood-screen, *церковная скамья со спинкой* – ср. pew;

а также некоторых видов церковных служащих и рангов: *священник, совершающий богослужение* – ср. officiant, *ранг в церковной иерархии* – ср. holy order.

Отметим, что достаточно небольшое количество лакун данной тематической группы может быть объяснено широким распространением христианства на территории как англоязычных стран, так и России, и, как следствие этого – большим количеством интернациональной религиозной лексики.

37. Тематическая группа лакун **«Документы»** весьма малочисленна и насчитывает всего 14 единиц. Здесь выявляется отсутствие в русском языке номинации ряда отчетов:

официальный отчет о заседаниях английского парламента – ср. Hansard;

различного рода удостоверений:

грамота, документ о правах, привилегиях и т. п. – ср. muniment и видов документов:

документ с отрывным дубликатом – ср. indent.

Единичные лакуны данной группы демонстрируют отсутствие названий письменных обращений (петиция с подписями, расположенными кружком, чтобы скрыть, кто подписался первым – ср. round robin) и списков (список офицерского состава армии – ср. army list). Отметим, что большинство лакун этой группы являются мотивированными.

38. Русско-английские лакуны тематической группы **«Звук и свет»** составляют группу из 13 единиц. Лакунарны в русском языке некоторые номинации видов звуков:

резкий звук натянутой струны – ср. twang,

высокий короткий звук радиосигнала – ср. pip;

явлений экономии или отсутствия электроосвещения:

перевод летом часовой стрелки на час вперед с целью экономии электроэнергии – ср. daylight saving,

временное отсутствие электрического освещения вследствие аварии и т. п. – ср. blackout;

а также наименования предметов, выделяющихся на фоне света: *силуэт, фигура, образованные тенью на освещенном экране* – ср. shadowgraph,

очертание на фоне неба – ср. skyline.

Отметим, что среди лакун данной группы встречаются как мотивированные, так и немотивированные.

39. Тематическая группа **«Наука и техника»** представлена 11 лакунами. В данной предметной сфере русский язык не располагает номинациями для отдельных объектов научного изучения:

макет или модель в натуральную величину – ср. mock-up,

показания измерительного прибора – ср. meterage;

характеристик некоторых методов научного исследования:

применение десятичной системы – ср. decimalism

Отдельно выделяется подгруппа лакун, связанных с освоением космоса:

лётательный аппарат или космонавт, осуществляющий посадку на Луну – ср. moon-lander.

Наука и техника меньше, чем какая-то бы ни было другая сфера, являются национально ориентированными. В этом, на наш взгляд, заключается причина весьма небольшого количества русско-английских лакун данной тематической группы. Отметим, что две из одиннадцати лакун рассматриваемой группы связаны с космическими полетами на Луну, где США имеют приоритет (см. приведенную выше единицу moon-lander, а также moon shot – пуск ракеты в сторону Луны).

40. Тематическая группа **«Мечты, фантазии, сказки»** самая многочисленная, в ее состав входят только 7 лакун. Лакуны данной группы свидетельствуют об отсутствии в русском языке наименований магических сил:

таинственная злая сила – ср. gremlin;

а также сказочных персонажей и стран:

ребенок, оставляемый эльфами в сказках взамен украденного – ср. changeling,

сказочная страна изобилия и праздности – ср. lotus-land.

Выделяется также единичная лакуна несбыточная мечта, план, построенный на песке (ср. pipe dream). Думается, что немногочисленность лакун рассматриваемой тематической группы может

быть объяснена сходством желаний и устремлений народов различных стран, а также общностью их представлений о сказочном и сверхъестественном.

Отметим, что, как показывает проведенное исследование, одна и та же лексема может быть лакунарна в нескольких разных семемах, при этом разные лакунарные семемы могут входить как в одну, так и в разные тематические группы. Строго говоря, можно говорить о двух типах лакун – лакунарных лексемах и лакунарных лексико-семантических вариантах.

Представляет интерес отмеченное в ходе исследования наличие в ряде случаев синонимических рядов фоновых безэквивалентных единиц. Так, например, при отсутствии в русском языке соответствующей отдельной номинации, в английском языке отмечаются случаи существования безэквивалентных синонимичных единиц *call-up* и *induction*, обозначающих призыв на военную службу, или *essential* и *necessity*, обозначающих предметы первой необходимости.

В целом следует отметить, что явление межъязыковой лакуарности охватывает практически все тематические сферы языка.

Лакуарность и безэквивалентность языковых единиц представляют собой яркое проявление национальной специфики языковых систем. Лакуарность может сигнализировать об отсутствии в национальной концептосфере соответствующего концепта, однако отношения лакуна-концепт в действительности складываются сложнее.

Отсутствие стабильного языкового выражения для какого-либо концепта еще не свидетельствует о его отсутствии, так как концепты могут не иметь общеязыкового выражения в силу тех или иных причин:

они могут быть личными или принадлежать малой группе людей (тогда они будут иметь только личные или групповые названия, но не общеязыковые);

они могут не быть коммуникативно релевантными, то есть не нуждаться в силу тех или иных причин в обсуждении, хотя при этом остаются структурными единицами мышления.

Языковая объективация национального концепта может осуществляться лексемой, устойчивым сочетанием, фразеологической единицей, свободным словосочетанием, перечислением группы синонимов, объяснением (объяснительной дефиницией), целым текстом. К системным средствам относятся первые три способа.

Причины отсутствия для имеющихся концептов средств системной языковой объективации – предмет для исследования. Общая

причина, несомненно – отсутствие коммуникативной потребности, в результате чего не осуществлена номинация. Но отсутствие коммуникативной потребности тоже требует объяснения с позиций уклада жизни, менталитета, тематики общения и т. д. (это тоже предмет для исследования и выдвижения гипотез).

Национальная специфика концептосферы обусловлена *не национальным языком, а национальной действительностью*. Отсутствие лексической единицы (внутриязыковая или межъязыковая лакуна) не означает обязательного отсутствия в сознании народа соответствующего концепта.

Лексическая объективация по отношению к тому или иному концепту – вещь вовсе не обязательная. Наличие или отсутствие концепта никак не связано с наличием или отсутствием в языке номинирующих его единиц, так как концепты возникают как результат отражения действительности сознанием и зависят поэтому от действительности, а не от языка.

В системе языка номинируется все то, что является или становится в обществе предметом обсуждения, но вовсе не все то, что становится предметом мышления. Еще раз подчеркнем, что подавляющее количество наших мыслей, понятий, суждений совсем не предназначено для сообщения, они обслуживают исключительно сферу личного мышления.

Внутриязыковые лакуны существуют в языке при наличии в семантическом пространстве языка потенциальных семем и при наличии концептов в концептосфере. Внутриязыковые лакуны не сигнализируют об отсутствии концептов.

Вопрос, в какой мере межъязыковые лакуны в русском языке на фоне английского свидетельствуют об отсутствии соответствующих концептов в русской концептосфере, не имеет однозначного решения.

Мотивированные лакуны, как правило, свидетельствуют об отсутствии соответствующего концепта в русской концептосфере; что же касается немотивированных межъязыковых лакун, то их соотношение с концептами требует индивидуального анализа: они могут сигнализировать об отсутствии национального концепта, но во многих случаях немотивированная лакуна сосуществует с национальным концептом.

Соотношение немотивированных лакун с концептами требует индивидуального анализа с применением широкого круга сведений из разных наук – знания предметной области, к которой принадлежит лакуна, культурологических, психологических знаний, что представляется очень интересной и перспективной сферой для анализа.

Литература к главе III

1. Звегинцев В. А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М., 1968.
2. Мамаладзе Т. Несокрушимый Давид? // Литературная газета, 24 марта 1982.
3. Нестеров М. Н. Русская устаревшая и устаревающая лексика. Смоленск; Брянск, 1968.
4. Пулатов Т. Язык, автор, жизнь // Лит. обозрение, 1976, № 8.
5. Степанов Ю. С. Основы языкознания. М., 1966.
6. Степанов Ю. С. Французская стилистика. М., 1965.
7. Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
8. Частотный словарь русского языка / Под ред. Л. Н. Засориной. М., 1977.

Художественная картина мира в аспекте ее национального своеобразия

1. Художественная картина мира: индивидуально-авторское и национальное (*О. Н. Чарыкова*)
2. Национальное своеобразие метафоры формы в художественном тексте (*В. М. Топорова*)
3. Литература к главе IV

Теория перевода накопила множество наблюдений над национальным своеобразием отражения мира в художественных текстах. Проблема переводимости / непереводимости литературных произведений давно и широко обсуждается переводчиками.

Теоретические истоки этой проблемы лежат, на наш взгляд, в осмыслении художественной картины мира как одного из аспектов картины мира вообще. В главе первой мы уже отмечали, что художественный текст создает вторичную картину мира, причем «дважды вторичную» – она опосредована языком и индивидуально-авторской концептуальной картиной мира.

В данной главе мы предлагаем ряд соображений относительно природы художественного отражения действительности, соотношения в нем общечеловеческих, национальных и индивидуально-личностных составляющих.

В силу сложности и малой разработанности проблемы текстовые иллюстрации даны преимущественно на русском материале. В главе не столько предлагаются конкретные примеры национальной специфики художественных образов, сколько заостряется внимание на проблеме своеобразия именно художественного отражения мира. Полагаем, что эта глава может послужить импульсом для дальнейших исследований на материале разноязычных художественных произведений.

1. Художественная картина мира: индивидуально-авторское и национальное

Национальная картина мира – это целостная модель, свойственная определенному типу культуры, некий инвариант, проявляющий

себя через варианты: научную, религиозную, художественную и т. д. картины мира. Б. М. Кедров подчеркивает, что художественная картина мира, наряду с научной, социальной и психологической картинами, составляет существенную грань концептуального образа действительности (Кедров, 1986, 16–17). А. Б. Мигдал определяет художественную картину мира как некое единство на основе создания ее средствами различных искусств (Мигдал, 1986, 18). В литературе художественная картина мира запечатлена в текстах (Маглакелидзе, 1989; Торсуева, 1989). В качестве разновидности художественной картины мира многие авторы выделяют поэтическую модель, которая реализуется в поэтических текстах.

В тексте литературного произведения отражается восприятие и оценка окружающей действительности художником слова, осуществляется ее творческая интерпретация и воссоздание художественными средствами.

Как известно, текст представляет собой форму существования языковой личности. В философском плане личность рассматривается как самостоятельная активная сущность, вобравшая социально-исторический опыт человечества и осуществляющая себя в разных формах разумной жизнедеятельности (Жоль, 1984, 224–225). В личности осуществляется диалектическое взаимодействие объективного и субъективного. Объективно существующее общественное сознание создается, развивается и обогащается индивидами и функционирует только через сознание отдельных, конкретных людей. Как справедливо указывает Б. А. Серебренников, через индивидуальное бытие личности общество познает, понимает и преобразует мир (Серебренников, 1988, 174).

Отражение окружающего мира у отдельного индивида, несмотря на общность процесса мышления у всех людей, проходит через его личное сознание, формирующееся на основе личного опыта, психологических и физиологических особенностей. Однако индивидуальное мышление не является самодовлеющим. Общественное мышление пронизывает его, поскольку в обществе, к которому принадлежит индивид, уже сформировалось общественное сознание и общий язык. Индивидуальное мышление и речь неизбежно выступают как составная часть общественного мышления и языка.

Индивид как «самостоятельная активная сущность», реализующая себя через создание и восприятие речевых произведений (текстов), выделяется в современной лингвистической науке термином «языковая личность». Перефразируя Ф. де Соссюра, справед-

ливо считающего, что за каждым текстом стоит система языка, Ю. Н. Караулов не менее справедливо утверждает: «За каждым текстом стоит языковая личность» (Караулов, 1987, 5). Этот исследователь выделяет три уровня структуры языковой личности. Первый – грамматико-семантический. Он представлен ассоциативно-вербальной сетью, вбирающей в себя словарь и грамматику и позволяющей строить словосочетания и предложения, обеспечивая тем самым «горизонтальный контекст». Второй – когнитивный, репрезентируемый в виде иерархически организованного личностного тезауруса, который включает воплощенные в языковой форме знания и опыт индивида и отражает его языковую картину мира, обуславливающую «вертикальный контекст». Третий – мировоззренческо-прагматический – включает совокупность языковых средств для выражения мотивов, устремлений, интересов, интенциональностей и целей говорящего/пишущего, направленных на достижение заранее заданного воздействия на слушателя или читателя (Караулов, 1987, 37–58). Рассматривая последовательно единицы каждого уровня, указывает Ю. Н. Караулов, можно соответственно получить ответы на вопросы: *как* сказано, *что* сказано и *зачем*, *с какой целью*.

Несколько иначе представлена структура языковой личности в работе З. А. Кузневич. Она выделяет следующие уровни: а) лексико-семантический (лексикон); б) грамматико-семантический (грамматикон); в) мотивационный (прагматикон) и г) тезаурус. По ее мнению, тезаурус является самым высоким в иерархии уровней. Он управляет и лексиконом, и грамматиконом, и прагматиконом языковой личности (Кузневич, 1999, 5).

При некотором различии в подходах обоих авторов объединяет мысль о том, что речь индивида является средством репрезентации, а соответственно, и постижения его субъективной картины мира, то есть, как указывает Т. А. Голикова (1996, 7), возможно описание концептуальной картины мира индивида по результатам его речевой деятельности, в частности, по создаваемому им художественному тексту. Поэтому представляется вполне правомерным использование термина «языковая личность» при изучении художественной речи, поскольку автор художественного произведения в полной мере соответствует приведенному выше определению, проявляя себя через идиостиль, обусловленный индивидуальным видением мира и определенными мотивационно-прагматическими установками. Соотношение таких терминов описания, как «идиостиль / идиолект» – «образ автора» – «образ лирического героя» – «языковая личность», находится сегодня в центре внимания исследователей художественного текста.

Самым сложным для определения является понятие «образ автора». По справедливому мнению А. И. Горшкова, образ автора – важнейшая, определяющая категория словесного построения художественного произведения (Горшков, 1996, 252). Этой категории уделяли пристальное внимание такие известные филологи, как Г. А. Гувковский, В. В. Виноградов, М. М. Бахтин. Б. О. Корман указывает, что слово «автор» употребляется в нескольких значениях. Прежде всего, оно обозначает писателя, реально существующего человека. Когда, например, говорят: «Над романом «Евгений Онегин» автор работал с 1823 по 1830 год», – под словом «автор» подразумевают «биографического» А. С. Пушкина, родившегося в 1799 году и смертельно раненного на дуэли в 1837 году. В других случаях слово «автор» может означать некий взгляд на действительность, выражением которого является все произведение. Именно такой смысл приобретает оно в высказываниях типа: «Автор в лирике Некрасова – передовой русский человек 40 – 70 годов XIX века». Наконец, это слово используется для обозначения некоторых явлений, характерных для отдельных жанров и родов литературы. Так, когда анализируется эпико-повествовательное произведение, под словом «автор» понимают повествователя. При анализе лирики говорят об авторе, имея в виду особую форму выражения авторского сознания, отличную от лирического героя.

Б. О. Корман справедливо отмечает, что автор как некий взгляд на действительность, выражением которого является все произведение; автор-повествователь; автор как особая форма выражения авторского сознания в лирике, отличная от лирического героя, – все это явления различные, но родственные, ибо все они представляют собой художественные образы, что принципиально отличает их от автора биографического, который является не художественным образом, а живым, реальным человеком (Корман, 1999, 6). Следовательно, при анализе художественного текста необходимо прежде всего четко разграничить понятия: автор как реальное лицо, создавшее произведение, и автор как носитель художественного сознания, определенного взгляда на действительность, чья целостная духовная позиция в каждом фрагменте текста организует языковой материал по имманентным законам, определенным его интенцией в конкретном произведении (Виноградов, 1980, Бахтин, 1986). И совершенно бесспорным представляется тот факт, что в каждой из двух названных ипостасей автор являет собой отдельную языковую личность.

Столь же бесспорным является то, что между этими двумя языковыми личностями – сложное опосредованное диалогическое взаимоотношение. Б. М. Эйхенбаум подчеркивал, что ни одна фраза художественного произведения не может быть сама по себе простым отражением личных чувств писателя. «В этом смысле, – пишет он, – душа художника как *человека, переживающего* те или другие настроения, всегда остается и должна оставаться *за пределами* его создания». Но хотя писатель находится вне литературного произведения, оно с помощью целой системы образов, различного рода оценок и соответствующих языковых средств неизбежно отражает авторское видение изображаемого, авторскую модальность.

Языковая личность автора как носителя художественного сознания (именно в этом значении будет в дальнейшем употребляться термин «образ автора») чрезвычайно специфична и требует более глубокого и подробного рассмотрения. Б. О. Корман различает в литературно-художественном произведении объект речи и субъект речи. Под объектом речи он понимает все то, что изображается (люди, поступки, предметы, обстоятельства и т. д.), под субъектом речи – того, кто изображает и описывает, т. е. носителя речи. В любом художественном тексте, справедливо отмечает Б. О. Корман, каким бы объективным, «безличным» он ни казался, всегда в более или менее явном виде присутствует тот, кому принадлежит речь. Выбор субъектной формы всегда обусловлен идейной позицией и художественным замыслом (Корман, 1999, 7).

В прозаическом (эпическом) произведении каждый герой (персонаж, включая и рассказчика) представляет собой отдельную языковую личность. Рассматривая взаимоотношения автора и героев в романе полифонического типа, М. М. Бахтин указывает: «Самосознание как художественная доминанта в построении образа героя предполагает и радикально новую авторскую позицию по отношению к изображаемому человеку» (Бахтин, 1979, 6). При этом ученый настойчиво подчеркивает равноправие «голосов» героев с «голосом» автора, звучащих как бы рядом. Но это утверждение неоднократно подвергалось справедливой критике.

В частности, А. Б. Удодов считает, что в подобных произведениях автор вступает со своими героями в отношения диалога особого рода, каждый по-своему они в чем-то близки автору, но в чем-то чужды, подчас «оппозиционны» ему. Интегрируя в своей позиции эти различные моменты «близости», отталкиваясь от чуждого, автор выступает как организатор хора не слившихся, но и не отдельных го-

лосов; такой хор как единое и множественное целое и есть собственно «голос» самого автора – его точка зрения, его картина мира, ибо полифонизм чаще всего возникает в произведениях с определенно выраженной художественно-философской проблематикой, где ставятся основные вопросы человеческого бытия, на которые как раз и не может быть ответов, представляющих истины в последней инстанции (Удодов, 1990, 27). Следовательно, языковая личность автора сугубо специфична, она одновременно и целостна и дискретна, так как включает в качестве составных компонентов языковые личности героев произведения. И сам М. М. Бахтин, противореча изложенному выше собственному спорному постулату, в следующей цитате выражает мнение, соответствующее действительному, на наш взгляд, положению вещей: «От автора полифонического романа требуется не отказ от себя и своего сознания, а необычайное расширение, углубление и перестройка этого сознания... для того, чтобы оно могло вместить полноправные чужие сознания» (Бахтин, 1979, 86). Думается, что эти слова будут справедливы для любого эпического произведения.

Следовательно, образ автора как выражение концепции всего литературного произведения есть своего рода распределение «ролей» для воплощения замысла писателя и одновременно, образно говоря, «равнодействующая сила» его составляющих (повествователя, рассказчика, персонажей и т. д.). Поэтому автор никогда не равен ни писателю, ни повествователю, ни персонажу – это определяющее начало художественного произведения, воплощение его сути (смысла, структуры, изобразительных средств) и итог взаимодействия всех составляющих его компонентов. Выражением авторского замысла и воплощением в нем образа автора является в конечном счете вся система образов и языковых средств литературного произведения.

Указанная специфика языковой личности автора проявляется и в лирике, поскольку в этом роде литературы формами выражения авторского сознания могут быть как лирический герой, так и / или герой (персонаж) произведения, в свою очередь представляющие собой языковые личности *sui generis*. В свете всего выше сказанного представляется целесообразным разграничить термины «идиолект» и «идиостиль», соотнеся первый с языковой личностью героя, рассказчика, персонажа, а второй – с языковой личностью автора, художественное сознание которого воплощает индивидуальную картину мира, воссоздаваемую посредством специфического использования языка в эстетической сфере.

Как справедливо указывает А. С. Зорько (Зорько, 1989, 47), внутренняя индивидуальная модель мира автора, специфика видения им мира находит свое отражение на всех уровнях иерархически организованной структуры текста и обуславливает отбор именно таких элементов, которые по своим языковым свойствам являются наиболее действенными для отражения авторского понимания действительности, а также для реализации прагматических установок текста. Поэтому представляется возможным использование методов лингвистического анализа для выявления заложенной в тексте картины мира.

Представляется, что, наряду с термином «национальная концептосфера», обозначающим совокупность концептов, существующих в сознании определенного этноса, и наряду с термином «индивидуальная концептосфера», понимаемом как совокупность концептов, существующих в сознании отдельного представителя данной языковой общности, имеет право на существование и термин «концептосфера текста (дискурса)».

Концептосфера текста – это совокупность воплощенных в нем оперативных единиц человеческого сознания, которые принято называть концептами. Представляется интересным рассмотреть, чем определяется концептосфера художественного текста и какого рода единицы она может включать.

Во-первых, разумеется, это национальные концепты. Следует отметить, что автор художественного произведения включает в его концептосферу наиболее релевантные для него единицы национальной концептосферы, то есть такие, которые с максимальной полнотой отражают авторское восприятие мира и в максимальной степени соответствуют прагматическим задачам. Так, для Л. Н. Толстого с его пристальным вниманием к «диалектике души» чрезвычайно актуальным является включение в концептосферу произведения концептов, воплощающих эмоциональное состояние человека (и его динамику). При этом каждый герой связан с определенной группой концептов, репрезентируемых определенными лексическими единицами. Например, в романе «Анна Каренина» при сопоставительном анализе лексической структуры образов выявляется, что для выражения эмоционального состояния Анны Л. Н. Толстой использует 40 глаголов, называющих чувства, а для характеристики Каренина – всего 4.

Во-вторых, при использовании национальных концептов в художественном произведении автор может модифицировать их в соответствии со спецификой собственного мировосприятия и художественными задачами. Как могут проявляться подобные модификации?

1. Используя национальный концепт, автор акцентирует, выдвигает на первый план определенные признаки данного концепта, что при их лексической репрезентации делает возможным возникновение таких явлений, как контекстуальная синонимия и антонимия.

Например: «Есть, есть еще выход... *Затеряться* среди людей, *раствориться* в них, *исчезнуть*) ... *уподобиться*, *сравняться*...» — чем больше находил он смирения в глаголе, тем больше он устраивал его (А. Битов). Выделенные глаголы объединяет значение «стать незаметным», актуализированное в данном контексте, при этом семантические признаки, различающие данные глаголы, затушевываются, отходят на второй план, что позволяет рассматривать представленные лексические единицы как контекстуальные синонимы.

Не волнуйся, не плачь, не труди
Сил иссякших и сердца не мучай (Б. Пастернак)

В данном контексте глаголы и словосочетания вступают в синонимические отношения на основе общего значения «отрицательная эмоция».

Ни тоски, ни любви, ни обиды,
Все померкло, прошло, отошло...
Белый стан, голоса панихиды
И твое золотое весло (А. Блок).

Глаголы объединены общими семантическими компонентами «стать далеким», «перестать волновать».

С Россией кончено... На последях
Ее мы *прогапдели*, *проболтали*,
Пролузгали, *пропили*, *проплевали*,
Замызгали на грязных площадях,
Распродали на улицах: не надо ль
Кому земли, республик да свобод,
Гражданских прав? И родину народ
Сам выволоч на гноище, как падаль. (М. Волошин)

Выделенные глаголы объединены значением «потерять, утратить».

Этот семантический компонент актуализируется и в стихотворении А. Ахматовой, обуславливая функциональную синонимию причастий.

Все *расхищено*, *предано*, *продано*,
Черной смерти мелькало крыло,
Все голодной тоскою изглодано,
Отчего же нам стало светло?

Подобным образом возникает и контекстуальная антонимия. Появление контекстуальных антонимов является следствием не закрепленного общенародным употреблением индивидуально-авторского использования того или иного слова. Такого рода антонимы выражают не полярную противоположность референтов, а всего лишь релевантное для определенной речевой ситуации противопоставление. Вот примеры такой антонимии.

Люди, в общем,
Мало *просят*,
Но дают довольно много.

.....
Люди, в общем,
Мало *знают*,
Но они прекрасно чувствуют,
Если где-то распинают
И кого-нибудь линчуют. (Л. Мартынов)

Узуальным антонимом глагола давать является глагол брать, глаголы *знать* и *чувствовать* тоже не противопоставлены в системе языка, но в данном контексте выражают противоположные значения. Это становится возможным потому, что в семантической структуре лексемы *просить* в качестве потенциальной присутствует сема «приобщение объекта» (получать, приобретать), вступающая в отношение противопоставленности с интегральной семой семемы Д 1 глагола *давать* – «отчуждение объекта». А глаголы *знать* и *чувствовать* противопоставлены по семантическому признаку «рациональное / эмоциональное».

*Возникают, стираются лица,
Мил сегодня, а завтра далек.
Отчего же на этой странице
Я когда-то загнул уголок.* (А. Ахматова)

Языковым антонимом глагола возникать является глагол *исчезать*, а глагол *стираться* не имеет в системе языка полярно противопоставленной ему лексической единицы. Но в данном контексте стало возможным их противопоставление по семам «появляться / исчезать».

Возникновение контекстуальных синонимов и антонимов становится возможным потому, что нерелевантные для данной ситуации концептуальные признаки репрезентируемых этими лексемами концептов нейтрализуются, а на первый план выходят и вступают в отношения сходства или противоположности наиболее значимые для картины мира художника признаки единиц национальной концептосферы.

Фразеологическое сочетание *стынет кровь* имеет значение «испытывать чувство ужаса», а в сочетании с существительным *пруды* реализуется семема «затвердевать от мороза, превращаться в лед». В данном случае две семемы, выражаемые одной лексемой, вступают в антонимические отношения. В индивидуальном мировосприятии поэта два слоя многослойного концепта, репрезентируемого лексемой *стынуть*, противопоставляются по концептуальным признакам: состояние природы – эмоциональное состояние человека.

К приему сопоставления семем одной лексемы прибегает поэт и в следующем контексте:

Растет и крепнет ветра натиск,
Растут фигуры на ветру.
Растут и, кутаясь и пятась,
Идут вдоль волн, как на смотру.

В первом словосочетании репрезентируется значение «приобретать большую силу, крепость; усиливаться», во втором глагол выступает в качестве функционального синонима лексемы вырастать и имеет значение «показаться, возникнуть перед кем-л., чьим-л. взором».

Подобное столкновение в одном контексте лексико-семантических вариантов одной лексемы, обусловлено тем, что репрезентируемый данной глагольной лексемой концепт, актуализируясь в сознании художника, предстает комплексно и динамично, высвечивается одновременно несколькими своими гранями, уровнями, слоями. Специфика их соотношения между собой, как и наличие специфических концептуальных признаков, определяется индивидуальной картиной мира данного автора, отличительными особенностями его индивидуальной концептосферы.

3. В рамках концептосферы художественного текста автор может включать в национальный концепт индивидуально-авторские концептуальные признаки. Например, в лирике С. Есенина семантика авторского образа вбирает в себя семантику соответствующего общенародного наименования и обогащается дополнительными индивидуально-авторскими коннотациями. Так, концепт, репрезентируемый словом «клен», включает признаки национального концепта, представленные в словарной дефиниции (клен – дерево с широкими, у большинства видов фигурными листьями), а также индивидуально-авторские концептуальные признаки «подобный мужчине», «подобный коню или жеребенку»: «Стережет голубую Русь / Старый клен на одной ноге. », «Где-то на поляне клен танцует пьяный», «Как

будто бы на корточки погреться / Присел наш клен перед костром зари», «Клененочек маленький матке / Зеленое вымя сосет».

4. В художественном тексте могут репрезентироваться и такие индивидуально-авторские концепты, для которых нет обозначения в национальном языке. И тогда возможны три способа репрезентации подобных когнитивных единиц: а) описательный, б) при помощи индивидуально-авторского неологизма, в) посредством метафоры.

В качестве примера использования описательного способа для репрезентации индивидуально-авторского концепта можно привести контексты из романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина», где автор неоднократно прибегает к раскрытию сложных чувств своих героев способом развернутого описания. Вот несколько примеров:

«...он [Вронский] ...испытал неприятное чувство, подобное тому, какое испытал бы человек, мучимый жаждой и добравшийся до источника и находящий в этом источнике собаку, овцу или свинью, которая выпила и возмutilа воду».

«Теперь он [Каренин] испытывал чувство, подобное тому, какое испытал бы человек, спокойно прошедший над пропастью по мосту и вдруг увидавший, что этот мост разобран и что там пучина».

«Присутствие этого ребенка вызывало во Вронском и в Анне чувство, подобное чувству мореплавателя, видящего по компасу, что направление, по которому он быстро движется, далеко расходится с надлежащим, но что остановить движение не в его силах, что каждая минута удаляет его больше и больше от должного направления и что признать себе в отступлении – все равно, что признать в гибели».

Концепты, воплощающие эти чрезвычайно сложные чувства героев, не могут быть выражены одной лексемой. На это указывает сам Л. Н. Толстой в следующем примере: «Она [Анна] чувствовала, что в эту минуту не могла выразить словами того чувства стыда, радости и ужаса перед этим вступлением в новую жизнь и не хотела говорить об этом, опoшливать это чувство неточными словами».

И так же, как его героиня, не найдя в языке адекватно передающего данный концепт слова, автор прибегает к описанию.

Отсутствие в системе языка лексемы, адекватно репрезентирующей индивидуально-авторский концепт, может быть восполнено посредством лексемы-неологизма. Вот несколько примеров из поэзии И. Северянина.

Уже деревья *скелетуют*.
И румянеют, и желтеют.

Данная лексема выражает такой комплекс смыслов: теряют листья, оголяют ветки, открывая осто́в, вызывающий ассоциацию со скелетом.

О ты, чье сердце *крылит* к раздолью...

В лексеме совмещены значения: стремиться, лететь, как птица.

Фонтан, лук сабель влажно-певчих,

Ракетит ароматный жемчуг

И рассекает пополам.

Глагол передает значение: с силой выбрасывает вверх, заставляет лететь, как ракету.

Пьют вино, вдыхают лилии,

Цепят звенья пахитос...

Посредством данной лексемы передается значение: курят, выпуская колечки дыма, переплетающиеся между собой, словно цепь.

Опять звенит и *королеет*

Мой стих, хоть он почти старик!

Данный неологизм выражает значение «становиться сильным, могучим, прекрасным».

Кружевеет, розовеет утром лес.

Солнечные лучи, просвечивая сквозь листву, делают ее и отбрасываемую деревьями тень похожей на кружево.

В этих раскидистых кленах

Бурно *бравурит* Весна!

Ярко зеленеют, радостно качаются и шумят под весенним ветром верхушки кленов, радостно и громко, по-весеннему поют птицы.

Эти примеры показывают, что создание окказиональных лексем является чрезвычайно эффективным средством репрезентации индивидуально-авторских концептов.

И, наконец, концептосфера художественного текста включает авторские концепты-метафоры, образованные посредством совмещения концептуальных признаков двух концептов в одной, вновь сконструированной индивидуально-авторским сознанием оперативной единице или когнитивной структуре. Например: «Я *клавишей* стаю кормил с руки...» (Б. Пастернак). Таким образом, лексический состав того или иного художественного текста определяется использованием лексем, репрезентирующих концепты, отражающие индивидуально-авторское мировосприятие.

Ю. М. Лотман справедливо указывал, что всякий языковой текст упорядочен по парадигматической и синтагматической осям. Однако следует отметить, что между языковыми и текстовыми парадигмами существуют отличия. Языковые парадигмы систематизируют лексические единицы и «поставляют» по образному выражению Е. Г. Беляевской (Беляевская, 1992, 99) языковой материал для формирования текста, но парадигматические связи в пределах текста видоизменяются. Языковые парадигмы могут при этом учитываться в двух вариантах. Во-первых, для оценки смысла текста и отраженной в нем картины мира информативен выбор определенной единицы из множества возможных обозначений референта (то есть из парадигмы), поскольку автор выбирает элемент языковой системы, наиболее точно, по его мнению, соответствующий замыслу, и понять основания выбора можно, только зная значение остальных членов множества. Во-вторых, в тексте редко все слова принадлежат к разным лексическим парадигмам. В большинстве случаев даже на небольшом участке художественного текста встречается несколько единиц, принадлежащих одной тематической или лексико-семантической группе. Вероятно, в этом плане можно говорить о частичной реализации языковой парадигмы в тексте.

Кроме того, в художественном тексте могут возникать специфические лексико-семантические объединения. Так, в парадигматические отношения могут вступать и глаголы одного словообразовательного гнезда. В качестве примера можно привести отрывок из романа А. Белого «Петербург».

Николай Петрович Цукатов *протанцевал* свою жизнь; теперь уже Николай Петрович эту жизнь *дотанцовывал*; *дотанцовывал* легко, безобидно, не пошло...

Все ему *вытанцовывалось*.

Затанцевал он маленьким мальчиком; *танцевал* лучше всех... к окончанию курса гимназии *натанцевались* знакомства; к окончанию юридического факультета из громадного круга знакомств *вытанцевался* сам собою круг влиятельных покровителей; и Николай Петрович Цукатов пустился отплясывать службу. К тому времени *протанцевал* он имение; *протанцевавши* имение, с легкомысленной простотой он пустился в балы; а с балов привел к себе в дом с замечательной легкостью свою спутницу жизни Любовь Алексеевну; совершенно случайно спутница эта оказалась с громадным приданым, и Николай Петрович с той самой поры *танцевал* у себя; *вытанцовывались* дети; *танцевалось*, далее, детское воспитание, — *танцевалось* все это легко, незатейливо, радостно.

Он теперь *дотанцовывал* сам себя.

В этом примере чрезвычайно оригинально используются семантические и деривационные свойства глагола. В первом предложении словосочетание *протанцевал свою жизнь* совмещает в себе прямое и метафорическое значение. Глагол *дотанцовывать* в данном случае представлен в переносном употреблении. Далее идет развернутая метафора, опирающаяся на значение исходной основы, причем главная семантическая нагрузка падает на приставки, поскольку значение глагола обуславливается прежде всего значением префикса. Таким образом, в рамках данного текста создается специфическая семантико-деривационная парадигма.

Доминантная для художественного стиля эстетико-коммуникативная функция обуславливает преобразования, которые претерпевает системно-языковое множество в условиях художественного дискурса. Мысли об особой лексико-семантической организации художественной речи и соответственно образовании особых лексических множеств издавна высказывались в работах Г. О. Винокура, Ю. Тынянова, Б. А. Ларина, В. В. Виноградова. Возникновение специфических лексических объединений в художественном дискурсе обусловлено принципом функциональной эквивалентности. Поэтому в рамках художественного текста выявляются функциональные синонимы, функциональные антонимы, о которых говорилось ранее, и функционально-текстовые группы.

Под функционально-текстовой группой понимается объединение лексических единиц, по своему основному значению тяготеющих к разным ЛСГ, но в рамках данного текста выполняющих общую функцию. Отдельная функциональная группа слов обычно содержит в качестве ядра набор элементов (или хотя бы один элемент), реализованный основной ЛСГ, но к ним «притягиваются» единицы из других языковых групп, объединенные функционально и связанные общей семой, которая обеспечивает целостность группы. В качестве примера можно привести группу глаголов, обозначающих эмоциональное состояние субъекта, в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Вот как дано описание эмоционального состояния Анны: «Она села к письменному столу, но вместо того, чтобы писать, *сложив руки на стол, положила на них голову и заплакала, всхлипывая и колеблясь всей грудью, как плачут дети*».

В результате анализа рассматриваемого объединения глаголов можно выделить в его структуре три основные подгруппы. Первую составляют единицы, непосредственно обозначающие чувства: бояться, сердиться, любить, волноваться, скучать и т. д. Именно они

образуют ядро рассматриваемого лексического объединения. В большинстве своем такие глаголы однозначны. Например: гневаться – «испытывать, проявлять чувство гнева», грустить – «испытывать чувство грусти, печалиться, тосковать». В непосредственной близости от ядра располагаются глаголы второй группы – обозначающие внешнее проявление эмоций: плакать, смеяться, улыбаться, хмуриться и т. д. Эти глаголы тоже в большинстве своем моносемичны. Третью группу составляют глаголы различных ЛСГ, выполняющие в данных текстах функцию выражения эмоционального состояния персонажа. Многие из них употреблены в производном значении.

В художественном повествовании прямой способ наименования эмоционального состояния используется гораздо реже, чем проективный (Верещагин, Костомаров, 1982, 60), заключающийся в том, что удивление, радость, страх и другие чувства не называются, а передаются через описание их внешних проявлений. «Подобно тому, как объемный предмет может быть изображен в проекции на плоскости не в трех, а только в двух измерениях, так и психологическое состояние проецируется на экран телодвижений и симптомов, на так называемый соматический язык» (там же, 63). Глаголы эмоционально-жестовой семантики являются важным средством воплощения авторского стремления к наглядности, конкретности, «зримости» художественного образа и составляют большую и разветвленную группу. Они содержат указания на собственно жест, мимику, выражение взгляда, интонацию, позу, телодвижения, а также различные синкретические явления (смутился, опешил). То есть в художественном произведении для выражения эмоционального состояния персонажа широко используется соматический язык.

Движения глаз и мышц лица обычно называют мимикой, а все другие телодвижения – жестами. Используется также термин «кинема». Под кинемой понимают любое законченное (имеющее определенную структуру, способ исполнения и столь же устойчивое значение) и самостоятельное (отличное от другого) мимическое или жестовое движение (Ахманова, 1966, 195). Причем, как справедливо указывают Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, имеется в виду коммуникативное, значащее поведение (по Вундту) – оно или произвольно выводит вовне внутреннее душевное состояние человека или с его помощью коммуниканты сознательно передают информацию друг другу (Верещагин, Костомаров, 1981, 37). Для выражения кинем в языке могут использоваться глаголы разных лексико-семантических групп. Указания на жест, эмоциональное состояние часто со-

проводятся указаниями на различные волеизъявления, оценки и т. д. (возмутился, позеленел от злости).

Чрезвычайно интересное явление было отмечено академиком В. В. Виноградовым. В результате возникновения устойчивости определенных глагольных словосочетаний, называющих эмоциональное состояние, а также естественной связи речи и жеста и указаний на них глагол получает способность вбирать, впитывать в себя свое окружение. Так, многие глаголы, служащие для выражения эмоционального состояния, «первоначально употреблялись с добавочной образной характеристикой протекания чувства, но в дальнейшем они «впитали» в себя эту образность, и она перестала ощущаться» (Виноградов, 1977, 81). Это такие глаголы, как трепетать, изводиться, колебаться, успокаиваться и т. д.

Все выше сказанное объясняет факт появления в художественном тексте функционально-текстовых глаголов, связанных общей семой.

Таким образом, парадигматика художественного текста, отражая парадигматику языковой системы, отличается специфическими модификациями парадигм, которые обусловлены индивидуально-авторским восприятием и являются формой экспликации индивидуальной модели мира в художественном произведении через принципы классификации и группировки концептов и установление зависимостей между ними.

Поскольку в процессе порождения художественной речи осуществляется и коммуникативная, и эстетическая функция языка, то синтагматические отношения в художественном тексте обусловлены закономерностями формирования целостного речевого единства, направленного на реализацию авторского замысла и обеспечения соответствующего этому замыслу воздействия на получателя информации. Специфической особенностью художественного текста является то, что в нем наряду с узуальной сочетаемостью слова проявляется его окказиональная сочетаемость. Поскольку концепт репрезентируется лексемой, а концептуальные признаки могут быть соотнесены с семами, то рассмотрение окказиональной сочетаемости глагола в художественном тексте позволяет выявить специфику индивидуально-авторских когнитивных структур.

В качестве примера можно рассмотреть объектную лексическую сочетаемость глагола *ломать* – *сломать*, который имеет следующий состав сем – «каузировать не быть, нарушая конструктивную организацию, тела с твердой структурой; сгибать, нажимать, действуя двумя или несколькими разнонаправленными силами». Как ок-

казиональные воспринимаются сочетания данного глагола в следующих контекстах:

С чувством горечи и удивления следил Павел, как *ломается*, казалось, так крепко *сколоченная дружба* (Н. Островский).

В этом примере окказиональным является и употребление причастия от глагола *сколотить*, который имеет производно-номинативное значение «изготовить, прибывая что-либо к чему-либо, соединяя части гвоздями, шипами». В сочетании *сколотить дружбу* утрачиваются семантические компоненты «прибывая что-либо к чему-либо» и «соединяя части гвоздями, шипами», но актуализируются потенциальные семы «прочность» и «постепенность», которые наряду с семой «созидание» обуславливают трансформацию семы в первичную коннотативную. Поэтому вполне оправданным становится употребление в данном сочетании антонимичного глаголу *сколотить* глагола *ломать* в семемном статусе K1.

*Прозрачная весна над черною Невой
Сломалась, воск бессмертья тает. О. Мандельштам*

В этом контексте посредством необычного сочетания передается образная картина: прозрачный весенний воздух над темной водой Невы утрачивает свою прозрачность, приобретая темный цвет, и как бы сдвигается, изменяя очертания, что вызывает ассоциацию с нарушением целостности, переломом.

Сема «нарушение целостности» актуализируется и в следующем примере: *Толпа сорвалась, криком сломана...* (В. Маяковский). Кроме того, в данном контексте актуализируются семы «изменение формы» и «резко, внезапно», что позволяет передать специфическое, индивидуально-авторское представление ситуации.

Таким образом, нестандартную сочетаемость следует рассматривать как одно из свойств художественного текста. Это объясняется тем, что в художественном тексте совмещаются две тенденции: с одной стороны – стремление к понятности, а следовательно, к регулярности используемых средств, что проявляется в узуальном словоупотреблении и узуальной сочетаемости (так осуществляется коммуникативная функция), с другой – к выразительности, образности (так осуществляются эстетическая и прагматическая функции языка).

Если узуальная сочетаемость репрезентирует общенациональную когнитивную структуру, то окказиональная – индивидуально-авторскую, которая возникает вследствие *специфического* соотношения национальных концептов, результатом которого становится *сле-*

цифическая организация концептуальных признаков данной когнитивной структуры. Посредством индивидуальных концептов и индивидуального характера их соотнесения автор выражает *уникальный* взгляд на репрезентируемую в художественном тексте ситуацию. Частотность индивидуальных сочетаний, их функциональная нагрузка обуславливают своеобразие идиостиля и отражают специфику индивидуальной картины мира художника слова.

Нестандартная сочетаемость является средством создания художественного образа. Одним из важных параметров художественного идиостиля является выявление системы тропов. Наиболее интересным и важным среди них является метафора. Она «органически связана с поэтическим видением мира» (Арутюнова, 1990, 16), так как репрезентирует такое изменение объективного факта, которое выражает определенное восприятие действительности и/или определенное отношение к ней. Особый интерес представляет глагольная метафора. Как уже указывалось, метафора во внешнем своем проявлении представляет собой нестандартное сочетание лексических единиц. Специфика глагольной метафоры обусловлена конструктивными возможностями глагола как части речи. Согласно известной концепции Л. Теньера, глагол, обладая несколькими валентностями, представляет собой ядро высказывания, содержит ситуацию в свернутом виде, т. е. определяет позиционную схему предложения. Зависимые от него члены делятся на актанты – левые (субъект) и правые (объект) – и ситуанты, т. е. обстоятельства (адвербы).

Поэтому при изучении глагольной метафоры значимыми являются не только концепты, репрезентируемые на лексическом уровне, но и синтаксические концепты, к которым Г. А. Волохина и З. Д. Попова относят означаемые позиционной схемы – пропозиции (Волохина, Попова, 1999, 4). По справедливому мнению Ю. С. Степанова, в глагольном слове фиксируется некоторый семантический признак, и «места» для имен, и семантические признаки имени деятеля, а иногда и имени объекта (Степанов, 1981, 19). Следовательно, можно утверждать, что в предложении осуществляется взаимосвязь лексической и синтаксической семантики, проявляющаяся через изосемию (термин Г. А. Золотовой) лексических и синтаксических средств и заключающаяся в том, что синтаксические валентности должны быть замещены лексемами, репрезентирующими концепты, семантически соотнесенные с синтаксическим концептом, представленным позиционной схемой данного предложения. Нарушение изосемии является способом создания глагольной метафоры.

Рассмотрение с этой точки зрения окказиональной сочетаемости глагола позволяет выделить следующие структурные типы глагольной метафоры.

1) Метафора, обусловленная нарушением изосемии в позиции левого актанта, когда данная позиция замещается существительным, обозначающим субъект, который с точки зрения обыденного сознания не может совершить действие, названное глаголом. При этом позиции правых актантов и ситуантов не нарушают норм сочетаемости. Например:

«На пятые сутки под вечер *Простуда* моя *улеглась*» (С. Есенин); «Еще *весна* таинственная *млела*...» (А. Ахматова). Поскольку метафоризирующую функцию в данном случае выполняет субъект, метафору такой структуры можно назвать субъектной и представить следующим образом:

S метаф. – V – O и/или Adv.

2) Метафора, обусловленная позицией правого актанта. Этот тип глагольной метафоры репрезентирует ситуацию, в которой субъект может совершить действие, названное глаголом, но нереален объект действия. Например: «*Похороним* вместе *молодость* мою...» (С. Есенин); «Я *гощу* у смерти *белой*...» (А. Ахматова). В подобных контекстах метафоризирующую функцию выполняет объект, поэтому метафора является объектной и имеет следующую схему:

S – V – O метаф.

3) Метафора, обусловленная позицией ситуанта, когда нереальны обстоятельства действия. Например: «И в *глазах* завяли *маргаритки*...» (С. Есенин). Такую метафору можно назвать *адвербиальной* и представить следующей схемой:

S – V – Adv метаф.

4) Метафора создается за счет того, что все валентности глагола замещаются актантами и/или ситуантами, невозможными с точки зрения обыденного сознания, то есть метафоризирующую функцию выполняют все конstituенты данного предложения, что делает нереальной всю ситуацию в целом. Например: «*Васильками* *сердце светится*, горит в нем *бирюза*...» (С. Есенин). Сердце является объектом, неспособным излучать свет, и излучение не может осуществляться в виде растений. Такую метафору можно назвать *поликонституентной* или *ситуативной* и представить следующей схемой:

(S – V – O и/или Adv) метаф.

Указанные типы метафор выявляются в языке (солнце садится, дни бегут, впасть в отчаяние, сойти с ума, пуля вошла в грудь) и

в художественном тексте (как поэтическом, так и прозаическом). В структурном плане в основе образования и языковой и художественной глагольной метафоры лежит единый механизм, то есть их позиционные схемы строятся по одному образцу и могут быть сведены к трем указанным ранее основным типам. Различия обусловлены характером концептов и спецификой их соотношения в метафорической структуре. Если языковая метафора репрезентирует общенациональную когнитивную структуру, дает национальное осмысление экстралингвистической ситуации, то художественная метафора посредством индивидуальных концептов и индивидуального характера их соотношения кодирует *уникальный* взгляд на представленную ситуацию.

В плане рассмотрения соотносительной частотности того или иного типа метафоры в языке и художественном тексте представляется, что в языковой системе наиболее частотной является субъектная метафора, поскольку отражает такое свойство человеческого сознания, как антропоцентризм, а наименее частотной – ситуативная, так как репрезентирует сугубо специфичное восприятие мира. Применительно к художественному тексту ситуативная метафора является если не самой частотной, то самой важной, наиболее наглядно репрезентируя *уникальный* взгляд на мир.

Чрезвычайно релевантными для постижения художественного мировосприятия автора являются такие факторы, как преобладающий тип глагольной метафоры и направление метафоризации.

Учет степени активности существительных, входящих в состав глагольной метафоры, и их семантические характеристики позволяют выявить группу концептов, составляющих основу индивидуальной концептосферы автора произведения, поскольку сознание в процессе восприятия мира учитывает прежде всего те чувственные образы и их компоненты, которые наиболее существенны для индивида. В формирующейся при этом когнитивной структуре выделяются, подчеркиваются одни элементы и опускаются, затеваются другие. Сформированный в сознании концепт отражает наиболее существенные с точки зрения индивидуума стороны явления и специфику его восприятия, которая, как правило, определяется эмоциональным состоянием реципиента и его целевой установкой. Следовательно, глагольная метафора наиболее полно отражает индивидуальную художественную картину мира, поскольку репрезентирует творческое видение экстралингвистической ситуации в совокупности ее компонентов, отражает специфику ее пре-

ломления в сознании художника, а потому играет особую роль в воплощении и восприятии идеи произведения.

Таким образом, художественный текст является отражением языковой личности автора и воплощает индивидуально-авторскую модель мира. Это становится возможным в результате использования языка в его эстетической функции. Соотношение национальной и художественной картин мира диалектично, поскольку национальные концепты являются неотъемлемой частью индивидуальной концептосферы, репрезентированной в любом художественном тексте, а когнитивные единицы индивидуально-авторского мировосприятия в свою очередь входят в национальную концептосферу, создавая так называемые фоновые знания данного языкового коллектива.

2. Национальное своеобразие метафоры формы в художественном тексте

Исследование метафоры формы в поэтическом тексте, в контексте его содержательно-образной энергетики позволяет выявить как типологические особенности метафорической концептуализации мира на базе актуализации признака формы, так и черты индивидуального восприятия формы, образного строя мышления автора, которые обуславливают особенности его индивидуального стиля.

Поэты характеризуются своим особым далеко не равнозначным отношением к внешней форме предметов. Характерным для одних является созерцательность, описательный способ представления мира. Соответственно, предметная образность у них имеет особую значимость. Сила стихов других – не в зрительных образах, а в звучании, в ритмике стиха, как, например, у М. Цветаевой. У одних абстрагированные пространственные образы вступают в яркую метафорическую игру смыслов, как, например, у П. Когана (Я с детства не любил овал, Я с детства угол рисовал) или у И. Бродского (Певец ломаных линий), в образной ткани стихов других наблюдаются лишь незначительные конфигурационные вкрапления. Считается, что лирика, несущая сильный эмоциональный заряд, это – в основном безобразная поэзия. Предмет поэтической рефлексии в лирике – эмоциональное состояние героя, передача которого осуществляется посредством оперирования не столько предметными образами, сколько психологическими понятиями, выражаемыми абстрактной эмоционально окрашенной лексикой. Однако при этом вниматель-

ный анализ литературных текстов позволяет выявить гораздо большее число случаев семантической актуализации образов формы, чем это кажется на первый взгляд. Часто актуализируются и геометрические образы, выступающие в функции составляющих разнообразных ментальных композиций, связанных с метафорической актуализацией выражаемых в поэтическом тексте смыслов.

Исследования показывают, что концепт «форма» содержательно связан со многими фундаментальными концептами человеческого сознания: время, движение, развитие, количество, качество, жизнь, судьба и т. п. Отличительной особенностью поэтического текста является метафорическое развёртыванием пространственного образа в сфере психологической реальности.

Очень ёмким и широко представленным в художественной семантике является образ круга, присутствующий практически у всех поэтов и писателей в силу онтологической связанности образа вращения в целом с самой категорией бытия:

Не сетуйте: таков судьбы закон;
Вращается весь мир вокруг человека, —
Ужель один недвижим будет он?

А. Пушкин. Была пора: наш праздник молодой...

Характерно, что круг как метафора бытия, один из важнейших символов древнего сознания (ср. макрокосм, микрокосм), вполне соответствует и мироощущению современного человека. Символика круга сохраняет свою значимость и широко используется в различных областях искусства для выражения общезначимых культурных смыслов.

Образ круга связан с репрезентацией в сознании концепта «жизнь, жизненный путь»:

... я видел свет,
Кружился долго в нём на воле.

А. Пушкин. Кокетке

Ты, не участвуя в волнениях мирских,
Порой насмешливо в окно глядишь на них
И видишь оборот во всём кругообразный.

А. Пушкин. К вельможе

Один идёт прямым путём.
Другой идёт по кругу
И ждёт возврата в отчий дом,
Ждёт прежнюю подругу.

А. Ахматова. Pro domo mea

Выбор мой труден и беден,
И тусклый простор безучастен.
Стыну – и взор мой победен.
И круг мой обыденный страстен.

О. Мандельштам. Медленно урна пустая...

Душа – постоянный объект художественно-образной рефлексии поэта, который улавливает тончайшие оттенки и колебания человеческих чувства. И пространство жизни поэта – это пространство душ людских; владеть ими, проникать в их тайны – удел и дар поэта:

Нам дар один на долю выпал:
Кружить по душам, как метель.
Грабительница душ! Сей титул
И мне опущен в колыбель.

М. Цветаева. Та же молодость, и те же дыры...

Кружа по душам людей, душа и самого поэта «как камень, в воду брошенный / всё расширяющимися кругами...» (Большими тихими дорогами...).

Образ круга, кругового движения занимает очень важное место в художественном мире М. Цветаевой. Актуализация образа круга у М. Цветаевой связана с выражением разноплановой семантики, наблюдается и в предметном, и в чисто психологическом контексте, но всегда при этом в той или иной мере просвечивает метафорический ореол лексемы «круг»:

Умыслы сгрудились в круг (Провода)

Круг перепродажи и переуступок (Земные приметы)

Элементы зрительного восприятия перерабатываются в эмоционально-оценочной плоскости. Так, в «Стихи о Москве» круг, ассоциируемый с частью городского пространства, маркированного наличием нескольких храмов, приобретает особого рода оценочно-символическое звучание:

*Пятисоборный несравненный круг,
Прими, мой древний, вдохновенный друг.*

Лексема «круг» встречается в контексте метафорической передачи эмоционального впечатления от глаз человека:

Два зарева! – нет, зеркала!
Нет, два недуга.
Два серафических жерла,
Два чёрных круга.

Глаза

Всё мерещатся мне дивные
Тёмных глаз твоих круги.
Мы с тобою – неразрывные,
Неразрывные враги.
Молодую рощу шумную...

Характерно метафорическое представление глаз скорее как впечатления от взгляда, а не со стороны описания формы. При-
знак «круглый» актуализируется как ассоциативный элемент воз-
никающего образа:

Вас притягивали луны
Двух огромных глаз.
Слишком розовой и юной
Я была для Вас!
Мальчиком, бегущим резво...

Номинация формы или конфигуративного элемента формы все-
гда связана у Цветаевой с актуализацией семы оценки, то есть при-
знак формы выступает в функции физиогномического знака. В случае
представления внешних черт лица их конфигурация может выражать
эмоциональное состояние, характер человека, а также особенности
эмоционального впечатления, производимого им на другого.

Так, лексема «круг» используется в сравнительной конструкции
для актуализации сем «завершённость», «цельность» при характе-
ристике автором собственного восприятия человека – объекта все-
поглощающего чувства любви:

Ты – как круг, полный и цельный.
Цельный вихрь, полный столбняк.
Я не помню тебя отдельно
От любви. Равенства знак.
Послесловие

На ассоциативной игре смыслов, воплощаемых предметным об-
разом круга – кольцом, и метафорически переосмысливаемого поня-
тия круга строится семантика стихотворения «П. Антокольскому». Железное кольцо – талисман – оградит, замкнёт непроницаемым для
стрел Амура железным кругом мир того, кому его дарят, навсегда
сохраняя присущее герою его железное спартанство:

Дарю тебе железное кольцо:
Бессонницу – восторг – и безнадёжность.
Чтоб не глядел ты девушкам в лицо,
Чтоб позабыл ты даже слово: нежность.

Вот талисман тебе от красных губ,
Вот первое звено в твоей кольчуге,
Чтоб в буре дней стоял один – как дуб,
Один как Бог – в своём железном круге.

Художественное мышление порождает окказиональные ассоциации пространственного образа и индивидуально-авторские формы языковой репрезентации выражаемых смыслов. Так, «Стихи о сироте» рисуют с присущей творческому почерку Марины Цветаевой страстностью, во всей широте слияния души с миром, «круг объятья», в который свиваются и руки, и плечо, обнимающий камень; и горы, и реки, и горизонт. Образ круга возникает в разнообразных предметных модификациях (*кругозор гор, гранитная корона скал, круг клумбы, круг колодца, круг горизонта; река, разошедшаяся на две, чтобы остров создать – и обнять*).

При этом на фоне воссоздаваемого в стихотворении эмоционального накала чувства ещё более трагично звучит мотив одиночества – всеобъемлющего, законченного, полного и непреодолимого. Так, образ круга трансформируется в «круговую поруку сиротства» и «круглое одиночество».

Характерно, что в творчестве различных поэтов образ круга получает своеобразное семантическое развитие и особые смысловые обертоны. Так, у О. Мандельштама с реализацией концепта «круг» связана идея «возвратности» к самому себе (см.: Топоров, 1995):

И так устроено, что не выходим мы
Из заколдованного круга.

Я в хоровод теней, топтавших нежный луг...

Эта же идея выражена у О. Мандельштама посредством актуализации других предметных образов – универсального символа возвратности – змеи, жалящей себя в хвост, а также растительного символа – плюща:

В самом себе, как змей, таясь,
Вокруг себя, как плющ, вясь,
Я поднимался над собою, –
Себя хочу, к себе лечу,
Крылами тёмными плещу, расширенными над водою...

В самом себе, как змей, таясь...

Идея возвратности к самому себе как возврата в круг подсознания (хор од теней) выражена в строках стихотворения «Я в хоровод теней, топтавших нежный луг...»:

Я в хоровод теней, топтавших нежный луг,
С певучим именем вмешался,
Но всё растаяло, и только слабый звук
В туманной памяти остался.
Сначала думая я, что имя – серафим,
И тела лёгкого дичился,
Немного дней прошло,
И я вмешался с ним
И в милой тени растворился.

Примечательно использование сочетания «неба круг» в контексте биологически окрашенного (характерного для О. Мандельштама) эмоционального восприятия денотата. Круг неба ассоциируется с недугом: И неба круг мне был недугом. («Не сравнивай; живущий несравним...»). В контексте реализации концепта «небо» понятие «недуга» выражает ощущение полной всепоглощённости этим надземным миром, его первозданностью. Поэт ощущает эту первозданность: ... слабых звёзд я осязаю млечность... («Нет, не луна, а светлый циферблат...»). Он ощущает «уколы звёзд»: Последней звезды безболезненно гаснет укол... («За то, что я руки твои не сумел удержать...»).

Что, если, вздрогнув неправильно,
Мерцающая всегда,
Своей булавкой заржавленной
Достанет меня звезда?

Я вздрагиваю от холода...

В своём духовном и телесном существовании поэт сопричастен космическому.

В художественной семантике пространственный образ круга в статике и динамике актуализируется при метафорической репрезентации концептов «время» и «вечность». Имплицитно эта ассоциация присутствует в одном из ключевых образов концептуально-метафорической системы поэзии О. Мандельштама – «Луна – циферблат»:

Нет, не луна, а светлый циферблат
Сияет мне, и чем я виноват,
Что слабых звёзд я осязаю млечность?
И Батюшкова мне противна спесь:
»Который час?» – его спросили здесь,
А он ответил любопытным: «Вечность»

Нет, не луна, а светлый циферблат...

Циферблат трансформируется семантически в «круг минут»:

И лихорадочный больной, тоской распятый,
Худыми пальцами свивая тонкий жгут,
Сжимает свой платок, как талисман крылатый,
И с отворачиванием глядит на *круг минут...*

Пусть в душной комнате, где клочья серой ваты...

Движение времени ассоциируется с образом катящегося предмета, совмещающего цикличность и поступательность пространственного перемещения: Как тяжёлые *бочки*, спокойные катятся дни. (О. Мандельштам. Золотистого мёда струя из бутылки текла...).

Прошлое разворачивается в памяти в виде кругообразного движения – развёртывания веера:

И раскрывается с шуршаньем
Печальный веер прошлых лет...

Меганом

Образ круга может актуализировать географически локализованное пространство: Круг Флоренции (Мандельштам); Круг Сибири (Пастернак).

Довольно часто в художественной метафоре актуализируется значение круга как совокупности лиц (предметов, объединённых общими целями и признаками, и символические признаки круга «замкнутость», «ограничение»:

Наш век на земле быстротечен
И тесен назначенный *круг...*

А. Ахматова. Читатель.

Не должен быть очень несчастным...

Как вышедшие из тюрьмы,
Мы что-то знаем друг о друге
Ужасное. Мы в *адском круге*,
А может, это и не мы.

А. Ахматова. В Зазеркалье.

При этом иногда явно прослеживается идея круга как микрокосма:

Окно и ночь и пульсом бьющий иней,
В ветвях – в узлах височных жил. Окно,
И синий лес висячих нотных линий,
И двор. Здесь жил мой друг. Давным-давно
Смотрел отсюда я за *круг Сибири*,
Но друг и сам был городом, как Омск
И Томск, – был *кругом войн и перемирий*
И *кругом свойств, занятий и знакомств.*

Пастернак. Окно, пюпитр и, как овраги эхом...

При реализации семемы «группа объединённых общностью каких-либо черт — интересов, взглядов, образа жизни, социального положения и т. д. «обычно в тексте присутствует какая-либо эмоциональная оценка этого объединения, которая выражается сочетаемым с лексемой «круг» прилагательным; как например, у А. Пушкина в приводимых ниже стихотворных фрагментах:

Увянет! Жизнь молодую
не долго наслаждаться ей;
Не долго радовать собою
Счастливый круг семьи своей...
Увы! зачем она блистает...

Не пей мучительной отравы;
Оставь блестящий, душный круг...
Когда твои молодые лета...

Блажен в златом кругу вельмож
Блажен в златом кругу вельмож...

Оставя шумный круг безумцев молодых,
В изгнании моём я не жалел о них...
Чаадаеву

Иногда проступает метафорически и собственно пространственный образ круга:

Ей нет соперниц, нет подруг;
Красавиц наших бледный круг
В её сиянье исчезает.
Красавица

При метафорическом использовании лексемы образ круга задаётся как бы в двух направлениях — «качественно» (в силу эмоционально-эмпирической оценки) и «количественно» (поскольку предполагаются условия ограничения вхождения в данный круг). Такая количественная ориентация явно проступает в строках стихотворения «Портрет»:

С своей пылающей душой,
С своими бурными страстями,
О жёны севера, меж вами
Она является порой
И мимо всех условий света
Стремится до утраты сил,
Как беззаконная комета
В кругу расчисленном светил.

В метафорическом контексте может актуализироваться трансформационный образ круга, связанный с различного рода мысленными трансформациями эмпирического плана:

Прошли лета соединения;
Разорван он, наш верный круг.
Разлука

Важную роль в художественной семантике играют предметные актуализаторы образа круга и вращательного движения, в частности «кольцо», «обруч»:

А счастье катится как обруч золотой.

О. Мандельштам.
Я в хоровод теней, топтавших нежный луч...

Актуализироваться может и образ беспорядочного, хаотично-кругового движения, которое часто ассоциируется с ульем, роем, метелью:

Кружить по душам, как метель
Цветаева

Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы, что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.
А. Пушкин. Бесы.
Мчатся тучи, выются тучи...

В конторе сломанные стулья,
На шиллинги и пэнсы счёт;
Как пчёлы, вылетев из улья,
Роятся цифры круглый год.
О. Мандельштам. Домби и сын.

Сложное движение, совокупность множества движений, включающих повороты, ассоциируется с танцем и игрой:

Как застыл тревожной жизни танец
О. Мандельштам.
... Ты прошла сквозь облако тумана

Я вздрагиваю от холода –
Мне хочется онеметь!
А в небе танцует золото –
Приказывает мне петь.
О. Мандельштам.
Я вздрагиваю от холода...

Вода холодная течёт,
Крутятся, играя, как зверёныш.

О. Мандельштам. Грифельная ода

При актуализации статичного образа спирали у лексемы «спираль» возникают семемы Д2 (конкр.) «предмет, имеющий форму спирали» (часто при обозначении проволоки, пружинки такой формы): Спираль накаливания. Электронагревательная спираль. При актуализации динамического образа возникает семема Д2 (конкр. постабстр.) «траектория движения тела»: Знакомо ли вам это чувство: когда на аэро мчишься ввысь по синей спирали, окно открыто, в лицо свистит вихрь... (Замятин. Мы.)

В образе спирали получила наглядное метафорическое воплощение идея развития (прорыв из круга) при актуализации признака «возврат в исходную точку на ином (более высоком) уровне, без замыкания круга», в то время как «замыкание круга» означает остановку в развитии: Спираль роста цен. Историческая спираль развития идей. (Здесь реализуется семема К I).

Интересны окказиональные авторские ассоциации, проявляющиеся в художественном тексте. Так, например, в стихотворении И. Бродского «Речь о пролитом молоке» актуализируется как признак спирали функция соединения, объединения:

Душу зятанут большой вуалью.
Объединят нас сплошной спиралью...

В художественном тексте может актуализироваться «манипуляционный» образ спирали (свёрнутая спираль), раскрученная спираль, даже замкнутая спираль). Спираль – это символ развития, становления, свёрнутая спираль – это образное воплощение потенции развития, становления: Так, говорится – поставить точку. В человеческой судьбе точка – это свёрнутая спираль, это – праатом, из которого вырастает новая Вселенная (Д. Гранин. Зубр).

Спираль может быть раскручена, как пружина в граммофоне. Раскрученная спираль – это «прямая», путь, устремлённый в пространство:

Но чем ближе к звезде, тем всё меньше перил;
у квартир –
вид неправильных туч, заражённых квадратностью,
тюлем,
и версте, чью спираль граммофон до конца раскрутил,
лучше броситься под ноги взапуски замёрзшим стульям.

Бродский. Bagatelle

Так же, как раскрученная спираль переходит в «прямую», так и «замыкание» спирали образует «круг», символизируя остановку в движении, т. е. прекращение поступательного движения, развития:

Историческая спираль развития идей, о которых сейчас идёт речь, на новом качественном уровне временно замкнулась в работе (точнее, в учебнике) «Курс физической географии...» (Забелин. Путешествие в глубь науки).

Образ винтового движения составляет основу метафорического употребления ряда лексем, актуализирующих этот образ. Так, в выражении «самолёт вошёл в штопор» реализуется семема «фигура высшего пилотажа – падение по винтовой линии». Пространственные параметры винтового движения актуализируют в исходном значении глаголы «сверлить», «винтить», «взвинтить» и т. п. Глагол «сверлить», актуализирующий образ вращательного движения с перемещением по «прямой». Употребляется в метафорическом значении при описании пристального «сверлящего» взгляда:

Впереди был S – мрачно, молча, быстро высверливая глазами ко-
лодцы во мне, в моём кресле, во вздрагивающих у меня под рукой ли-
стках (Замятин. Мы).

Аналогично используется и лексема «буравчик» (буравчики глаз, буравить глазами): И сверкнули глаза – два острых буравчика, быстро вращаясь, ввинчивались всё глубже, и вот сейчас довинтятся до самого дна... Буравчики достали во мне до дна, потом, быстро вращаясь, взвинтились обратно в глаза... Я за секунду провинчен серыми, холодными буравчиками глаз... (Замятин. Мы).

Глагол «взвинтить» актуализирует образ винтового движения с перемещением вверх при реализации семемы «возбудить, напрячь в сильной степени: «взвинтить нервы» – говорится о высокой степени нервного напряжения (возбуждения); «взвинтить цены» – означает «повысить». Таким образом, при актуализации образа винтового движения могут актуализироваться параметры «движение вниз» и «движение вверх» (с переходом на новый уровень).

В особую группу лексем, актуализирующих образ винтового движения, можно выделить словообразующее гнездо глагола «вить»: виться, завиваться(ся), навить(ся), ввить, виток, завито, витой, развить(ся), развитие.

Глагол «вить» в исходном значении – «изготавливать, скручивая, сплетая или плетя» – во фразеологическом употреблении связан с характеристикой области отношений между людьми и используется

в выражении «вить верёвки из кого-н. », реализующем семему «распоряжаться кем-н. по своему усмотрению». Глагол «виться» (в исходном значении – «расти завитками» (о плюще, кудрях) означает в производном значении «кружиться, крутиться, изгибаться»:

В метафорическом употреблении глагол «виться» используется при описании явлений психологической реальности:

Я ехал к вам: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И месяц с правой стороны
Сопровождал мой бег ретивый.
Пушкин. Приметы

Царица муз и красоты,
Рукою нежной держишь ты
Волшебный скипетр вдохновений.
И над задумчивым челом,
Двойным увенчанным веком,
И вьётся, и пылает гений.

*Пушкин. Княгине З. А. Волконской.
Среди рассеянной Москвы...*

Различают два омонимичных глагола «развить», выражающих «непространственный» и «пространственный» смысл. При этом значение лексемы «развитие» возводят к первому глаголу. Вместе с тем достаточно явно просматривается связь понятия «развитие» и с семантикой второго глагола «разделить, распрямить часть чего-н. свитого, свившегося». Соответственно, «развиться» означает «стать прямым». В семантике данных лексем актуализируется образ «распрямления» свитого как спиралеобразного движения. Этот образ может быть соотнесён с процессом выведения чего-л. из зачаточного (свёрнутого) состояния, раскрытия потенций развития чего-н.: так раскрывается бутон цветка.

Образ винтового движения актуализируется в семантике лексем «клубок», «моток», «свиток». Клубок и моток актуализирует два образа – шарообразного тела и динамический образ наматываемого, сматываемого и разматываемого клубка, раскатывающегося мотка:

И по комнате, точно шаман, кружа,
я наматываю, как клубок,
на себя пустоту её, чтобы душа
знала что-то, что знает Бог.

Бродский. Как давно я топчу, видно по каблуку...

Образ сматывающегося и разматывающегося клубка возникает при описании мыслительного процесса:

Как ни хаотичен был вихрь мыслей, роившихся в его голове в течение этих долгих часов, их, собственно, было два круга, два неотвязных клубка, которые то сматывались, то разматывались (*Б. Пастернак. Доктор Живаго*).

В концептуализированном представлении данные образы воплощают развёртывание и сворачивание линии в пространстве посредством спирального движения. А если такое «свёрнутое» состояние ассоциировать с «точкой», то мы получим модель пространственного развёртывания точки в линию и свёртывания линии в точку.

«Свиток» актуализирует образ пространственного развёртывания линии в плоскость. В контексте развёртывания психологической реальности этот образ возникает у Пушкина (Воспоминание):

Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток.

Кругообразное вращение с перемещением ввысь воплощает образ «вихря» («порывистое круговое движение ветра» – в Д1). Лексема «вихрь» употребляется также в переносном значении для обозначения стремительного развития событий или смена следующих друг за другом событий, а также для обозначения активной деятельности:

Так, вихорь дел забыв для муз и неги праздной,
В тени порфирных бань и мраморных палат
Вельможи римские встречали свой закат.

Пушкин. К вельможе

Вихревое движение ассоциируется с процессом мышления:

Обрывки мыслей неслись вихрем и крутились колесом, почти стуча, как испорченная машина. (*Пастернак. Доктор Живаго*).

Вихревое движение воды, воздуха именуется лексемой «завихрение», которая также используется для обозначения странности, путаницы в мыслях, в рассуждениях (завихрение мозгов, шутол. разг.).

Образ вихревого движения ассоциирован с эмоциональной накалённостью восприятия мира. Не случайно в творческом почерке Марины Цветаевой важное место занимает образ вихря. В стихотворении «Поэт» встречается образ «гривастой кривой», воплощающий конфигурации и вихря, и пены морской, и волны, символизи-

руя путь поэта, подобный пути кометы – непредсказуемый, взрывчатый и вихревой.

Таким образом, модель винтового движения в сознании человека обладает большой ассоциативной базой и предметно-образной представленностью.

В художественной семантике особую смысловую нагрузку несёт оппозиция «прямой»/ «кривой» (прямая – ломаная). Так, в «Поэме лестницы» М. Цветаевой воплощается динамический образ прямой, побеждающей «ломанность» унижения и лжи. Униженная вещь хочет выпрямиться:

Винт чёрной лестницы –
Мнишь – стенкой лепится?
Ночь: час молитвенностей:
Винт хочет *вытянуться*.
Высь – вещь надёжная.
В вещь – честь заложена.
Ложь вижу выломанной
Пря – мою *линию*.
Прочь, *ложь и ломанность*.

Так же, как «ломанность» есть символ лжи, униженного состояния, отрицательные коннотации несёт признак «кривизны» при характерном употреблении лексемы во множественном числе. В стихотворении Цветаевой «Деревья» кривизна – это разброс, несовершенство, хаос:

Древа вещая весть!
Лес, вещающий: – Есть
Здесь, над *сбродом кривизн* –
Совершенная жизнь:
Где ни рабств, ни уродств,
Там, где все во весь рост,
Там, где правда видней:
По ту сторону дней.

Аналогично в стихотворении «Поэма заставы» кривизна – это символ хаоса, неистинности человеческих отношений, лжи и т. п.:

А покамест ещё в тенетах
Не увязла – *людских кривизн*,
Буду брать – труднейшую ноту,
Буду петь – последнюю жизнь.

Интересно, что у И. Бродского в стихотворении «В распутицу» лексемой «кривизна» обозначается весенний разброд в природе:

Не то чтобы весна,
а вроде.
Разброд и кривизна.
В разброде
древни — все подряд
хомая.
Лишь полный скуки взгляд —
прямая.

В стихотворении И. Бродского «В горах» изломы гор ассоциируются с изломами собственной жизни и судьбы героя

Снизив речь до хрипоты,
уподобить не впервой
наши ребра и хребты
ихней ломаной кривой.

Вместе с тем оценочная маркировка членов бинарной оппозиции прямой / кривой может меняться на противоположную в зависимости от многих факторов, в том числе от предметно-смыслового контекста, прагматической направленности описания и т. д. Так, при реализации метафорической оппозиции прямой / кривой признак «отклонение от прямой линии» получает разновекторное контекстуально-семантическое звучание как «отклонение от нравственных норм», например, во фразеологизме «идти, пойти по кривой дорожке», в отличие от совсем иного значения в контексте метафорической репрезентации идеи нонконформизма, бунтарского духа бескомпромиссной творческой личности:

... Я, певец дребедени,
лишних мыслей, ломаных линий, прячусь
в недрах вечного города от светила.

И. Бродский. Римские элегии

Это какая улица?
Улица Мандельштама.
Что за фамилия чёртова! —
Как её не вывёртывай,
Криво звучит, а не прямо.
Мало в нём было линейного,
Нрава он не был лилейного,
И потому эта улица,
Или, верней, эта яма —
Так и зовётся по имени
Этого Мандельштама.

О. Мандельштам. Это какая улица...

В художественном тексте дополнительное семантическое развитие получает образ «дуги» (части кривой). Так, образ дуги имеет особую значимость у О. Мандельштама в контексте стихов о сочинительстве.

Здесь актуализируется эмпирическая ассоциация образа дуги с признаком «напряжение» (натяжение), соотносимого с образом натянутого лука. Особый смысл этот образ имеет в «Восьмистишиях» в контексте описания процесса поэтического творчества. В «Восьмистишиях» поэт употребляет выражение «дуговая растяжка», раскрывающее семантику дуги. Дуга символизирует творчески-созидающее напряжение, формообразующий момент:

Люблю появление ткани,
Когда после двух или трёх,
А то четырёх задыханий
Придёт *выпрямительный* вздох.
И так хорошо мне и тяжело,
Когда приближается миг,
И вдруг *дуговая растяжка*
Звучит в бормотаньях моих.

Здесь, как это отмечает и Н. Я. Мандельштам, даётся описание момента появления стихов: в бормотаниях, подсказанных внутренним голосом, появился ритм – «дуговая растяжка». (Мандельштам 1990).

Необходимо отметить употребление лексемы «дуга» в контексте репрезентации различными авторами понятия «жизненного пути». Так, образ дуги выступает у О. Мандельштама символом пути:

Я обращался к воздуху-слуге,
Ждал от него услуги или вести,
И собирался плыть, и плавал по дуге
Начинающихся путешествий.

Не сравнивай: живущий не сравним...

У Б. Пастернака метафора «дуга бытия» встраивается в семантическое пространство метафоры «круг бытия»:

Чтоб, музыкой хлынув с дуги бытия
В приёмную ринуться к вам без доклада.
Я – мяч полногласья и яблоко лада.
Вы знаете, кто мне закон и судья.

Баллада. Бывает, курьером на борзом...

В художественном тексте разнообразное преломление находит семантика образа угла. Лексема «угол» используется для обозначения отдалённой местности:

Зима приближается. Сызнова
Какой-нибудь угол медвежий
По прихоти неба капризного
Исчезнет в грязи непроезжей.

Б. Пастернак. Зима приближается

При этом могут использоваться различного рода определения угла, усиливающие экспрессивную образность семемы «отдалённая местность»: ... *в глухоманном углу* Северной Адриатики (И. Бродский).

Угол может получать нетрадиционную предметную проекцию:

И плывёт углами неба
Восхитительная мощь
О. Мандельштам.

Улыбнись, ягнёнок гневный с Рафаэлева холста...

При актуализации образа «края фигуры» угол может выполнять функцию структурирования, упорядочивания вообще любого пространства, в том числе пространства психологической реальности:

Стал мигать обвал сознания:
Вот, казалось, озарятся
Даже те углы рассудка,
Где теперь светло, как днём!

Б. Пастернак. Гроза, моментальная навек

В контексте поэтических произведений А. Пушкина лексемы «угол», «уголок» используются при обозначении пространства «непарадного», интимного мира героя, пространства непосредственного обитания, противостоящего угрожающему, холодному, чужому внешнему миру:

В простом углу моём, средь медленных трудов,
Одной картины я желал быть вечно зритель...

Мадонна

И сон, и сладостный пока,
Как прежде посетили снова
Мой угол тесный и простой.

Я ускользнул от Эскулапа...

Приветствую тебя, пустынный уголок.
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья...

Деревня

И жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где *их* уголок?
Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?
Цветок

Семема лексемы «угол» «место обитания» приобретает у И. Бродского ярко выраженную абстрактно-геометрическую маркировку (актуализируется на основе абстрактно-геометрической схемы угла):

Два угла в основании треугольника – два места обитания земного, где годами будет копиться «скраб мыслей одиноких, хлам невысказанных слов», устремляемых в вершинный угол:

Жизнь требует найти от нас
то, чем располагаем – угол.
Вот место нашей встречи. Грот
заоблачный. Беседка в тучах.
Приют гостеприимный. *Род*
угла; притом, один из лучших
хотя бы уже тем, что нас
никто там не застигнет...

Это то, что дано надолго, навсегда. И это «как бы форма брака» для двоих, разлученных также навсегда,

... ибо сам Эвклид
при *сумме двух углов* и мрака
вокруг ещё один сулит;
и это как бы форма брака.

Пенье без музыки

В стихотворениях И. Бродского, актуализирующих образы геометрических объектов, вырисовывается образ пространства как особого рода идеальной конструкции. По сути это – изображение психологического пространства, пространства внутреннего мира, реконструируемого с помощью геометрических образов. Характерно и упоминание имени Эвклида как маркера этого абстрактного пространства. В модели Бродского это прежде всего семантическое пространство разлуки:

Как две *прямых* расстятся в точке,
пересекаясь, простимся. Вряд ли
увидимся вновь, будь то Рай ли, Ад ли.
Два этих жизни посмертных вида
лишь продолжение идей Эвклида.

Памяти Т. Б.

В стихотворении «Пенье без музыки» геометрические схемы – конструкции, построенные с помощью геометрических фигур (точки, прямой, угла) как бы реконструируют семантическое пространство разлуки, на которую обречены два любящих человека – две абстрактные точки в абстрактном пространстве духа. Прямая, лежащая между двумя точками – это пределы, где нет места свиданиям: *...разлука есть проведение прямой*. В этих фрагментах мы имеем дело с окказиональным наполнением семантики геометрических образов символическим значением.

В художественной семантике репрезентируется традиционное мифопоэтическое представление о душе в образе точки-звезды. Такое определение встречается у Д. Гранина:

Не то, чтоб он верил в загробное существование, но душа-то должна остаться. На это он надеялся. Душа ведь существует в виде какой-то психической точки, – значит души их могут встретиться (*Д. Гранин. Зубр*).

Приём структурирования пространства психологического, точнее, самого понятия «жизнь» находим в следующих описаниях:

Некоторые этапы его жизни так и остались скрытыми, знание моё было неполным, я неуверенно обводил лишь известные мне *контуры*, соединял точки, между которыми зияли провалы (*Гранин. Зубр*).

Тут была та бездонная одухотворённость, без которой не бывает оригинальности, та бесконечность, открывающаяся с любой точки жизни, в любом направлении, без которой поэзия – одно недоразумение, временно не разъяснённое (*Пастернак. Охранная грамота*).

В художественном тексте метафорическое переосмысление получает признак объекта «точка» – «малая величина»:

А зимы другую основу
Сновали и вот в этом крошечке
Я – чёрная точка дурного
В валящихся хлопьях хорошего.
Б. Пастернак. Баллада

В художественной семантике фразеологические сочетания с лексемой «точка», возникшие на терминологической основе, типа «точка отсчёта», точки соприкосновения», «мёртвая точка» и т. д., могут получать дополнительное метафорическое развитие на основе совмещения абстрактного смысла и конкретного образа объекта «точка»:

Стоит на мёртвой точке час
Не оттого ль, что он намечен,
Что желчь моя не разлилась,
Что у меня на месте печень?

Б. Пастернак. Июльская гроза

Точка может актуализировать параметр и пространственной, и временной удалённости:

Всем своим сознанием он был прикован к *далёкой точке* в пространстве (Б. Пастернак).

Сидишь, обдумывая строчку,
и, пригорюнясь, глядишь в невидимую точку:
Почти что юность.

И. Бродский. Пьяцца Маттеи

В художественных текстах широко представлена концептуальная антиномия точки Единица – Нуль (Ничто), воплощающая антиномию понятий Бытие – Небытие, Возникновение (рождение) – Исчезновение (смерть). Геометрическая концептуализация мира на основе образа точки как бесконечно малого в художественном тексте может выступать как средство дематериализации мира в образе пространства, сжатого до точки, в иллюзии самой его полной дегеометризации. Эта функция точки ярко представлена во многих стихотворениях И. Бродского:

Вечер. *Развалины геометрии.*
Точка, оставшаяся от угла.
Вообще: чем дальше, тем беспредметнее.
Так раздеваются догола.

Вечер. Развалины геометрии...

В мире, где «расширяет свой радиус
бренность», царит
муза точки в пространстве! Вещей, различаемых лишь
в телескоп! Вычитанья
без остатка! Нуля!

Литовский ноктюрн: Томасу Венцлова

Предстающая перед нами модель пространства порождена взглядом человека на своё существование как форму небытия. Это жизнь в рассеянном свете, в дематериализованном пространстве бесплотных вещей, в сфере «чистой» мысли уже не столь физического, сколь умозрительного восприятия мира. Существенные черты модели пространства, предстающие в поэтических произведениях И. Бродского,

обусловлены острым ощущением жизненного тупика, конца, отсутствия жизненной перспективы:

Наши жизни, как строчки, достигли точки. (Мы не пьем вина на краю...). Тупик – это отсутствие пространственной перспективы, переход её во временную перспективу:

Местность, где я нахожусь, есть пик
как бы горы. Дальше – воздух. Хронос.
Сохрани эту речь: ибо рай – тупик.
Мыс, вдающийся в море. Конус.
Нос железного корабля.
Но не крикнуть «Земля!»

Колыбельная трескового мыса

Семантику тупика актуализирует «сжатое», ограниченное пространство комнаты, дематериализованное, схематизированное до геометрических образов. Особую смысловую нагрузку здесь несут образы *квадрата* и *угла*:

Знающий цену себе *квадрат*,
видя вещей разброд,
не оплакивает утрат;
ровно наоборот:
празднует *прямоту угла*,
жёлтую рвань газет,
мусор, будучи до гола,
до обоев раздет.

Раньше здесь щebetал щегол...

Геометрически правильный каркас помещения как бы приобретает статус естественного геометризованного предметного символа всё той же «формы небытия»:

Снятой *комнаты* квадрат.
Покрывало из холста.
Геометрия утрат,
как безумие, проста.

В горах

Геометрическая схематизация предметов сочетается у И. Бродского с явлением персонификации геометрических образов. Так, две молодые женщины в библиотеке – это:

... Два *молодых овала*
сталкиваются над книгой в сумерках, точно Муза
объясняет Судьбе то, что надиктовала...

Римские элегии

Схематизация восприятия усиливается за счёт введения в описание пространства комнаты других геометрических образов – схем реальных предметов:

Умереть, бросить семью, уехать,
сменить *полушарие*, дать вписать
другие *овалы* в *четырёхугольник*
тем громче пыльное помещение
настаивает на факте существования...

Элегия

В такой четырёхугольник легко вписывается и «*силуэт в жёлтом платье*» (Элегия), и *профиль стула*, и *профиль табурета*, которые являют собой естественные элементы схематизированного восприятия вещей мира. Соответственно, органично для геометрической стилистики, несущей глубокий смысл, выражение «*но стол есть плоскость, режущая грудь*» (Посвящается стулу).

Средством выражения абстрагированного характера восприятия пространства является «заклучение его в рамки». Это взгляд на мир через окно комнаты, оконную раму, квадрат окна:

Луна всплывает, вписываясь в тёмный
Квадрат окна, что твой Экклезиаст.

Осенний вечер в скромном городке...

Уснуло всё. Окно. И снег в окне.
Соседней крыши белый скат. Как скатерть.
её конёк. И весь квартал во сне,
разрезанный оконной рамой насмерть.

Большая элегия Джону Донну

Дематериализованное пространства у И. Бродского – это пространство бесплотных фигур, схематических образов реальных вещей, редуцированных до *линии*, *контура*. Это всё – образы Небытия. Неслучайным является обращение к понятиям силуэта, профиля, очертания, реализующих линейность, оплощённость изображения форм мира. Характерно использование лексем, связанных с актуализацией образа черты, выделяющей конфигурационный облик предмета (*очертить, очерк, абрис, контур, рисунок* и др.), например,
очерк лица:

Мы с тобой никто, ничто,
Сумма лиц, моё с твоим,
очерк чей и через сто
тысяч лет неповторим.

В горах

абрис:

Деревья шумят за окном, и абрис
крыш представляет границу суток...

Прощайте, мадемуазель Вероника

очерчивать:

Твой локон не свивается в кольцо,
(и пальца для него не подобрать)
в стремлении очерчивать лицо,
как ранее очерчивала прядь.

Твой локон не свивается...

Особую группу средств схематизации реальных образов мира составляют предметно маркированные идеографические схемы, выделяющие особенности конфигурации предметов, которые могут быть использованы для характеристики других предметов.

Эталонной конфигурацией, на основе которой осуществляется схематизация форм реальных предметов, выступает конфигурационный облик буквы «Ж»:

Сад густ, как тесно набранное «Ж».

Мексиканский дивертисмент. Гуернавака

... Полицейский на перекрёстке
машет руками, как буква «Ж», ни вниз, ни вверх ...

Декабрь во Флоренции

Актуализироваться может графический облик буквы «у»:

...и улица вдалеке сужается в букву «У»,
как лицо к подбородку.

Всегда остаётся возможность..

Роза подобна знаку бесконечности из-за пучка восьмёрок
В Англии

Графическая абстракция наблюдается в стихотворении «Декабрь во Флоренции»:

Человек превращается в шорох пера на бумаге, в
Кольца, петли, клинышки букв и, потому что скользко,
в запятые и точки.

Геометрическая (и любая другая) схематизация реального образа предмета выступает в художественном произведении как определённый стилистический приём. Актуализация геометрического образа позволяет выразить наивысшую степень обобщённости и схематичности

восприятия мира, обусловленную различными причинами, в том числе эмоциональным состоянием героя. В контексте геометрически маркированной семантики стихов И. Бродского геометризованные образы – это как бы последняя, уже почти исчезающая грань вещей реального мира, на которой балансирует восприятие художника, перетекая в область непредметного существования духа (аналогично ситуации трансценденза – перехода в трансцендентную реальность). Неслучаен и образ комнаты, сжавшейся до «размеров клетки мозга» (Элегия):

Постоянство суть эволюция принципа помещения
в сторону мысли. Продолжение квадрата или
параллелепипеда средствами, как сказал бы
тот же Клаузевиц, голоса или извилин.

Элегия

Исследование контекста актуализации геометрических образов при всех различиях индивидуального стиля авторов и степени «геометризации» предмета изображения выявляет некоторые общие эмоционально-психологические закономерности обращения поэтов и писателей к образам геометрии (к геометрическим составляющим образа). В общей тональности художественного текста геометрическая метафора – это особый стиль восприятия мира, который выражает состояние отрешённости, отчуждённости, передаёт ощущение иллюзорности окружающей действительности. Контекст актуализации геометрических образов, при всей эмоциональной разноплановости, часто составляют определённые стеснённые обстоятельства жизни героя. Так, у Б. Пастернака герой наблюдает мир через квадрат окна больничной палаты:

Окно обнимало *квадратом*
Часть сада и неба клочок

В больнице

Геометрическая схема квадрата ассоциирована у М. Цветаевой с ощущением конца. В стихотворении «Письмо» образ квадрата встроен в полный страсти и щемящего, опустошающего душу ощущения конца контекст. Квадрат письма, которого страстно ждут в иллюзии счастья и полного понимания обречённости, ждут как конца, как приговора, – образ квадрата разрастается до квадрата расстрельного двора с направленными в сердце чёрными дулами:

Так писем не ждут,
Так ждут письма.

Тряпичный лоскут,
Вокруг тесьма
Из клея. Внутри – словцо.
И счастья. – И это – всё.

Так счастья не ждут,
Так ждут – конца:
Солдатский салют
И в грудь – свинца
Три дольки. В глазах красно!
И только. – И это – всё.

Не счастья – стара!
Цвет – ветер сдул!
Квадрата двора
И чёрных дул.
Квадрата письма:
Чернил и чар!
Для смертного часа
Никто не стар!

Квадрата письма!

Сопоставительно-семантический анализ метафоры формы на материале русских и немецких художественных текстов выявляет как общие тенденции, так и специфику ментальных композиций, актуализирующих признак формы. Общность метафорической семантики обусловлена прежде всего общностью геометрической символики у разных народов, её общечеловеческим характером в целом. Так же как на материале русского языка, в немецких художественных текстах часто актуализируется образ круга. Круг как символ бытия, жизненного пути, «микрокосм» репрезентируют лексемы *der Kreis, der Ring, kreisen*:

Ich lebe mein Leben in wachsenden Ringen,
die sich über die Dinge ziehn.
Ich werde den letzten vielleicht nicht vollbringen,
aber versuchen will ich ihn.
Ich *kreise* um Gott, um den uralten Turm,
und ich *kreise* jahrtausendelang;
und ich weiss noch nicht: bin ich ein Falke, ein Sturm
oder ein grosser Gesang.

R. M. Rilke,

Ich lebe mein Leben in wachsenden Ringen

Характерна актуализация сем «замкнутость», «ограниченность»:

Am Tag trug ich *den engen Ring*
der feigen Pflicht in frommer Weise.

R. M. Rilke.

Warst du ein Kind in froher Schar...

Актуализируется сема «возвратность»:

Mir ist, als wär ich jetzt zugleich
Kind, Knab und Mann und mehr.
Ich fühle: nur der *Ring ist reich*
durch seine *Wiederkehr*.

R. M. Rilke. So bin ich nur als Kind erwacht...

Предметным актуализатором семы «возвратность» выступает образ змеи (die Schlange) в сочетании с семами «замкнутость», «вечность»:

Den Ring hier erhielt ich von Eleonoren,
Es ist eine Schlange, die endlos sich schliesst;
Sie hatte, indem sie dies Zeichen erkoren,
Symbolisch mir ewige Liebe geschworen...

Ignaz Castelli. Die Denkmale der Liebe

Схематизация предметного образа, актуализация «линейного», «контурного» восприятия мира довольно широко представлена в духовных стихах Р. М. Рильке, в которых звучат темы человеческой покинутости, обречённости, недоступности «ангелов»; восприятие художника балансирует на границе предметного мира, уходя в мир бесплотных фигур:

kommende *Konturen*, ohnmächtige *Konturen*,
schaut aus vom *Rande* euer Dächer,
Häuserfronten,
die Ferne voll *Figur*,
Wolkenränder,
du bist *das Bild*, ich aber bin der *Rahmen*,
der dich ergänzt in glänzendem *Relief*
Der Schutzengel

Актуализируется ситуация бытия на крайней грани времени, тоски и т. д.

geh bis an deiner *Sehnsucht Rand*,
eine *Stunde vom Rande des Tages*

Специфика и частотность метафорической концептуализации образов формы, в том числе геометрической, и вообще графических образов задаётся во многом культурными факторами, особен-

ностями культурной традиции. Так, например, в Западной Европе квадрат в качестве священного символа не был так популярен, как в Передней Азии (кроме Средиземноморья), поэтому там не было и квадратных жилищ (Голан, 1993). Это может определять и специфику ассоциативной базы этой фигуры, закреплённой в коллективном сознании народа.

Неодинакова графика письма у разных народов. Особенности письменных знаков, при известной общности, также могут определять специфику метафорической репрезентации смысла. В качестве иллюстрации можно привести стихотворение Корнелиуса, где метафорически обыгрываются различные надстрочные знаки и графическая структура букв:

Sei nicht mein Pünktchen auf dem i,
Das streckt sich und erreicht es nie!

Sei nicht mein Häckchen überm u,
Das winkt ihm stets von Ferne zu.

Sei auch nicht mein Verdopplungsstrich,
Verdoppelst wohl, doch meidest mich.

Sei mein Schleif im grossen E,
Fest an der Brust, in Wohl und Weh!

Sei nicht mein Pünktchen auf dem i...

Исследование особенностей метафоры формы в художественной семантике на материале разных языков выявляет важную стилистическую роль геометрической схематизации и общность эмоционально-психологической подосновы актуализации геометрических составляющих в художественных текстах при всех различиях индивидуального стиля их авторов. Вместе с тем наблюдаются черты национальной специфики метафоры формы, обусловленные спецификой ассоциативно-образного строя мышления народа, а также его языковыми привычками и особенностями языковой системы в целом.

Итак, художественная картина мира – существенная грань концептуального образа действительности, когнитивной картины мира. В ней наиболее полно представлены общечеловеческие, национальные и индивидуально-авторские составляющие концептосферы ее творцов.

Как было показано в данной главе, одним из путей, ведущих к более глубокому осмыслению концептосферы текста, является изу-

чение метафор и других образных средств конкретного произведения или цикла произведений одного автора. Сопоставительное изучение устройства образных средств текста разных художников слова позволяет глубже понять своеобразие каждого автора, а сопоставление излюбленных образных средств разноязычных писателей ведет к пониманию национального своеобразия художественной картины мира разных народов.

Литература к главе IV

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966.
3. Бахтин М. М. Эстетика. Словесное творчество. М., 1979.
4. Беляевская Е. Г. Языковые парадигмы и анализ смысла текста // Языковые парадигмы и их функционирование. Волгоград, 1992.
5. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. О своеобразии отражения мимики и жестов вербальными средствами (на материале русского языка) // ВЯ, 1981, № 1. С. 36 – 47.
6. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедение и принцип коммуникативности в преподавании русского языка как иностранного // Современное состояние и основные проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы. М., 1982.
7. Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.
8. Волохина Г. А., Попова З. Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. Воронеж, 1999.
9. Голан А. Миф и символ. М., 1993.
10. Голикова Т. А. Слово как интегративный компонент репрезентации концептуальной картины мира (на материале творчества В. В. Набокова). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1996.
11. Горшков А. И. Русская словесность. От слова к словесности. М., Просвещение, 1999.
12. Жоль К. К. Мысль. Слово. Метафора. Проблемы семантики в философском освещении. Киев, 1984.
13. Зорько А. С. Роль просторечной лексики и арготизмов в отображении художественной картины мира // Текст как отображение картины мира.: Сборник научных трудов Московского ин-та им. М. Тореца. Вып. 341. М., 1989.
14. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
15. Кедров Б. М. Сверхзадача комплексного изучения творчества // Художественное творчество. Л., 1986.
16. Корман Б. О. Теория автора // Литература. – 1999. – № 8.

17. Кузневич З. А. Языковая личность в литературно-художественном дискурсе Эрнесто Хемингуэя: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 1999.

18. Маглакелидзе Ж. Г. Функции числительного в реализации художественной картины мира // Текст как отображение картины мира.: Сборник научных трудов Московского ин-та им. М. Тореца. Вып. 341. М., 1989.

19. Мандельштам Н. Я. Комментарии к стихам 1930-1937 гг. // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама. Воронеж, 1990.

20. Мигдал А. Б. Некоторые параллели // Художественное творчество. Л., 1986.

21. Серебренников В. А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. М., 1988.

22. Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981.

23. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического // Топоров В. Н. Избранное. М., 1995.

24. Торсуева И. Г. Интонация и картина мира художественного текста // Текст как отображение картины мира.: Сборник научных трудов Московского ин-та им. М. Тореца. Вып. 341. М., 1989.

25. Удодов А. Б. О полифонизме в драме: Филологические науки, 1990. № 6.

Коммуникативное поведение и национальное коммуникативное сознание

(И. А. Стернин)

1. Коммуникативное сознание как предмет изучения
2. Национальная специфика коммуникативного сознания
3. Опыт изучения русского коммуникативного сознания
4. Экспериментальные методики изучения коммуникативного сознания

Литература к главе V

1. Коммуникативное сознание как предмет изучения

Коммуникативное сознание – это совокупность коммуникативных знаний и коммуникативных механизмов, которые обеспечивают весь комплекс коммуникативной деятельности человека. Коммуникативное сознание русского человека – это совокупность знаний о том, как надо вести общение в России.

Языковое сознание (речевое мышление) – это совокупность знаний и мыслительных механизмов, обеспечивающих порождение, восприятие речи и хранение языка в сознании. Для русского человека это совокупность сведений о том, какие единицы и структуры есть в русском языке, каково их значение, какие правила есть в русском языке и как надо их использовать, чтобы говорить на русском языке.

Коммуникативное сознание *включает* языковое (понимаемое в рассмотренном выше смысле) как составную часть, но *не исчерпывается* им.

Коммуникативное сознание образуется прежде всего совокупностью ментальных *коммуникативных категорий*, содержащих знания о структуре самой коммуникации, набор принятых в обществе норм и правил коммуникации, а также коммуникативные установки сознания.

Под *коммуникативными категориями* понимаются самые общие коммуникативные понятия, упорядочивающие знания человека об общении и нормах его осуществления. Так, для русского коммуникативного сознания могут быть выделены в качестве релевантных такие коммуникативные категории как собственно категория обще-

ние, категории вежливость, грубость, коммуникабельность, коммуникативная неприкосновенность, коммуникативная ответственность, эмоциональность, коммуникативная оценочность, коммуникативное доверие, коммуникативное давление, спор, конфликт, брань, коммуникативная серьезность, реквезитивность, коммуникативная эффективность, молчание, коммуникативный оптимизм / пессимизм, сохранение лица, категория тематики общения, категория грамотность, категория коммуникативного идеала и др. Коммуникативные категории, отражающие отношение человека к речи – родной (русский) язык, иностранный язык, языковой паспорт, культура речи, хорошая речь и др.

Можно выделить и некоторые более конкретные категории: диалог, монолог, официальная речь, неофициальная речь, публичная речь, слушание, говорение и др.

Коммуникативная категория в сознании носителя языка носит концептуальный характер и содержит для него (и для исследователя) информацию о том, как тот или иной носитель языка понимает категоризируемое явление, что он включает в состав этого явления, какие нормы и правила связывает с данным понятием, как он «вписывает» данную категорию в состав других коммуникативных и некоммуникативных мыслительных категорий, каковы связи этой категории с другими.

Коммуникативные категории, как и любые мыслительные категории, тем или иным образом упорядочивают ментальные представления личности о нормах и правилах коммуникации. Это упорядочение осуществляется нежестко, вероятно, многие категории взаимно накладываются друг на друга, пересекаются друг с другом, частично входят друг в друга – явление, характерное для всех когнитивных категорий. Функции коммуникативных категорий – упорядочение сведений о нормах и правилах общения для их хранения в сознании, а также обеспечение, организация речевого общения индивида в обществе, в рамках его родной коммуникативной культуры.

Содержание коммуникативной категории представляет собой некоторую (не очень жестко) упорядоченную совокупность суждений, установок, ментальных стереотипов, правил, касающихся языкового общения.

В рамках коммуникативных категорий образующая их информация (концепты, установки, правила) упорядочивается, структурируется по яркости, актуальности для сознания, то есть по полемому принципу.

Категория содержит определенное концептуальное знание о коммуникации (информационно-содержательный аспект, информационно-содержательная составляющая категории), а также «прескрипции», предписания по осуществлению коммуникативного процесса (правила общения); этот аспект может быть назван прескрипционным. Прескрипционная составляющая коммуникативной категории включает прескрипции по крайней мере трех видов: прескрипции, которые носят предписывающий характер (что и как надо делать в процессе общения), запретительные прескрипции (чего нельзя делать в общении) и интерпретирующие (объяснительные) (как надо понимать в процессе общения те или иные коммуникативные факты или действия людей).

Некоторые из таких прескрипций (установок) отражены в пословицах, поговорках и присловьях народа (*яйца курицу не учат, смех без причины – признак дурачины, коротко и ясно, брань на воротах не виснет* и др.), другие выявляются только из анализа коммуникативной практики народа (*через порог не разговаривают, прикосновение повышает убедительность, длительное совместное пребывание в одном месте с незнакомым человеком предполагает вступление с ним в общение, слабое рукопожатие свидетельствует о нерешительности, собеседника нельзя перебивать, за столом надо участвовать в общем разговоре* и др.).

Информационная и прескрипционная составляющие коммуникативной категории дополняют друг друга и существуют в неразрывном единстве, но в интересах систематического описания информационное и прескрипционное содержание коммуникативной категории могут быть вычленены и описаны по отдельности.

Коммуникативные категории как элементы коммуникативного сознания практически не исследованы. Вместе с тем, с теоретической точки зрения изучение коммуникативных категорий позволит понять как саму структуру коммуникативного сознания человека, так и механизм реализации коммуникативных категорий в процессе общения, а также позволит выявить национальное своеобразие коммуникативных категорий.

Можно говорить о существовании национального коммуникативного сознания – совокупности национально-специфических коммуникативных мыслительных категорий, которые определяют принципы создания национально-специфических диалогов, монологов, национально-специфическую интерпретацию текстов, способы убеждения, аргументации и др. Коммуникативное сознание частично от-

ражено в национальных коммуникативных пословицах и афоризмах, но в основном носит неявный, скрытый характер, подлежащий специальному исследованию.

Исследование коммуникативного сознания – это исследование содержания коммуникативных категорий, образующих его, а также психолингвистическое изучение языковых единиц и структур с точки зрения их психологической реальности для человека.

Исследование коммуникативных категорий предполагает:

- установление набора национальных коммуникативных категорий;
- установление их содержания, т. е. выявление образующих коммуникативную категорию когнитивных компонентов;
- установление структуры коммуникативной категории, т. е. вычленение ее ядра, периферии;
- описание интерпретационного поля категории, то есть описание установок, прескрипций, запретов, норм и правил коммуникации, обусловленных содержанием категории в данной коммуникативной культуре;
- установление иерархии коммуникативных категорий в национальном коммуникативном сознании – выявление ядерных и периферийных коммуникативных категорий той или иной лингвокультурной общности.

Возможно также изучение динамики становления и развития коммуникативных категорий как компонентов коммуникативного сознания народа – как в плане формирования тех или иных категорий в процессе формирования и развития нации, так и в онтогенетическом плане – формирование отдельных коммуникативных категорий в коммуникативном сознании ребенка и взрослого на разных возрастных стадиях развития личности.

Изучение коммуникативных категорий осуществляется как методом прямого наблюдения за коммуникативным поведением носителей языка и когнитивного обобщения выявляемых коммуникативных фактов, так и экспериментальными приемами (методика опроса, анкетирования, свободного и направленного ассоциативного эксперимента и др.).

Психолингвистическое изучение языковых единиц и структур с точки зрения их психологической реальности для человека как аспект изучения коммуникативного сознания заключается в экспериментальном изучении семантики языковых единиц и структур как единиц языкового сознания – то есть как единиц, реально представленных в сознании (в отличие от лингвистического изучения этих же единиц и структур, которое предполагает изучение их по словарям и текстам).

Исследование единиц языка и языковых структур как единиц языкового сознания предполагает, что в процессе исследования выявляется их психологически реальное содержание – в каком реальном, «психологически достоверном» наборе семантических компонентов то или иное значение существует в сознании народа, хранится в его языковой памяти, в каких отношениях по яркости и актуальности находятся между собой отдельные смысловые компоненты, образующие семантику слова, каковы реальные смысловые связи слов и структур в языковой памяти (внутреннем лексиконе) человека.

Исследование языкового сознания осуществляется экспериментальными методами (свободный и направленный ассоциативный эксперимент, методика интервьюирования, метод субъективных дефиниций, интерпретационный эксперимент, методика семантического шкалирования, методика ранжирования и др.).

Коммуникативное сознание народа проявляется в его коммуникативном поведении, оно овнешняется национальным коммуникативным поведением. Анализ коммуникативного поведения народа позволяет реконструировать, моделировать национальное коммуникативное сознание. Именно расхождения в коммуникативном сознании предопределяют саму возможность взаимного межкультурного непонимания и коммуникативного шока, и именно коммуникативное поведение народа формирует его коммуникативное сознание.

2. Национальная специфика коммуникативного сознания

Коммуникативные категории, формирующие национальное коммуникативное сознание, обладают национальной спецификой, которая проявляется в нескольких аспектах.

Некоторые коммуникативные категории в сознании людей могут быть характерны только для определенного этноса. Ср., к примеру, коммуникативные категории западного англоязычного мира – *small talk* (жанр светского разговора на общие темы, принятый в светском общении), *privacy* (приватность, неприкосновенность личности, в том числе коммуникативная), *tolerance* (толерантность), *political correctness* (политическая корректность, стремление в общении избежать форм и выражений, которые могут ущемить чьи-либо права или дискриминировать собеседника по какому-либо признаку), японская коммуникативная категория *sabi* «уединенное молчание на

природе, сопровождаемое слушанием какого-либо одного звука», категории «сохранение своего лица», «сохранение лица собеседника» японского и западного мышления – все перфчисленные выше категории для русского коммуникативного сознания лакунарны; только формируется в настоящее время в русском коммуникативном сознании категория *толерантности* на базе заимствованного слова.

Вместе с тем, такие русские коммуникативные категории как *общение, разговор по душам, выяснение отношений* отсутствуют в коммуникативном сознании других народов (по крайней мере, европейских).

Большинство коммуникативных категорий имеют значительную долю сходства у разных народов, но в их структуре, составе компонентов, яркости отдельных компонентов, в вытекающих из содержания этих категорий установках и правилах общения наблюдаются заметные национальные различия. Отметим, что наиболее яркие национальные различия обычно выявляются в периферийных зонах коммуникативных категорий или в их интерпретационных полях.

К примеру, исследование Р. В. Серебряковой категории коммуникативной оценочности в русском и английском коммуникативном поведении показало заметные различия в коммуникативных традициях двух народов в области категории коммуникативной оценки (Серебрякова, 1999, 2000, 2001).

Исследование похвалы и комплимента в русском и английском общении показало, что в русской коммуникативной культуре преобладают комплименты внешнему виду человека в целом, в то время как в английской коммуникативной культуре ведущее место занимают комплименты внутренним, моральным качествам человека. Что касается комплиментов по поводу отдельных элементов внешности, частей тела, то в русском общении преобладают комплименты, характеризующие глаза, руки и лицо, а в английском общении – комплименты, характеризующие фигуру и волосы, прическу. В русской коммуникативной культуре не встречаются комплименты по поводу красоты шеи.

Рассмотрение комплиментов, касающихся возраста, показывает, что в английской коммуникативной культуре чаще отмечается, что внешность собеседника не изменилась, в то время как в русском общении в основном употребляются комплименты преуменьшения возраста. В отличие от русского общения, в английской коммуникативной культуре не приняты комплименты, указывающие на то, что собеседник повзрослел, возмужал.

Среди комплиментов, оценивающих способности и профессионализм человека, в английском общении наиболее часто встречается комплимент высокому уровню компетентности в работе. В русском общении данный тип комплимента также занимает первое место в указанной группе, но встречается гораздо реже.

Что касается комплиментов внутренним моральным качествам человека, то среди комплиментов этого типа в русском общении первое место занимают комплименты индивидуальности, отличию от других. В английской коммуникативной культуре наиболее часто употребляется комплимент доброте, отзывчивости человека. В русском общении не зафиксированы комплименты таким качествам как тактичность, мягкость, легкий характер, честность, верность и хорошие манеры. В английском общении не встречаются комплименты терпению, скромности, бескорыстию собеседника.

Эмоциональные комплименты в русском общении более популярны, чем рациональные, в отличие от английского, где преобладают рациональные комплименты.

При сравнении типологий реакций на комплимент было отмечено, что в русском коммуникативном поведении преобладает согласие с комплиментом, сопровождаемое рациональной мотивировкой его справедливости, в то время как в английской коммуникативной культуре наиболее распространенными типами реакций являются выражение радости, удовольствия от полученного комплимента и благодарность.

Можно сделать вывод о различии в оценочном коммуникативном мышлении русских и англичан. Русские в общении в основном обращают внимание на внешние факторы, что подтверждает популярность в русской коммуникативной культуре комплиментов внешнему виду человека, похвалы за хорошо проделанную работу. Для англичан же большую роль играют внутренние факторы, что проявляется в частотном употреблении комплиментов моральным качествам человека, умственным способностям. Также для англичан большое значение в общении имеет вежливость, за которую часто хвалят и говорят комплименты. В английской коммуникативной культуре не принято спорить с комплиментом, не зафиксировано употребление грубых комплиментов, и значительно реже, чем в русском общении, встречается негативная реакция на комплимент. Кроме того, в русском общении преобладают эмоциональные речевые акты комплимента и похвалы, в то время как в английском общении используются преимущественно рациональные комплименты и похвала.

Исследование русского и американского коммуникативного поведения, проведенное группой исследователей (Очерк американского коммуникативного поведения 2001, Американское коммуникативное поведение 2001) показывает, что основные различия в коммуникативном сознании американцев и русских объективируются следующими различиями в их коммуникативном поведении.

Доминантными чертами американского коммуникативного поведения, являются: общительность, открытость, коммуникативный демократизм, выраженная коммуникативная приветливость, доброжелательность, жизнерадостность, контактность, шумность, агрессивная самопрезентация, деловитость общения, правдивость в общении, коммуникативная толерантность, стремление к достижению компромисса, малолюбопытность в общении, тематическая ограниченность общения, малоинформированность, важность устного общения и устных договоренностей, ситуативность эмоционального поведения, любовь к обсуждению своих успехов и достижений, большая роль юмора в повседневном общении, шумность в компании и на отдыхе, большая дистанция общения.

Доминантными чертами русского коммуникативного поведения являются: общительность, эмоциональность, коммуникативный демократизм, коммуникативная доминантность, свобода подключения к общению и вступления в контакт, недопустимость длительных пауз в общении, низкая роль светского общения, диффузная самоподача личности, сдержанная самопрезентация, высокая искренность в общении, бытовая неулыбчивость, стремление к неформальному общению, высокая эффективность неофициального общения, низкая вежливость к незнакомым, невысокая вежливость обслуживающего персонала, стремление к модификации поведения собеседника, низкое стремление к достижению компромисса, допустимость публичного выражения несогласия, допустимость перебивания собеседника, приоритетность разговора по душам, широта обсуждаемой информации, высокая информированность, интимность запрашиваемой и обсуждаемой информации, коммуникативный пессимизм, высокая оценочность общения, дискуссионность общения, проблемность повседневного общения, предпочтение группового общения, короткая дистанция, распространенность физического прикосновения, интенсивность жестикуляции, интенсивность мимики.

Сопоставление доминантных качеств коммуникативного поведения американцев и русских, а также анализ отдельных аспектов коммуникативного поведения двух народов позволяет выявить как сход-

ства, так и основные различия русской и американской коммуникативных культур.

Так, оба народа демонстрируют общительность и коммуникативный демократизм, что сближает две описываемые коммуникативные культуры. Однако американцы при этом демонстрируют в общении большую по сравнению с русскими коммуникативную приветливость, улыбочивость, жизнерадостность и шумность.

Русские проявляют большую по сравнению с американцами коммуникативную доминантность, искренность и эмоциональность в общении, они не любят пауз в общении, любят разговор по душам, много высказывают оценок, любят спорить, любят поднимать в бытовом общении серьезные вопросы, лучше информированы по многим вопросам.

Русские не любят неэмоциональности, сдержанности, светских разговоров, задают незнакомым или малознакомым людям глубоко личные вопросы и легко сами рассказывают о себе личную информацию.

Русские склонны к скромности при самопрезентации и к коммуникативному пессимизму (на вопрос «Как дела?» обычно отвечают «Ничего», а не «Fine» (прекрасно), как обычно отвечают американцы); они не склонны хвалиться своими успехами. Американцы предпочитают агрессивную самопрезентацию, для них характерен коммуникативный оптимизм и демонстрация своих успехов.

Американское общение более деловито, прагматично, американцы более правдивы в сообщаемой собеседнику информации. При этом они нелюбопытны, менее информированы по вопросам, не затрагивающим их лично. Официальное общение в американской коммуникативной культуре гораздо более эффективно, чем в русской, в деловом общении официальные лица демонстрируют приветливость и доброжелательность. Предпочтение отдается устной договоренности.

Всемирно известный американский драматург Артур Миллер, сравнивая американцев и русских, говорил, что американцев, в отличие от русских, не интересует, что вы действительно чувствуете и думаете.

Русские имеют привычку регулировать поведение окружающих, американцы стараются этого избегать. Юмор в русском коммуникативном поведении не является частью бытового повседневного общения, как у американцев, а входит в развлекательное общение.

В русской коммуникативной культуре средством установления контакта в общении может стать практически любая фраза. При ус-

тановлении контакта у американцев количество таких средств невелико и все они носят достаточно формальный характер.

Заметные различия наблюдаются в коммуникативной категории «регулятивность». В российской коммуникативной культуре существуют такие национально специфичные способы воздействия на поведение адресата, как речевые акты призыва и замечания. В американской культуре отсутствует речевой акт призыва, поскольку, ситуация модификации поведения большой группы людей для нее не характерна. Соответственно, отпадает необходимость в существовании речевого акта призыва. Существование речевого акта замечания в российской коммуникативной культуре связано с ситуацией коррекции поведения ребенка, а также замечания используются в общении незнакомых взрослых, например, в общественном транспорте, в других общественных местах. Для американской коммуникативной культуры это нехарактерно.

Корректируя поведение детей, американцы используют различные виды директивных, реже – экспрессивных речевых актов. Взрослые американские коммуниканты с равными социальными статусами практически никогда не корректируют поведение собеседника, поскольку это может быть расценено как нарушение суверенитета личности. Русские позволяют более широко и более директивно корректировать поведение друг друга.

Американцы чаще, чем русские, используют речевые акты совета, распоряжения, приказа, намека. Носители российской коммуникативной культуры чаще, чем американцы, отдают предпочтение речевым актам требования и предложения.

Значительная разница наблюдается в частотности использования экспрессивных речевых актов с целью изменения поведения собеседника. Российские коммуниканты открыто выражают свое эмоциональное отношение к поведению адресата в речевых актах недоумения и возмущения. Русские могут открыто выражать свое негативное отношение к поведению адресата, если его социальный статус не выше статуса говорящего. В американской культуре открытое выражение негативных эмоций в принципе не является нормой.

В целом, коммуникативное поведение носителей российской коммуникативной культуры в ситуации модификации поведения и состояния собеседника можно охарактеризовать как более эмоциональное по сравнению с американским. Кроме того, суверенитет коммуниканта в российском общении оказывается более уязвим, поскольку коммуникативная культура допускает возможность не только по-

буждения адресата к какому-либо действию, но и возможность коррекции поведения собеседника в случае несоответствия его общепринятым нормам или ситуации общения с точки зрения инициатора замечания. Все это повышает вероятность возникновения коммуникативного конфликта.

В американской коммуникативной культуре суверенитет коммуниканта защищен культурными нормами. В общении это выражается в предпочтительном использовании косвенных форм воздействия на поведение и состояние собеседника, ограничениях на открытое выражение отрицательного отношения к поведению адресата, в отсутствии речевого акта замечания как стандартного вербального способа коррекции поведения собеседника.

В целом поведение американских коммуникантов в ситуации модификации поведения и состояния собеседника можно оценить как более эмоционально сдержанное по сравнению с русским общением. Таким образом, коммуникативное поведение носителей российской коммуникативной культуры в ситуации модификации поведения и состояния собеседника можно охарактеризовать как более эмоциональное и менее толерантное по сравнению с американским.

Американцы извиняются за возможные неудобства, которые они могут доставить другому человеку, а не только за уже совершенное, за уже доставленное неудобство. При просьбе освободить дорогу, при движении «против течения» и в ряде других случаев извинение в американском коммуникативном поведении носит опережающий характер. Для русского коммуникативного поведения нехарактерно упреждающее извинение, русские коммуниканты чаще извиняются «по факту нарушения», причем нередко только тогда, когда пострадавший обратит их внимание на допущенное нарушение. В России практически не принято извиняться в толпе.

В сфере общения с друзьями русские демонстрируют более серьезные отношения, нежели американцы. Русские довольно часто поддерживают серьезные дружеские отношения со школьными и студенческими друзьями долгие годы, ценя прежде всего старых друзей («Старый друг лучше новых двух»). Понятие «дружба» в американской культуре носит несколько иной оттенок, чем у русских. Под дружбой американцы скорее всего имеют в виду приятельские отношения, сводящиеся к совместным занятиям спортом, встречам у кого-либо в гостях или на пикнике во время уикенда. Старый друг для американца может существовать как понятие, но американец может сказать: «У меня есть друг, но я его уже 20 лет не видел». Постоян-

ное общение с друзьями не является коммуникативным императивом у американца, оно допускает исключения.

Друзья в России говорят друг другу комплименты, предлагают советы, жалуются на жизнь, просят друг у друга совета, зовут на помощь в трудную минуту («Не имей сто рублей, а имей сто друзей», «Друзья познаются в беде»), в том числе просят о физической помощи, много времени стараются проводить вместе, стараются периодически общаться. В столь яркой форме это американцам не свойственно.

По-разному в Америке и в России относятся к такому явлению, как официальное заявление о каких-либо нарушениях в официальные органы власти или полицию. Если в России людей, которые сообщили о поведении соседей в милицию, общественное мнение часто осуждает, у американцев такое поведение считается естественным. Американцы могут проводить гостей и позвонить в полицию, что те поехали на машине после того, как выпили.

С другой стороны, у американцев, в отличие от россиян, не принято лично вмешиваться в ситуации, требующие официально-го вмешательства. Не принято вмешиваться в семейную жизнь соседей, в их скандалы, приходить на помощь одной из сторон в семейном конфликте.

Коммуникативный демократизм американцев, быстрота перехода на фамильярное общение, очень высоки, выше, чем в русском коммуникативном поведении.

В условиях учебы американцы ведут достаточно изолированную друг от друга жизнь, стараются обходиться без помощи коллег, студенты мало сближаются друг с другом. Не принято подсказывать ответ или отвечать за того, кто не может правильно ответить — каждый должен сам справляться со своими трудностями. Российские студенты помогают друг другу и более тесно общаются друг с другом в студенческой группе.

У русских ценится помощь другу в достижении успеха, а для этого можно и схитрить, это не будет нечестно, поэтому студенты делятся шпаргалками, поддерживают друг друга, в отличие от американцев, где это не принято. У американских и русских студентов различается отношение к экзамену американцы, в отличие от русских, не рассматривают его как «борьбу студентов с преподавателем».

Американцы намного больше улыбаются в общении, чем русские. В Америке улыбка является неотъемлемой частью разговора, при этом американцы улыбаются незнакомым людям в транспорте,

на улице и в других местах. Улыбка в американском общении прежде всего выражает вежливость и доброжелательность, а также личное преуспевание; всех этих функций у русской улыбки нет, она более ситуативна и адресуется в первую очередь личным знакомым, демонстрирует личное положительное отношение к собеседнику. Улыбка в русском общении обычно не выражает благодарность, в то время как в американском общении такая функция у улыбки есть.

Можно следующим образом обобщенно представить основные коммуникативные различия между двумя культурами (по отдельным коммуникативным факторам и параметрам, которые отражают те или иные коммуникативные категории и компоненты, их образующие).

Контактность

Общительность

Стремление к общению – высокое у русских, заметное – у американцев.

Доля общения в структуре деятельности – очень высокая у русских, заметная – у американцев.

Допустимость общения с незнакомыми – высокая у русских, низкая у американцев.

Интимность обсуждаемой тематики – высокая у русских, низкая у американцев.

Демонстрация повышенного коммуникативного интереса к отдельным категориям собеседников – высокая у русских, отсутствует у американцев.

Стремление к расширению круга общения – заметное у русских, не выражено у американцев.

Настойчивость при вступлении в контакт – повышенная у русских, низкая – у американцев.

Активность в общении – высокая у русских, высокая – у американцев.

Коммуникативная эмоциональность

Стремление к эмоциональной оценке – повышенное у русских, низкое – у американцев.

Стремление к гиперболизации выражения своих чувств – низкое у русских, высокое – у американцев.

Частота использования эмоциональных языковых средств в общении – повышенная у русских, заметная – у американцев.

Необходимость демонстрации положительных эмоций в общении – отсутствует у русских, очень высокая – у американцев.

Искренность коммуникативных эмоций – очень высокая – у русских, пониженная – у американцев.

Допустимость высоко эмоционального разговора – высокая у русских, пониженная – у американцев.

Возможность эмоциональной реакции на реплику собеседника – повышенная у русских, недопустимость – у американцев.

Этикетность

Вступление в контакт

Свобода вступления в контакт – повышенная у русских, заметная – у американцев.

Свобода подключения к общению – высокая у русских, низкая – у американцев.

Характер поддержания коммуникативного контакта

Невмешательство – отсутствие у русских, соблюдается – у американцев.

Интимность обсуждаемой тематики – заметная у русских, невысокая – у американцев.

Характер выхода из коммуникации

Возможность внезапного прерывания контакта – повышенная у русских, отсутствует – у американцев.

Плавность выхода из контакта – невысокая у русских, высокая – у американцев.

Использование смены темы – редко у русских, часто – у американцев.

Стремление к сохранению лица собеседника – отсутствует у русских, выражено – у американцев.

Необходимость поддерживающих реплик – заметная у русских, заметная – у американцев.

Контакт взглядом – обязателен у русских, обязателен – у американцев.

Допустимость длительных пауз в общении – недопустима у русских, допустима – у американцев.

Возможность перебивания собеседника – высокая у русских, отсутствует – у американцев.

Внимательное слушание – желательно, но обычно не соблюдается у русских, соблюдается – у американцев.

Коммуникативная приветливость

Доброжелательность приветствия – невыраженная у русских, повышенная у американцев.

Бытовая улыбчивость – низкая у русских, очень высокая – у американцев.

Деловая улыбчивость – отсутствует у русских, очень высокая – у американцев.

Коммуникативный демократизм

Приоритетность неформального общения – выраженная у русских, отсутствует – у американцев.

Стремление к упрощению этикетных норм поведения – заметное у русских, заметное – у американцев.

Стремление к быстрому упрощению коммуникативных отношений – повышенное у русских, высокое – у американцев.

Стремление к паритетности в общении – заметное у русских, повышенное – у американцев.

Стремление к неформальному общению в формальной обстановке – заметное у русских, выраженное – у американцев.

Приоритетность установления дружеских отношений с окружающими – повышенная у русских, невыраженная – у американцев.

Коммуникативная самоподача

Характер самоподачи личности – диффузная у русских, агрессивная – у американцев.

Характер самопрезентации – скромная у русских, агрессивная – у американцев.

Коммуникативная доминантность в общении с окружающими – повышенная у русских, пониженная – у американцев.

Допустимость самопохвалы, саморекламы, демонстрации личных успехов окружающим – отсутствует у русских, высокая – у американцев.

Допустимость демонстрации успехов родственников, детей, успехов в хобби окружающим – заметная у русских, низкая – у американцев.

Демонстрация сопричастности к успехам других лиц – низкая у русских, низкая – у американцев.

Демонстрация знакомства со статусными лицами – заметная у русских, низкая – у американцев.

Роль официального (формального) общения

Роль светского общения – низкая у русских, высокая – у американцев.

Стремление к неформальному общению – повышенное у русских, заметное – у американцев.

Приоритетность неформального общения – ярко выраженная у русских, пониженная – у американцев.

Эффективность официального общения – невысокая у русских, очень высокая – у американцев.

Доля формального общения – невысокая у русских, высокая – у американцев.

Вежливость

Вежливость к незнакомым – пониженная у русских, высокая – у американцев.

Вежливость к знакомым – высокая у русских, высокая – у американцев.

Вежливость к старшим – заметная у русских, пониженная – у американцев.

Допустимость грубости в отношении собеседника – заметная у русских, отсутствует – у американцев.

Вежливость к детям – не обязательна у русских, обязательна – у американцев.

Вежливость детей к родителям и старшим – обязательна у русских, обязательна – у американцев.

Вежливость к женщинам – обязательна у русских, желательна – у американцев.

Вежливость к учащимся – допускает исключения у русских, не допускает исключений – у американцев.

Вежливость к учителям и преподавателям – не допускает исключений у русских, допускает исключения – у американцев.

Вежливость обслуживающего персонала – допускает исключения у русских, не допускает исключений – у американцев.

Коммуникативное давление

Стремление к модификации поведения собеседника – повышенное у русских, низкое – у американцев.

Настойчивость в достижении коммуникативной цели – заметная у русских, невысокая – у американцев.

Стремление к модификации картины мира собеседника – заметное у русских, отсутствует – у американцев.

Допустимость вмешательства в общение и поведение других – повышенная у русских, отсутствует – у американцев.

Частота модифицирующих речевых актов – заметная у русских, низкая – у американцев.

Коммуникативный контроль

Внимание к своей собственной речи – не выраженное у русских, заметное – у американцев.

Внимание к содержанию речи собеседника – заметное у русских, низкое – у американцев.

Коммуникативная рефлексивность – низкая у русских, заметная – у американцев.

Стремление к коррекции собственной речи – низкое у русских, заметное – у американцев.

Стремление к модификации речи собеседника – повышенное у русских, низкое – у американцев.

Прогнозирование результатов своей коммуникативной деятельности – низкое у русских, заметное – у американцев.

Тематическая направленность общения

Допустимость откровенного разговора по душам – высокая у русских, низкая – у американцев.

Широта обсуждаемой информации – высокая у русских, пониженная – у американцев.

Интимность запрашиваемой информации – высокая у русских, пониженная – у американцев.

Интимность сообщаемой информации – высокая у русских, пониженная – у американцев.

Интимность обсуждаемой информации – заметная у русских, невысокая – у американцев.

Широта обсуждаемой проблематики – очень высокая у русских, пониженная – у американцев.

Проблемность повседневного общения – высокая у русских, низкая – у американцев.

Оценочность общения – высокая у русских, невысокая – у американцев.

Коммуникативный пессимизм – выраженный у русских, отсутствие – у американцев.

Искренность – высокая у русских, невысокая – у американцев.

Откровенность в общении – повышенная у русских, пониженная – у американцев.

Доля юмора в общении – низкая у русских, высокая – у американцев.

Степень табуированности – невысокая у русских, заметная – у американцев.

Комплиментарность общения – невысокая у русских, высокая – у американцев.

Эвфемистичность общения – невысокая у русских, высокая – у американцев.

Любовь к рассказыванию анекдотов – заметная у русских, низкая – у американцев.

Широта тематики анекдотов – очень высокая у русских, невысокая – у американцев.

Допустимость грубой лексики при рассказывании анекдотов – заметная у русских, низкая – у американцев.

Стремление к откровенным разговорам – высокое у русских, низкое – у американцев.

Дискуссионность

Стремление к достижению компромисса – низкое у русских, высокое – у американцев.

Публичное обсуждение разногласий – допустимо у русских, не принято – у американцев.

Допустимость эмоционального спора – заметная у русских, низкая – у американцев.

Ориентация на сохранение лица собеседника – отсутствует у русских, низкая – у американцев.

Допустимость эмоционального спора – повышенная у русских, низкая – у американцев.

Готовность к критике собеседника – высокая у русских, низкая – у американцев.

Готовность вступить в спор – повышенная у русских, пониженная – у американцев.

Удовольствие от победы в споре – заметное у русских, невысокое – у американцев.

Стремление к победе в споре – повышенное у русских, невысокое – у американцев.

Неприятие критики собеседника – очень вероятно у русских, возможно – у американцев.

Использование антиконфликтной тематики общения – редко используется у русских, достаточно широко используется у американцев.

Перебивание собеседника – широко распространено у русских, недопустимо – у американцев.

Сосредоточенность спора на решении проблемы – очень низкая у русских, высокая – у американцев.

Интерес к спорам и конфликтам окружающих – заметный у русских, пониженный – у американцев.

Любовь к осуществлению критики – выраженная у русских, слабо выраженная – у американцев.

Антиконфликтная тематика общения – редко используется у русских, достаточно широко используется – у американцев.

Демонстрация сочувствия к проигравшему в споре собеседнику – низкая у русских, заметная – у американцев.

Демонстрация уважения к победителю в споре – заметная у русских, повышенная – у американцев.

Возможность перебивания собеседника – повышенная у русских, отсутствует – у американцев.

Возможность критики предметов, принадлежащих собеседнику – низкая у русских, отсутствует – у американцев.

Отношение к инакомыслию – осуждается у русских, приветствуется – у американцев.

Предпочитаемый круг общения

Стремление к постоянству круга общения – заметное у русских, мало заметное – у американцев.

Соотношение группового общения и диалога – предпочтение группового общения у русских, равнозначность – у американцев.

Предпочитаемые группы общения – малые и средние у русских, равнозначность – у американцев.

Коммуникативная неприкосновенность

Коммуникативная дистанция

Дистанция общения – короткая у русских, большая – у американцев.

Стремление к сокращению дистанции – выражено у русских, слабо выражено – у американцев.

Физический контакт

Физический контакт собеседников – достаточно распространен у русских, мало распространен – у американцев.

Разумеется, приведенное выше обобщенное сопоставительное описание коммуникативного поведения русских и американцев не дает сколько-нибудь исчерпывающей картины коммуникативного поведения двух народов (более полное описание см.: Очерк американского коммуникативного поведения, 2001, Американское коммуникативное поведение, 2001, Стернин, 2001), в приведенном виде – это попытка наглядно описать и представить некоторые наиболее яркие коммуникативные категории, в рамках которых наблюдаются наибольшие различия коммуникативного сознания русских и американцев. Эти категории – *контактность, вежливость, коммуникативное давление, коммуникативный контроль, тематическая направленность общения, дискуссионность, предпочитаемый круг общения, коммуникативная неприкосновенность*. Именно в рамках этих коммуникативных категорий наиболее ярко выявляется специфика коммуникативного сознания русских и американцев.

3. Опыт изучения русского коммуникативного сознания

Коммуникативные категории как составляющие коммуникативного сознания практически не исследованы. Вместе с тем, с теоретической точки зрения изучение коммуникативных категорий позволит понять как саму структуру коммуникативного сознания человека, так и механизм реализации коммуникативных категорий в процессе общения, а также позволит выявить национальное своеобразие коммуникативных категорий.

Приведем примеры описания некоторых русских коммуникативных категорий. Подчеркнем, что исследование русского коммуникативного сознания находится еще на предварительном этапе и по данным категориям выполнены далеко не все необходимые исследовательские процедуры. Тем не менее, приводимый ниже материал позволит представить как методику, так и форму описания результатов исследования.

Для русского коммуникативного сознания приоритетной является базовая (то есть основная, наиболее яркая, объемная по содержанию, ценностно нагруженная, имеющая многочисленные горизонтальные и вертикальные связи с другими категориями) категория «общение», которая несет для русского коммуникативного сознания положительно-оценочный знак. Общение рассматривается русским коммуникативным сознанием как приоритетная форма проведения времени в обществе, важнейшее средство формирования добрых отношений между людьми, важнейшая сторона гостеприимства. Знакомые люди должны регулярно общаться; высоко ценится общение неофициальное, «без галстуков» — оно рассматривается как наиболее искреннее и эффективное. В западных коммуникативных культурах категория «общение» не представлена в национальных концептосферах столь ярко и императивно. Коммуникативная категория *общение* представлена в русском коммуникативном сознании на уровне ценности, имеет духовную значимость.

В рамках категории *общение* концепт *неофициальное общение* образует оппозицию концепту *официальное общение*: первое считается эффективным, искренним, желанным, «настоящим» общением, к которому необходимо стремиться, которое доставляет наслаждение, разговор по душам — лучший разговор; второе рассматривается как вынужденное, чисто принудительное, неискреннее, малоэффективное, его лучше сводить к минимуму.

Категория *светское общение* имеет негативный оценочный знак, рассматривается как искусственная, неискренняя форма общения, суррогат настоящего общения. Русские стараются скорее преодолеть этап светского общения и перейти к общению искреннему, неформальному.

В русском коммуникативном сознании слабо выражена *категория коммуникативной ответственности*: русское сознание слабо ориентирует носителя русского языка на контроль за соблюдением коммуникативных и речевых норм, на внимание к собственной правильной и культурной речи (опрос 500 воронежцев по телефону показал, что только сорока процентам носителям русского языка приятно, когда говорят культурно – для других это несущественно; только 32 процента опрошенных ответили, что всегда стараются соблюдать речевые нормы, причем две трети из них оказались женщинами).

В русском сознании фактически нет категории *языкового паспорта говорящего*. Не принято хвалить человека за культурную, грамотную речь, делать за это ему комплименты.

Сравнивая содержание категорий *родной язык* и *иностраннй язык* в современном русском коммуникативном сознании, нельзя не заметить, что современное сознание русского человека отдает приоритет иностранному языку перед родным, а в родном языке на бытийном уровне не считает большим грехом плохое владение родным языком и выражает пессимизм в отношении возможности обретения высокого уровня владения своим родным языком.

Именно эти особенности русского коммуникативного сознания объясняют заметное падение речевой культуры в современном российском обществе.

Анализ коммуникативной категории *родной язык* показывает, что категория *родной язык* в русском коммуникативном сознании не включает яркого положительно-оценочного отношения к своему родному языку, нет традиции положительно оценивать людей за хорошее владение своим родным языком. В русском коммуникативном сознании нет установки на совершенствование знаний в области родного языка в течение всей жизни, существует «простительное», добродушно-ироническое отношение к собственной языковой безграмотности, нежелание прилагать усилия для того, чтобы узнать, как правильно произносится то или иное слово, нежелание пользоваться словарями, прилагать усилия для совершенствования полученных в школе языковых знаний.

Существует установка сознания на неизменность речевой культуры человека от рождения – «Мы всегда так говорили, так всегда и будем говорить», установка на невозможность коррекции знаний в области родного языка в зрелом возрасте («поздно нас переучивать уже»).

Категория же *иностраннй язык* в русском коммуникативном сознании представлена исключительно позитивно – иностранный язык надо знать, надо прилагать усилия для его изучения, изучение иностранного языка оправдывает все затраты, иностранный язык нужен для жизни, знание иностранного языка полезно, высоко оцениваются люди, владеющие иностранными языками.

Категория *коммуникативной неприкосновенности* в русском коммуникативном сознании выражена слабо – русское коммуникативное мышление допускает в широких пределах вторжение в коммуникативное пространство другой личности – и в физическом смысле (дистанция, прикосновение, физический контакт), и в тематическом плане (в общении могут быть затронуты глубоко личные вопросы).

Русское сознание считает допустимым коммуникативное вторжение в сферу практически любой личности, почти в любых условиях.

Русское сознание не видит препятствий, чтобы заговорить с любым человеком. Можно делать замечания незнакомым людям, давать им советы, вмешиваться в беседу разговаривающих людей, чтобы задать одному из них вопрос, можно «вешать» свои проблемы на других, обращаться с просьбами об одолжении к незнакомым людям, можно высказать свое мнение по поводу того, что обсуждают рядом незнакомые люди – поправить их, разъяснить им их ошибку, можно близко подходить к человеку, дотрагиваться до собеседника и мн. др. Эстонский студент, проучившийся в МГУ в советское время 5 лет и проживший все пять лет в студенческом общежитии, получив диплом и собрав чемодан, чтобы навсегда уехать в Эстонию, не удержался и сказал на прощание своим русским соседям по комнате: «Все-таки у вас, русских, есть отвратительная привычка – каждый может в любое время войти в твою комнату и заговорить с тобой!» Все это можно рассматривать как проявление в русском коммуникативном сознании *принципа ограниченности коммуникативного суверенитета личности*.

Категория *толерантности* практически не представлена в русском коммуникативном сознании, она, только начинает формироваться на рефлексивном уровне на базе заимствованного термина в образованных слоях российского общества.

Категория *вежливости* противопоставлена категории *грубости*. Обе категории образуют дихотомию, ведущим элементом которой является *грубость, некультурность* (вежливость понимается преимущественно как *отсутствие грубости, некультурности*, а не как преимущественное использование вежливых языковых средств). Вежливость рассматривается как желательное качество общения, но допускающее исключения; более императивна вежливость к знакомым, чем к незнакомым («Ты мне никто, поэтому я тебе скажу...»).

Грубость фактически считается допустимой и извинительной в определенных ситуациях («меня довели...»), де-факто допускается грубость по отношению к незнакомым. Западное коммуникативное сознание делает упор именно на вежливость к незнакомым – именно к ним необходимо быть особенно вежливым, и именно по отношению к ним грубость в первую очередь недопустима.

Коммуникативный концепт *брань*, входящий в коммуникативную категорию грубость, демонстрирует в русском сознании противоречивость установок: рецептивно брань осуждается, бытийно – допускается и даже объясняется необходимость брани. Ср. отражение данной категории в пословицах и поговорках:

с одной стороны – *бранью праву не быть, худое слово доведет до дела злого, недоброе слово что огонь жжет, в спорах да вздорах пути не бывает, кто ругается, у того лошадь спотыкается, глоткой не много навоюешь, горлом не возьмешь, бранью не выпросишь;*

с другой стороны – *брань на вороту не виснет, брань не дым, глаза не ест, брань очей не выест, брань в боку не болит, брань не киснет, ветер носит, брань не запас, а без нее ни на час, не выругавшись, дело не сделаешь, не обругавшись, и замка в клетке не откроешь, поругаться – душу отвести, подраться – сердце вытрясти.*

Категория грамотность не относится к разряду ярких и приоритетных в сознании русского человека, на рефлексивном уровне она рассматривается как желательное явление, а на бытийном – как не обязательное, а малограмотность – простительное.

Категория *спор* в русском сознании часто содержит положительно-оценочный знак, спор считается хорошим проведением времени в дружеском общении; русские любят спорить, наблюдать споры и оценивать, кто спорил лучше.

Не важна в русском сознании категория *сохранения лица собеседника* – побежденного в споре собеседника можно оставить

огорченным и обиженным, можно не скрывать свою радость от победы в споре.

Категория *коммуникативного давления* в русском коммуникативном сознании представлена очень широко и разнообразно. Русское сознание допускает оказание коммуникативного давления на собеседника в широких пределах. Допускается настаивание на своей просьбе, употребление грубых слов, использование угрозы, множественное повторение просьб, требовательная интонация. Прямые указания преобладают над косвенными формами побуждения.

Категория *коммуникативной серьезности* ориентирует русское сознание на демонстрацию серьезности при обсуждении любых важных вопросов, при решении серьезных, важных задач. Улыбчивость отождествляется с несерьезностью, несосредоточенностью на решении проблемы.

4. Экспериментальные методики изучения коммуникативного сознания

Покажем на примерах приемы изучения некоторых явлений коммуникативного сознания – психологически реальных значений, коммуникативных категорий и коммуникативных концептов.

Абстрактная лексика в языковом сознании русской молодежи

Психологически реальное значение слова в коммуникативном сознании носителя языка, как правило, не совпадает со словарным значением данной единицы в толковом словаре. При этом разные возрастные, гендерные, профессиональные группы носителей языка демонстрируют заметные различия в структуре значений одних и тех же слов в их языковом сознании. Исследовать психологически реальное значение слова в сознании носителя языка можно экспериментально; покажем это на примере изучения психологически реальных значений абстрактных русских слов в сознании российских старшеклассников.

Исследование Е. И. Грищук, выполненное под нашим руководством, показало, что набор семантических компонентов, которые образуют значение абстрактного слова в сознании старшеклассников, практически всегда оказывается значительно меньше «словарного» по объему. Кроме того, многие испытуемые утверждают, что они знают значение того или иного слова из предъявленных в экспе-

рименте, а в результате выясняется, что представление учащегося о соответствующем значении очень часто либо ложное, либо содержит достаточно яркие ложные, «неправильные» семантические компоненты, либо он, не отдавая себе в этом отчета, подменяет значение анализируемого слова значением его паронима. В сознании старшеклассников незнание значения предъявленного слова часто сочетается с неоправданной уверенностью испытуемых в правильности их собственного понимания.

На предварительном этапе исследования был определен круг лексики для изучения. Для отбора слов был использован Частотный словарь русского языка под редакцией Л. Н. Засориной (М., 1977), частотный словник которого содержит слова с частотой 10 и выше. Отобранные слова (130 слов), обладающие высокой частотностью употребления и демонстрирующие высокую коммуникативную релевантность в русском общении, были распределены по нескольким семантико-смысловым группам:

- морально-этическая лексика (совесть, достоинство, ответственность, правда и т. д.);
- общественно-политическая лексика (свобода, демократия, прогресс);
- субъективно-психологическая лексика (любовь, грусть, жалость, обида);
- коммуникативно-психологическая лексика (воспитание, молва, общение, такт);
- имущественно-прагматическая лексика (богатство, роскошь, бедность, быт);
- философская лексика (душа, прошлое, личность, право);
- интеллектуально-рациональная лексика (ум, талант, хаос, невежество).

За системное значение слова, с которым в эксперименте сравнивались реально представленные в сознании испытуемых компоненты значений абстрактных слов, были приняты сводные словарные дефиниции. «Сводились» они из дефиниций, представленных в Словаре русского языка С. И. Ожегова (1990), Словаре русского языка (в 4 томах) под ред. А. П. Евгеньевой (1981–1984), Большого толкового словаря русского языка С. А. Кузнецова (1998).

На следующем этапе проводилась проверка на известность испытуемым всех отмеченных словарями значений методом опознания ими значений по предъявляемому письменно списку. Предлагалась следующая инструкция:

Просим вас отметить любым знаком около каждого из значений:
знаю и употребляю;
знаю, но не употребляю;
не знаю.

Если испытуемый отвечал по тому или иному значению *знаю и употребляю* или *знаю, но не употребляю*, ему предлагалось:

продолжить фразу типа: *душа – это...*

объяснить значение данного слова человеку, который его в первый раз слышит (иностранцу);

описать зрительный образ, вызываемый словом;

назвать слово, близкое по значению;

назвать слово, противоположное по значению.

При обработке результатов полученные данные суммируются и обобщаются. Выделяются отдельные семантические компоненты, которые ранжируются по яркости их представленности в языковом сознании испытуемых (соответственно частотности выделения испытуемыми каждого признака). Сходные семантические компоненты объединяются, а частота их «отмеченности» в эксперименте суммируется.

Рассмотрим применяемую методику на примере слова *бдительность*.

***Бдительность* в словарях определяется так:**

Очень внимательный, неослабно настороженный (бдительность) (Словарь Ожегова)	Настороженность, неослабное внимание. (Словарь Евгеньевой)	Проявляющий постоянное, неослабное внимание к кому-, чему-л. Проникнутый неослабным вниманием; выражающий его. (Словарь Кузнецова)
---	---	--

Строится сводное системное значение слова: *Настороженность, постоянное неослабное внимание к кому-, чему-либо.*

В результате анализа результатов эксперимента получены и ранжированы следующие психологически реальные для языкового сознания 50-ти испытуемых компоненты значения:

Внимательность, внимание, наблюдательность 23, осторожность 7, настороженность 6, подозрительность 2, чрезмерная мнительность 2, зоркость 2, сосредоточенность, собранность 2, умение быть начеку, все-

гда наготове 2, думать, что говорить и кому 1, трезвый ум 1, ответственное отношение 1, поступать правильно 1.

Таким образом, психологически реальное значение существенно отличается от словарного: компонент *настороженность* относится к периферии значения, ядерным компонентом является *внимательность, внимание*; в значении достаточно ярко выявляется дополнительный компонент *осторожность*, присутствуют оценочные компоненты – как позитивные (ответственное решение, трезвый ум, поступать правильно), так и негативные (подозрительность, чрезмерная мнительность); таким образом, слово оказывается двуоценочным. Также обнаруживается компонент, характеризующий психофизическое поведение бдительного человека: быть начеку, всегда наготове, думать, что говорить и кому, сосредоточенность, собранность, зоркость.

Именно в таком семном составе значение слова бдительность представлено в языковом сознании старшеклассников.

Концепт НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК в русском коммуникативном сознании

Предметом исследования стало восприятие русским коммуникативным сознанием концепта *немецкий язык*. Были опрошены российские студенты: 51 человек, которые не общались с немцами, и 13 студентов, которые имели опыт общения с немцами. Кроме того, был проведен эксперимент с русскоязычными переселенцами в Германии – было опрошено 37 человек.

В исследовании использовался направленный ассоциативный эксперимент. Выявлялась также возрастная и гендерная специфика исследуемого концепта в русском языковом сознании.

Испытуемым задавался вопрос: *Немецкий язык – какой?* (вопрос записывался на доске). Предлагалось письменно дать 3 реакции на предъявленный стимул.

Результаты эксперимента с носителями русского языка

Немецкий язык – какой?

Носители языка, не общавшиеся с немцами (51 чел, 21 – мужского пола, 30 – женского пола): резкий 25, грубый 24, немелодичный 11, лающий 8, командный 7, ж. сложный 7, отрывистый 4, свистящий 4, неприятный 3, некрасивый 3, м. несложный 3, ж. четкий 3, ж. легкое произношение 2, м. выразительный 2.

Примечание: буквами Ж и М обозначены признаки, выделенные только мужчинами или только женщинами.

Гендерные различия

Ж., 30 чел.: грубый 14, немелодичный 11, резкий 10, сложный 7, несложный 7, неприятный 5, отрывистый 4, свистящий 4, лающий 3, некрасивый 3, командный 2, легкое произношение 2, лаконичный, непонятный, громкий, быстрый, четкий, эротичный, строгий, звучный, ритмичный, нужный для изучения 1.

М., 21 чел.: резкий 15, грубый 10, лающий 5, командный 5, неприятный 3, несложный 3, выразительный 2, четкий 2, примитивный, ритмичный, красивый, глупый, длинные слова, короткий в произнесении 1.

Носители языка, которые общались с немцами (13 чел., 5 мужского пола и 8 женского): грубый 13, резкий 10, трудный 4, интересный 2, строгий, ритмичный, четкий, лаконичный, эротичный, короткий в произношении, быстрый, громкий, легкое произношение 1.

Русскоязычные переселенцы в Германии. Состав испытуемых: 37 человек (18 м., 19 ж.)

Возрастной состав: до 25 лет – 7 чел., 26-40 – 13 чел., 41-60 – 14 чел., 61 и старше – 3 чел.

Срок пребывания в Германии: 3-6 месяцев – 20 чел., 7 мес. – 1 год – 14 чел., 1 год – 1,5 года – 3 чел.

Результаты:

трудный сложный 20, нетрудный, не очень сложный 13, интересный 8, непонятный 7, понятный 4, логичный 4, очень сложные слова 2, красивый 2, увлекательный 2.

Исследование показало, что стереотипным для русского коммуникативного сознания является следующий образ немецкого языка: *резкий, грубый, немелодичный, лающий, отрывистый, свистящий, командный, сложный.* В структуре образа преобладает негативная эстетическая оценка языка.

Знакомство с немцами, общение с ними ведет к определенным изменениям в коммуникативных представлениях о немецком языке.

В коммуникативном сознании переселенцев происходят изменения, отражающие прежде всего испытываемую ими трудность при изучении нового языка – признак трудный резко усиливается, становится центральным в концепте, но при этом практически исчезают негативные эстетические характеристики этого языка – нет таких признаков как *грубый, резкий, мелодичный, свистящий, командный, лающий*. Это означает, что достаточно резкое изменение коммуникативного сознания возможно в условиях интенсивного изучения языка. Поверхностный же опыт общения с носителями немецкого языка к смене стереотипа не ведет, и негативный эстетический стереотип немецкого языка остается яркой чертой коммуникативного сознания россиян.

В коммуникативном сознании русских переселенцев доминантными признаками немецкого языка оказываются признаки *сложный, несложный, интересный, непонятный, понятный, логичный*. Обращает на себя внимание не только высокая яркость признака *сложный* (20 ии), но и явная противоречивость основных признаков, что отражает, видимо, субъективный опыт переселенцев в освоении немецкого языка: более молодые и образованные, имеющие успехи в его освоении, находят его более простым, более старшие и менее образованные – сложным. Отметим также достаточно высокую яркость признака *интересный* (8 ии), что отражает формирование в коммуникативном сознании переселенцев концепта «познавательная ценность языка», отсутствующего в данном концепте в коммуникативном сознании носителей русского языка в России.

Гендерная специфика коммуникативного сознания русских переселенцев применительно к концепту *немецкий язык* проявляется в следующем:

выделили только женщины: *сложный* 7, *четкий* 3, *легкое произношение* 2;

выделили только мужчины: *несложный* 3, *выразительный* 2.

Кроме того, женское сознание более ярко фиксирует неодобрительное эстетическое восприятие немецкого языка.

Концепты РУССКИЙ ЯЗЫК, НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК, АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК, ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК в коммуникативном сознании российских студентов

Л. М. Марковой под нашим руководством было проведено экспериментальное исследование концептов *русский язык, английский язык, французский язык, немецкий язык* в коммуникативном созна-

нии молодежи. Было опрошено 120 человек, из них – 60 мужчин и 60 женщин в возрасте от 18 до 25 лет (студенческая молодежь).

Испытуемым предлагалась анкета, в которой необходимо было к каждому стимулу – наименованию конкретного языка – предложить ассоциативный ряд из трех прилагательных:

Английский язык – какой?

Немецкий язык – какой?

Русский язык – какой?

Французский язык – какой?

Обработка результатов показала, что английский язык и в мужском, и в женском сознании воспринимается с точки зрения трудности языка как *простой, легкий*; с точки зрения важности, актуальности – *нужный, необходимый, перспективный, престижный*; со звуковой стороны – *благозвучный, мелодичный*; а также – *универсальный, международный, распространенный, деловой, логичный, интересный*.

Разница между мужским и женским восприятием английского языка заключается в следующем: в мужском коммуникативном сознании это язык *однообразный, мягкий, навязчивый, грандиозный, иностранный, гордый, хамский*; а в женском – *богатый, строгий, современный, красивый, живой, официальный, четкий*.

Объективизация концепта «немецкий язык» в сознании молодежи выражается в следующих языковых формах: *лающий, грубый, агрессивный, воинственный, злой, четкий, лаконичный, чужой, незнакомый, сложный, трудный, неинтересный, скучный, специфический, необычный*. Мужчины характеризуют немецкий язык как *символический, разговорный, энергичный, металлический, правильный, понятный, научный*; женщины – *резкий, убедительный, некрасивый, неприятный, сдержанный, необходимый, распространенный, официальный, полезный*.

В мужском коммуникативном сознании французский язык характеризуется с точки зрения эмоционального отношения: *приятный, очаровательный, красивый, радостный, интересный, мягкий*; с точки зрения звукового восприятия: *быстрый, певучий, картавый, специфический*; по трудности: *сложный*. Восприятие языка через представление о национальных чертах его носителей: *романтичный, элегантный, аристократичный, манерный, чувственный, непринужденный, культурный, ненадежный, женственный*. Для женщин французский язык: *изысканный, мелодичный, культурный, красивый, разнообразный, мягкий, сложный, малораспространенный,*

экспрессивный, интересный, классический, откровенный, романтический, особенный.

Русский язык и в мужском, и в женском восприятии представляется как *родной, красивый, великий, сложный, любимый, понятный, привычный, свободный*. Со стороны претерпеваемых изменений: *искажаемый, извращаемый*. Для мужчин русский язык: *всеобъемлющий, выразительный, неконкретный, полезный, распространенный, универсальный, светлый, благозвучный*. В коммуникативном сознании мужчин присутствует негативная оценка языка: *«расхлябный», зависимый*. В женском сознании русский язык: *спокойный, добрый, поэтический, оригинальный, вариативный, противоречивый, но меткий, изучаемый, звонкий*.

Таким образом, «языковые» концепты в коммуникативном сознании русской молодежи (*английский язык, французский язык, немецкий язык, русский язык*) включают в себя эмоциональное отношение к языку, звуковые впечатления, представления о степени трудности и важности языка, а также представления о восприятии поведения его носителей.

Концепт РУССКИЙ ЯЗЫК в русском коммуникативном сознании

Экспериментальное исследование концепта русский язык на большом массиве испытуемых (210 человек, из них 150 – женщин и 60 мужчин) провела методом направленного ассоциативного эксперимента Л. А. Тавдгиридзе (Тавдгиридзе, 2002, 89–93).

Испытуемым предлагалось письменно ответить на вопрос «Русский язык – какой?». Предлагалось дать пять ассоциативных реакций, время на выполнение задания не ограничивалось.

Эксперимент позволил выявить общие представления взрослых носителей русского языка о своем языке, а также обнаружить возрастные и гендерные особенности данного концепта.

Всего в ходе эксперимента получено 1050 различных реакций. Сходные по смысловому содержанию ассоциаты обобщались.

Результаты эксперимента

Русский язык – красивый 133, сложный, трудный 99, богатый 74 родной 65, могучий 56, великий 42, нужный 35, интересный 34, необъятный, огромный 33, понятный, легкий, доступный 31, любимый 30, разнообразный, многогранный 27, музыкальный, песен-

ный, певучий, поэтический, переливчатый, льющийся 15, умный 11, прекрасный 11, беспардонный, пошлый, грубый, ругательный, матерный, скандальный 11, яркий, колоритный, красочный 11, чувственный, лирический 11, испорченный, замученный, скудеющий 10, засоренный, много заимствований 10, эмоциональный 9, всемирный, мировой, всеобщий 9, многонациональный 9, лаконичный 9, интернациональный 5, межнациональный 5, двусмысленный 3, ласковый 3, приятный 3, добрый 3, милый 3, хороший 3, чистый 2, светлый 2, популярный 2, неизученный до конца 1, непредсказуемый 1, неожиданный 1, крылатый 1, вечный 1, неповторимый 1, искусный 1, искренний 1.

Ассоциативное поле стимула «русский язык» членится на ядро и периферию.

К ядру относятся ассоциаты *красивый, трудный, богатый, родной, могучий, великий*.

К ближней периферии относятся: *нужный, необъятный, обширный, огромный, интересный, понятный, доступный, любимый, разнообразный, многогранный*.

Дальнюю периферию представляют ассоциаты: *музыкальный, певучий, поэтический, льющийся, переливчатый, умный, прекрасный, беспардонный, пошлый, грубый, ругательный, матерный, скандальный, яркий, колоритный, красочный, испорченный, замученный, скудеющий, имеющий много заимствований, эмоциональный, всемирный, мировой, всеобщий, многонациональный, интернациональный, межнациональный, лаконичный*.

Общими для мужского и женского восприятия являются ассоциаты: *красивый, трудный, свободный, родной, обширный, нужный, великий, могучий*.

Гендерная специфика концепта *русский язык* выявляется в следующем.

В коммуникативном сознании женщин присутствует такая оценка языка как *интересный 32, легкий 21, умный 11*, которая у мужчин практически отсутствует. Кроме того, для женщин характерна эстетическая оценка языка: *музыкальный, песенный, певучий, поэтический, переливчатый, льющийся, мелодичный, многозвучный 11, красочный, образный 5, чувственный, лирический 8*.

Для мужчин характерна утилитарная оценка языка: *необходимый, обязательный, полезный, нужный, важный 20*. Мужчины дают значительное число негативных оценочных реакций: *грубый, пошлой, ругательный, беспардонный, матерный 8*.

Мужчины также характеризуют русский язык как *засоренный, испорченный, имеющий много заимствований, скудеющий* 8.

Анализ возрастной специфики концепта «русский язык» показал, что в сознании возрастной группы молодежи 15-20 лет концепт *русский язык* представлен следующими признаками:

с точки зрения эмоционального отношения: *красивый, прекрасный, лучший, приятный, светлый, чистый, добрый, искренний, мягкий, неповторимый*;

- с точки зрения важности, значимости: *нужный, необходимый, вечный, всемирный, древний*;

- с точки зрения звукового восприятия: *поэтический, песенный, сдержанный, мелодичный, артистический, лирический, чувственный, сумбурный, специфический*.

В коммуникативном сознании студентов данной возрастной группы ассоциаты, связанные с положительной оценкой (*красивый, приятный, добрый, чистый, мягкий, любимый, ласковый...*), и утилитарный ассоциаты (*нужный, полезный, необходимый*) самые многочисленные.

В сознании возрастной группы 21–40 лет концепт *русский язык* представлен следующими признаками:

- утилитарная оценка (*нужный, обязательный, функциональный, многофункциональный, полезный*);

- одобрительная оценка: *интересный, цивилизованный, лаконичный, мудрый, искусный, эффективный, объективный, добрый, популярный*.

- неодобрительная: *нелогичный, противоречивый, засоренный, скудеющий, некультурный, пошлый*.

- оценка с точки зрения возможности изучения: *легкий, не трудный, понятный, доступный*.

Ядро концепта «русский язык» у испытуемых данной возрастной группы репрезентируется лексемами *родной, красивый, богатый, интересный, нужный*.

Основная часть лексических единиц, репрезентирующих концепт «русский язык» у старшей возрастной группы опрошенных (40–70 лет), характеризуется стилистически окрашенной лексикой, которая в большой степени представлена разговорными языковыми единицами и отражает исконно русское отношение к жизни: *заковыристый, бесшабашный, вертучий, балясный, колючий, дробный, захватский, хлесткий, ядовитый, горький, гордыбачий, жгучий, удалой, хитроумный*. Эти характеристики составляют 63 % ассоциатов данной возрастной

группы. Выявлены также ассоциаты, отражающие христианское представление о языке: *православный, божественный, христианский*.

Анализ результатов позволил следующим образом представить концепт «русский язык» в русской концептосфере. Наиболее яркими когнитивными признаками русского языка в коммуникативном сознании русского человека являются:

- положительная эстетическая характеристика, свойственная в основном женскому восприятию (*красивый, любимый, песенный, музыкальный, поэтический, мягкий, приятный, льющийся, ласковый*);
- трудный в усвоении (в равной мере выделяется мужчинами и женщинами (*трудный, сложный, нелогичный, не изученный до конца*);
- подвергающийся негативному воздействию (*скудеющий, много заимствований, замусоренный, засоренный*);
- негативная оценка языка в мужском восприятии (*ругательный, пошлый, матерный, скандальный*).

Коммуникативное сознание молодежи включает представление о нужности и важности изучения языка (*нужный, обязательный, полезный*).

В коммуникативном сознании людей старшего поколения основная часть лексических единиц, репрезентирующих концепт «русский язык», является разговорной, просторечной.

В русском коммуникативном сознании в целом в концепте русский язык наиболее яркими когнитивными признаками можно признать следующие: *красивый, богатый, сложный, нужный, родной, могучий, грубый, скудеющий*. В результате в концепте доминируют позитивная эстетическая оценка языка и прагматическое представление о его трудности, объемности и необходимости.

Обратим внимание на одновременное наличие противоречащих друг другу признаков – *красивый и грубый*, а также на наличие признака *скудеющий*, указывающего на возникшую тревогу за состояние родного языка. Последнее – результат общественной кампании в защиту русского языка, развернувшейся в последнее время в стране, несколько лет назад подобные признаки в русском коммуникативном сознании не отмечались.

Экспериментальное изучение категории РУССКИЙ КОММУНИКАТИВНЫЙ идеал

Важной категорией коммуникативного сознания любого народа является национальное представление о коммуникативном идеале.

Под коммуникативным идеалом понимается стереотипное представление об идеальном собеседнике, присутствующее в сознании народа. Коммуникативный идеал является неотъемлемой составляющей национальной коммуникативного сознания.

Коммуникативный идеал может быть представлен не только в сознании народа, но и в сознании части этнического коллектива, объединенной каким-либо социальным, возрастным, профессиональным, гендерным признаком. В таком случае речь будет идти о групповом коммуникативном идеале, что также представляет интерес для исследования.

В данном материале мы представим результаты начальной стадии проводимого нами экспериментального исследования русского коммуникативного идеала. На данном этапе результаты позволяют выявить основные, наиболее яркие составляющие русского коммуникативного идеала, а также позволяют проверить и откорректировать методику проведения эксперимента.

В исследовании была применена методика направленного ассоциативного эксперимента. Испытуемым предъявлялась инструкция следующего содержания:

«Просим вас принять участие в психолингвистическом эксперименте. Мы исследуем представления разных людей об идеальном собеседнике. Просим вас письменно ответить на следующий вопрос:

Идеальный собеседник – какой?

- 1.
- 2.
- 3.
- 4
- 5.

Время ответа на вопросы не ограничивается. Спасибо!»

Испытуемыми были студенты воронежских вузов, учителя Воронежа и Воронежской области, проживающие в городе, селе и районах, а также участники региональной научной конференции по культуре речи (Екатеринбург). Таким образом, контингент испытуемых – это образованные люди. Опрошено 103 человека, из них 29 мужчин, 74 женщины, 31 человек в возрасте 20–30 лет, 63 человека в возрасте 31–50 лет, 19 человек старше 50 лет. Городских жителей из опрошенных было 74, сельских – 25, 4 проживали в районах.

Эксперимент показал, что опрошиваемые не испытывают трудностей в ответах на поставленный вопрос, что свидетельствует о том, что коммуникативный идеал находится у русского человека в актив-

ной зоне коммуникативного сознания. Некоторые затруднения вызвала необходимость дать пять реакций, но в течение 3-4 минут большинство испытуемых справлялись с заданием.

В ответах испытуемых встречались признаки, которые в смысловом отношении фактически дублировали друг друга (типа умный и эрудированный, образованный и много знает и под., но они тоже обрабатывались и учитывались при подсчете, они рассматривались как дополняющие, уточняющие друг друга. Некоторые испытуемые давали больше пяти реакций. В результате дублирования некоторых признаков (один и тот же признак назывался испытуемыми два или даже три раза различными словами, все из которых учитывались) число зафиксированных реакций в одном случае (признак умеет слушать) даже оказалось больше, чем число испытуемых (111 при числе опрошенных 103), что свидетельствует о важности этого признака в языковом сознании опрошенных. Всего было получено 130 разных реакций.

При обработке результатов эксперимента близкие реакции объединялись по смысловому признаку в одну, а частотность реакций суммировалась; в качестве метаязыкового обозначения группы сходных реакций выбиралась, если это было возможно, наиболее частотная либо использовалось перечисление нескольких наиболее частотных реакций.

Результаты эксперимента

Приводятся реакции с указанием количества упоминаний данного признака во всем массиве ответов испытуемых. Приводятся реакции, встретившиеся не менее 5 раз.

Идеальный собеседник – какой?

Умеет слушать (111), умный, образованный, компетентный, эрудированный (103), веселый, с чувством юмора, оптимист (56), вежливый, воспитанный, с хорошими манерами, не грубый, тактичный (43), культурно, красиво говорит, грамотный, хороший русский язык (41), понимающий, способный понять (28), дружелюбный, доброжелательный (27), общительный, легкий в общении (22), умеет не спорить, соглашаться, ищет консенсус, не навязывает свою точку зрения (15), интересный, с разносторонними интересами (12), откровенный, открытый, искренний (12), спокойный, сдержанный (12), умеет дать совет (7), физически опрятный, аккуратный, приятно одет (7), интеллигентный (7), умеет убедить, владеет способами доказательства (6).

Анализ данного перечня показывает, что подавляющее большинство признаков коммуникативного идеала, выделенных испытуемыми, отражает идеализированное представление о толерантном собеседнике.

Напрямую это представление отражают признаки *умеет слушать, вежливый, воспитанный, с хорошими манерами, тактичный, не грубый, культурно говорит, понимающий, способный понять, дружелюбный, доброжелательный, умеет не спорить, соглашаться, ищет консенсус, не навязывает свою точку зрения, спокойный, сдержанный, интеллигентный;*

косвенно – общительный, легкий в общении, откровенный, открытый, искренний, веселый, с чувством юмора, оптимист.

Из ядерных признаков коммуникативного идеала, в общей сумме составивших в эксперименте массив объемом 499 признаков, 243 признака прямо отражают представление о толерантности собеседника (49%), а 90 – косвенно (18%). Таким образом, фактор толерантности составляет почти половину всех выделенных признаков, а с косвенными признаками – 67%, т. е. почти две трети.

Из оставшихся факторов отметим фактор интеллекта (21%), фактор качества речи (8%), фактор широты интересов (2,5%), фактор коммуникативной эффективности – умеет дать совет, умеет убедить, владеет способами доказательства (2,5%).

Можно сделать и предварительные выводы о гендерных и возрастных коммуникативных идеалах опрошенной аудитории.

Сопоставим данные в отдельных группах испытуемых по наиболее частотным для данной группы признакам:

Мужчины (29 чел.): умный – 22, умеет слушать – 20, умеет хорошо говорить – 11, понимающий, умеет сочувствовать – 6, общительный, легкий в общении – 5, веселый, остроумный – 5, много знает, разносторонний – 4.

Женщины (74 чел.): умеет слушать – 91, умный – 81, веселый, остроумный – 51, дружелюбный, доброжелательный – 25, понимающий, умеет сочувствовать – 22, общительный, легкий в общении – 17, откровенный, искренний – 11, спокойный, сдержанный, не кричит – 10, много знает, разносторонний – 8.

20–30 лет (21 чел.): веселый, остроумный – 34, умеет слушать – 21, умный – 15, дружелюбный, доброжелательный – 5, умеет не спорить, ищет консенсус, умеет соглашаться – 5.

31–50 лет (63 чел.): умеет слушать – 73, умный – 68, хорошая речь, красиво говорит, грамотный – 26, вежливый, тактичный, не грубый, культурный, хорошо воспитан – 24, дружелюбный, доброжела-

тельный – 21, веселый, остроумный – 17, приятно одет, внешне ак-
куратный – 11, внимательный – 9, спокойный, сдержанный – 7.

Свыше 50 лет (19 чел.): умеет слушать – 26, умный – 13, понима-
ющий, умеет сочувствовать – 7, веселый, остроумный – 5, дружелюб-
ный, доброжелательный – 4, откровенный, открытый, искренний – 4,
культурный, воспитанный, хорошие манеры – 4, умеет дать совет – 3,
умеет поддержать разговор – 3, общительный – 3.

Город (74 чел.): умеет слушать – 105, умный – 82, веселый, остро-
умный – 44, хорошо знает русский язык, красиво говорит – 33, общи-
тельный, простой в общении – 23, дружелюбный, доброжелательный –
19, понимающий, умеет сочувствовать – 16, хорошо воспитан, культур-
ный – 11, спокойный, сдержанный – 9, разносторонний, много знает – 8,
вежливый, тактичный, не грубый – 8, умеет дать совет – 7.

Райцентр (4 чел.): умеет слушать – 4, умный – 4, веселый, остро-
умный – 4, хороший литературный язык, грамотный – 3.

Село (25 чел.): умеет слушать – 23, умный – 9, веселый, остроум-
ный – 8, понимающий, умеет сочувствовать – 7, хороший русский язык,
умеет красиво говорить – 7, дружелюбный, доброжелательный – 6,
откровенный, искренний – 6, культурный, хорошо воспитан – 4, умеет
дать совет – 3.

Групповые коммуникативные идеалы, как видно из приведенных
данных, демонстрируют как сходства, так и различия, что свидетель-
ствует о необходимости их дальнейшего изучения.

Русский молодежный коммуникативный идеал

Отдельно был проведен эксперимент на выявление молодежно-
го коммуникативного идеала. 20 студентов коммерческого вуза на-
звали 92 разных характеристики, которые были обобщены в 18 при-
знаков: веселый 19, умеет слушать 14, умный 14, откровенный 9,
умеет не спорить 6, спокойный 6, много знает 5, искренний 5, не
перебивает 2, умеет сочувствовать 2, доброжелательный 2, умеет
поддержать разговор 2, вежливый, активный, мало жестикулирует,
честный, умеет дать совет, практичный 1.

Отдельные признаки были обобщены в коммуникативные фак-
торы. Частота реакций по отдельному фактору суммировалась.

Преобладают:

фактор контактности – веселый, откровенный, с юмором, искрен-
ний, много знает, умеет сочувствовать, поддержать разговор, добро-
желательный, активный – 45;

фактор толерантности – умеет слушать, умеет не спорить, спокойный, не перебивает – 28.

Две трети признаков относятся к этим двум факторам – это доминантные черты молодежного русского коммуникативного идеала. Если контактность свойственна русскому коммуникативному поведению в целом, то толерантность – нет. Молодежный коммуникативный идеал опирается на национально доминирующий фактор контактности и стремится к обретению толерантного собеседника.

Подводя общий итог, можно сказать, что налицо толерантность как ведущая черта русского коммуникативного идеала. Русское коммуникативное сознание ищет идеал в толерантном собеседнике, в таком, который выполнял бы роль внимательного, вежливого слушателя. Это, по-видимому, обусловлено такими национальными чертами русского коммуникативного поведения как высокая общительность, высокая коммуникативная активность русского человека, бескомпромиссность в споре, эмоциональность и искренность, стремление увеличить свой речевой вклад, завладеть коммуникативным вниманием, коммуникативный центризм русского человека.

Данные эксперимента, несмотря на их предварительный и ограниченный характер, свидетельствуют, что русское сознание готово к восприятию идеи толерантности.

Экспериментальное исследование категории русского риторического идеала

Было также проведено исследование русского риторического идеала по аналогичной методике: идеальный оратор – какой? идеальное выступление – какое? (Стернин, 2002).

Исследование (70 человек разного возраста и пола) показало, что идеальное выступление для русской аудитории – *интересное, краткое, эмоциональное, доступное аудитории, с жизненными примерами и «правильно построенное»*. Идеальный оратор – *опрятно одетый, умный, обаятельный мужчина лет 40, который говорит громко, эмоционально и с юмором*.

Таковы некоторые методики изучения категорий коммуникативного сознания. Изучение национального коммуникативного сознания представляет собой большой теоретический и культурный интерес, а также имеет важное прикладное значение для разработки мето-

дов формирования адекватного коммуникативного мышления личности в процессе ее обучения и воспитания.

Необходима разработка эффективных методик описания коммуникативного сознания различных групп носителей языка, а также актуальны конкретные исследования и описания коммуникативного сознания разных этносов, социальных, возрастных и гендерных групп.

Литература к главе V

1. *Американское коммуникативное поведение* / Ред. И. А. Стернин, М. А. Стернина. Воронеж., 2001.
2. *Большой толковый словарь русского языка* / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 1998.
3. *Маркова Л. А.* Иностранные и русский языки в коммуникативном сознании молодежи // *Культура общения и ее формирование*. Вып. 9. Воронеж, 2002.
4. *Очерк американского коммуникативного поведения* / Ред. И. А. Стернин, М. А. Стернина. Воронеж, 2001.
5. *Серебрякова Р. В.* Комплимент в английском коммуникативном поведении // *Иностранные языки в современной социокультурной ситуации*. Воронеж, 1999.
6. *Серебрякова Р. В.* Национальная специфика комплимента и похвалы в русской и английской коммуникативных культурах // *Язык, коммуникация и социальная среда*. Вып. 1. Воронеж, 2001.
7. *Серебрякова Р. В.* Особенности восприятия комплиментов в русском общении // *Язык и национальное сознание*. Вып. 2. Воронеж, 1999.
8. *Серебрякова Р. В.* Положительно-оценочные речевые акты в русском и английском коммуникативном поведении // *Культура общения и ее формирование*. Вып. 7. Воронеж, 2000.
9. *Словарь русского языка* / Под ред. А. П. Евгеньевой: В 4т. М., 1981–1984.
10. *Словарь русского языка* / Сост. С. И. Ожегов. М., 1990.
11. *Стернин И. А.* Опыт экспериментального выявления риторического идеала носителя русской коммуникативной культуры // *Риторические дисциплины в новых государственных образовательных стандартах*. М., 2002.
12. *Тавдгиридзе Л. А.* Концепт *русский язык* в русской концептосфере // *Язык и национальное сознание*. Вып. 3. Воронеж, 2002.
13. *Частотный словарь русского языка* / Под редакцией Л. Н. Засориной. М., 1977.

Заключение

Наша монография представляет читателю некоторые результаты коллективных исследований по проблеме «Язык и национальное сознание». Мы оцениваем полученные результаты как основу для дальнейшего движения по намеченному пути.

В фундаменте нашего труда лежат достижения отечественной и мировой науки в области изучения связи языка и мышления – достижения нейрофизиологии мозга, нейролингвистики, психоллингвистики, психологии и логики. Другой составляющей фундамента наших работ явились достижения современной когнитивной лингвистики, убедительно доказавшей, что через изучение семантических категорий языка можно проникнуть в сферу сознания говорящих людей.

В ходе наших исследований мы использовали научный аппарат психоллингвистики и когнитивной лингвистики, по возможности конкретизируя и уточняя его на фактическом языковом материале. Благодаря заинтересованному участию наших коллег и учеников нам удалось ввести в поле зрения большие участки системы языка. Обследовались семантемы отдельных лексем, семантическое устройство разных лексико-семантических и лексико-фразеологических групп и полей, синтаксические концепты, репрезентируемые в языке структурными схемами предложений и другими синтаксическими конструкциями. Двигаясь по целине семантического пространства языка, мы искали те пути – приемы и методики анализа, которые могли бы наилучшим образом способствовать проникновению в мир концептосферы того или другого народа. В нашей монографии читатель может видеть ряд таких примеров и методик, реализованных на живом материале языковых фактов.

С помощью этих методов и приемов мы старались решить три основных задачи:

- осмыслить типы и виды проявления национальных особенностей в языковой и когнитивной картинах мира;

- наметить некоторые методы и приемы для выявления национальных особенностей художественной картины мира;

- понять коммуникативное поведение людей на основе их национального коммуникативного сознания.

Очевидно, этими задачами решение проблемы «язык и национальное сознание» не исчерпывается, но на первых этапах разработки еще не виден весь ее диапазон. Во всяком случае, уже можно осознать всю громадность этой проблемы, весь долгий и трудный путь ее разработки. Чем больше будет выявлено этнических особенностей в языковом сознании, тем ярче проступят черты общечеловеческого сознания, на основе которых будет легче решать проблемы международного общения и взаимопонимания.

Исследования и публикации сотрудников кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета и членов теоретико-лингвистической школы кафедры по проблеме «Язык и национальное сознание»

По проблеме «Язык и национальное сознание» опубликованы следующие монографии:

Семантическая специфика языковых систем / Под ред. З. Д. Поповой. Воронеж, 1985. 10, 8 п. л.

Беляева Е. И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках. Воронеж, 1985. 10,5 п. л.

Семантическая общность языковых систем / Под ред. З. Д. Поповой. Воронеж, 1986. 11,7 п. л.

Полевые структуры в системе языка / Под ред. З. Д. Поповой. Воронеж, 1989. 12,1 п. л.

Стернин И. А., Флекенштейн К. Очерки по контрастивной лексикологии и фразеологии. Галле, 1989. 8 п. л.

Чернухина И. Я. Поэтическое речевое мышление. Воронеж, 1993. 11 п. л.

Стернин И. А., Флекенштейн К. Studien zur kontrastiven Lexikologie und Phraseologie. Voronez, 1994, 114 S. 7 п. л.

Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1996. 6,9 п. л.

Быкова Г. В. Лакунарность в лексической системе русского языка. Благовещенск, 1998. 15 п. л.

Быкова Г. В. Феноменология лексической лакунарности русского языка. Благовещенск, 1999. 11 п. л.

Волохина Г. А., Попова З. Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. Воронеж, 1999.

Стернина М. А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка. Воронеж, 1999. 7,25 п. л.

Топорова В. М. Концепт «форма» в семантическом пространстве языка. Воронеж, 1999. 11 п. л.

Копров В. Ю. Аспекты сопоставительной типологии простого предложения (на материале русского, английского и венгерского языков). Воронеж, 1999. 12 п. л.

Копров В. Ю. Сопоставительная типология предложения. Воронеж, 2000. 12 п. л.

Лемяскина Н. А., Стернин И. А. Коммуникативное поведение младшего школьника. Воронеж, 2000. 12,2 п. л.

Fomina Sinaida. Emotional wertende Lexik der Deutschen Gegenwartssprache. Woronesh, 2000. 12 п. л.

Гольдберг В. Б. Структурные связи в лексико-семантическом поле языка. Тамбов, 2000. 14, 5 п. л.

Чарыкова О. Н. Роль глагола в репрезентации индивидуально-авторской модели мира в художественном тексте. Воронеж, 2000. 12 п. л.

Очерк американского коммуникативного поведения / Под ред. И. А. Стернина, М. А. Стерниной. Воронеж, 2001. 12,9 п. л.

Стернин И. А., Шилихина К. М. Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж. 2001. 8,5 п. л.

Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001. 16 п. л.

Американское коммуникативное поведение / Под ред. И. А. Стернина, М. А. Стерниной. Воронеж, 2001. 14,2 п. л.

Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Изд. 1. Воронеж, 2001. Изд. 2. Воронеж, 2002. 12 п. л.

Разработка проблем национального своеобразия языка и сознания находит отражение в многочисленных *серийных публикациях кафедры* по проблемам сопоставительной лексикологии, семасиологии и коммуникативного поведения. Выпущены следующие сборники и коллективные монографии:

Сопоставительно-семантические исследования русского языка. Воронеж, 1979.

Сопоставительно-семантические исследования русского языка. Воронеж, 1980.

Семантические категории сопоставительного изучения русского языка. Воронеж, 1981.

Аспекты лексического значения. Воронеж, 1982.

Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака. Воронеж, 1983.

Семантические процессы в системе языка. Воронеж, 1984.

Семантическая специфика национальных языковых систем. Воронеж, 1985.

**Контрастивные исследования русского и немецкого языков.* Воронеж, 1986.

Семантическая общность национальных языковых систем. Воронеж, 1986.

Семантика слова и синтаксической конструкции. Воронеж, 1987.

Полевые структуры в системе языка. Воронеж, 1989.

**Актуальные проблемы включенного обучения: организация, научно-методические основы.* Воронеж, 1989.

**Проблемы функционирования и преподавания русского языка как иностранного.* Воронеж, 1990.

**Aktuelle Probleme der Beschreibung einer Sprache als Fremdsprache.* Halle, 1991.

Структурно-семантические исследования русского языка. Воронеж, 1994.

Контрастивное описание русского и немецкого языков. Воронеж, 1994.

Очерки по русско-немецкой контрастивной лингвистике. Воронеж, 1995.

**Kontrastive Beschreibung der Russischen und Deutschen Sprache.* Halle, 1996.

Контрастивные исследования лексики и фразеологии русского языка. Воронеж, 1996.

Язык и национальное сознание. Воронеж, 1998.

Язык и национальное сознание. Воронеж, 1999.

***Коммуникативное поведение.* Русское и финское коммуникативное поведение. Вып. 1. Воронеж, 2000.

**Linguistische Beschreibung slavischer Sprachen als Fremdsprachen.* Halle, 2000.

***Коммуникативное поведение.* Русское и финское коммуникативное поведение. Вып. 2. СПб., 2001.

Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001.

***Коммуникативное поведение.* Русское и финское коммуникативное поведение. Вып. 3. Воронеж, 2002

* Научные сборники, отмеченные звездочкой, подготовлены и опубликованы совместно с Институтом славистики университета им. М. Лютера (Галле) и отражают результаты исследований, проведенных совместно с немецкой стороной.

** Сборники, отмеченные двумя звездочками, подготовлены и опубликованы совместно с кафедрой русского языка университета Ювяскюля (Финляндия) и отражают результаты совместных исследований с финской стороной.

Язык и национальное сознание. Вып. 3. Воронеж. 2002.

Коммуникативное поведение. Русское и французское коммуникативное поведение. Вып. 1. Воронеж, 2002.

Докторские диссертации, защищенные на кафедре в рамках проблематики «Язык и национальное сознание»:

Беляева Е. И. Директивные речевые акты в русском и английском языках. М., 1992.

Фомина З. Е. Эмотивность в русском и немецком языках. М., 1996.

Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика. Воронеж, 1998.

Копров В. Ю. Номинативный аспект структурно-семантического устройства простого предложения (на материале русского, английского и венгерского языков). Воронеж, 1999.

Быкова Г. В. Лакуарность как категория лексической системологии. Воронеж, 1999.

Топорова В. М. Концепт «форма» в семантическом пространстве языка (на материале русского и немецкого языков). Воронеж, 2000.

Стернина М. А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка (опыт разработки интегральной теории полисемии). Воронеж, 2000.

Гольдберг В. Б. Структурные связи в лексико-семантической системе языка (на материале русского и английского лексико-фразеологических полей «Биологическое существование объекта»). Воронеж, 2000.

Чарыкова О. Н. Роль глагола в репрезентации индивидуально-авторской модели мира в художественном тексте. Воронеж, 2000.

Колодина Н. И. Теоретические аспекты понимания и интерпретации художественного текста (на материале русского и английского языков). Воронеж, 2002.

Исследования и публикации межрегионального Центра коммуникативных исследований филологического факультета Воронежского университета по проблеме «Язык и национальное сознание»

С конца 80-х гг. при кафедре общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета действует проблемная группа «Коммуникативное поведение», которая в 2002 г. вошла в межрегиональный Центр коммуникативных исследований, созданный на базе кафедры решением ученого совета филологического факультета.

Первым монографическим изданием по проблемам коммуникативного поведения в данном ряду была брошюра И. А. Стернина «Очерк русского коммуникативного поведения» (59 с.), вышедшая в 1991 г. в г. Галле (ГДР) в университете им. М. Лютера. В ней были кратко описаны особенности русского коммуникативного поведения в следующих стандартных коммуникативных ситуациях: *знакомство, обращение, встреча, прощание, общение с незнакомыми людьми, приглашение и планирование, гости, общение в семье, общение с соседями, очередь, транспорт, отдых, педагогическое общение, официальное общение, письменное общение.*

С 1994 г. ежегодно кафедрой выпускается сборник «Культура общения и ее формирование», в котором публикуются тезисы и материалы докладов одноименной ежегодной научной конференции. В каждом сборнике представлен раздел «Национальные, социальные и возрастные особенности общения», включающий публикации по национальному, возрастному, социальному и гендерному коммуникативному поведению. Эти и другие публикации отражены в библиографии О. В. Высочиной «Исследования по проблемам коммуникативного поведения, опубликованные членами воронежской проблемной группы «Коммуникативное поведение» в 80–90-х гг.» (Русское и финское коммуникативное поведение. Воронеж, 2000. Вып. 1. С. 88-98).

В середине 90-х гг. начинается подготовка диссертационных исследований по проблемам коммуникативного поведения.

Основными направлениями коммуникативных исследований в диссертационных исследованиях были проблемы национального (С. В. Никитина, К. М. Шилихина, М. В. Шаманова, С. В. Меликян, А. О. Стеблецова, О. В. Высочина) и возрастного коммуникативно-

го поведения (А. И. Марочкин, Н. А. Лемяскина, Е. Б. Чернышова). Под руководством И. А. Стернина защищены следующие диссертации:

Марочкин Александр Игнатович. Лексико-фразеологические особенности молодежного жаргона (на материале речи молодежи г. Воронежа). 1998 г. 10.02.01.

Никитина Светлана Валентиновна. Национальная специфика текста промышленной рекламы (на материале русскоязычных и англоязычных периодических изданий по вычислительной технике). 1998 г. 10.02.19;

Шилихина Ксения Михайловна. Вербальные способы модификации поведения и эмоционально-психологического состояния собеседника в российской и американской коммуникативных культурах. 1999г. 10.02.19;

Лемяскина Наталья Александровна. Коммуникативное поведение младшего школьника. 1999г. 10.02.19;

Шаманова Марина Владимировна. Лексико-фразеологическое поле «общение» в современном русском языке. 2000 г. 10.02.01;

Меликян Светлана Вячеславовна. Речевой акт молчания в структуре общения. Воронеж, 2000 г. 10.02.19;

Стеблецова Анна Олеговна. Национально-культурная специфика делового текста (на материале английского и русского языков). 2001г. 10.02.19;

Высочина Ольга Владимировна. Понимание значения иноязычного слова (психолингвистическое исследование). 2001 г. 10.02.19;

Чернышова Елена Борисовна. Коммуникативное поведение дошкольника (психолингвистическое исследование). 2001 г. 10.02.19;

С 2000 г. проблемной группой в рамках проекта выпускается серия изданий «Коммуникативное поведение».

К настоящему времени в данной серии вышли:

И. А. Стернин. Коммуникативное поведение. Модели описания коммуникативного поведения. Воронеж, 2000.

Коммуникативное поведение. Русское и финское коммуникативное поведение. Вып. 1. Воронеж, 2000.

Н. А. Лемяскина, И. А. Стернин. Коммуникативное поведение младшего школьника. Воронеж, 2000. 12,2 п. л.

Коммуникативное поведение. Русское и финское коммуникативное поведение. Вып. 2. СПб, 2001.

Стернин И. А., Шилихина К. М. Коммуникативное поведение. Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж, 2001.

Очерк американского коммуникативного поведения. / Под ред. И. А. Стернина, М. А. Стерниной. Воронеж, 2001.

Американское коммуникативное поведение. / Под ред. И. А. Стернина, М. А. Стерниной. Воронеж, 2001.

Русское и финское коммуникативное поведение. Вып. 3. / Под ред. И. А. Стернина. Воронеж, 2002.

Русское и французское коммуникативное поведение. / Под ред. Р. А. Ермаковой, И. А. Стернина. Воронеж, 2002.

В монографии И. А. Стернина «Введение в речевое воздействие» (Воронеж, 2001) глава 4 «Национальные особенности общения» содержит обобщенное описание основных теоретических проблем исследования национального коммуникативного поведения. Рассматривается понятие коммуникативного поведения, понятия национального менталитета, национального характера, национального коммуникативного поведения и национального коммуникативного сознания, описаны доминантные особенности коммуникативного поведения англичан, немцев, французов, испанцев, национальные особенности речевого этикета разных народов; отдельные разделы посвящены систематическому описанию русского и американского коммуникативного поведения.

В настоящее время в процессе завершения находится международный сборник «Коммуникативное поведение. Русское и немецкое коммуникативное поведение. Вып. 1», готовятся сборники по русскому и английскому коммуникативному поведению, русскому и китайскому коммуникативному поведению, сборник по коммуникативному поведению народов мира. В печати находится монография Ю. Е. Прохорова и И. А. Стернина «Русское коммуникативное поведение».

В стадии завершения находится ряд кандидатских диссертаций по проблемам коммуникативного поведения – по проблемам комплимента в русском и английском общении, средствам установления контакта в русском, английском и американском общении, по русскому риторическому идеалу и некоторые другие.

К. М. Шилихина

Введение	4
Глава I. Язык и сознание: теоретические разграничения и понятийный аппарат	8
1. Понятие концептосферы	9
2. Понятие картины мира	10
3. Язык и мышление	14
4. Когнитивное сознание и языковое сознание	16
5. Языковое сознание и коммуникативное сознание	21
6. Национальная специфика мышления	22
7. Концептосфера и семантическое пространство языка	23
8. Концепт и слово	26
9. Концепт и значение	29
10. Полевая модель концепта	31
11. Типы концептов	36
12. Когнитивные классификаторы	37
13. Лакуны и концепты	41
14. Язык и художественная картина мира	42
15. Концептосфера и менталитет	43
16. Коммуникативное сознание и коммуникативное поведение	46
17. Национальный концепт как микромодель национального сознания	46
Литература к главе I	49
Глава II. Национальное языковое сознание и национальная картина мира	51
1. Некоторые приемы выявления национальной специфики языка	52
1.1. Национальная специфика семантики слова	52
1.2. Национальная специфика лексических группировок	55

1.3. Национальная специфика ассоциативно-вербальных сетей	56
2. Национальная специфика лексических подсистем	58
2.1. Формирование концептов в национальной концептосфере	58
2.2. Национальная специфика выражения концепта форма в русском и немецком языках	63
2.3. Национальная специфика ЛСГ глаголов самостоятельного перемещения в русском и немецком языках	75
2.4. Национальная специфика семантических связей (на материале русской и английской ЛСГ «Биологическое существование человека»)	90
2.5. Национальная специфика концепта <i>острый</i> в концептосфере английского и русского языков	95
2.6. Концепт <i>остроумный человек</i> в концептосфере английского и русского языков.	100
2.7. Национальная специфика ЛСГ «Плоды» в русском и английском языках.	107
2.8. Когнитивные классификаторы в семантическом поле абстрактных лексем русского и английского языков.	109
3. Национальная специфика грамматического языкового сознания.	129
3.1. Особенности полисемии в языках разных типов.	129
3.2. Подлежащность / бесподлежащность и личность / безличность в сопоставительной типологии предложения	141
Литература к главе II	151

Глава III. Лакунарность, безэквивалентность и национальная концептосфера

155

1. Лакуны и безэквивалентные единицы в лексической системе языка	155
2. Внутриязыковые лакуны и национальная концептосфера	170
3. Межъязыковые лакуны и национальная концептосфера	176
Литература к главе III	211

**Глава IV. Художественная картина мира в аспекте
ее национального своеобразия 212**

1. Художественная картина мира: индивидуально-авторское
и национальное 212
2. Национальное своеобразие метафоры формы в
художественном тексте 233
- Литература к главе IV 260

**Глава V. Коммуникативное поведение и национальное
коммуникативное сознание 262**

1. Коммуникативное сознание как предмет изучения 262
2. Национальная специфика коммуникативного сознания ... 266
3. Опыт изучения русского коммуникативного сознания 282
4. Экспериментальные методики изучения коммуни-
кативного сознания 286
- Литература к главе V 302

Заключение 303

Приложение 304

Исследования и публикации сотрудников кафедры общего язы-
кознания и стилистики Воронежского государственного университе-
та и членов теоретико-лингвистической школы кафедры по пробле-
ме «Язык и национальное сознание» 304

Исследования и публикации межрегионального Центра ком-
муникативных исследований филологического факультета Воро-
нежского университета по проблеме «Язык и национальное со-
знание» 308

Научная монография

ЯЗЫК
И НАЦИОНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ

ЛР ИД № 00437 от 10.11.99

Подписано в печать 16.09.02
Заказ № 381. Формат 60х84 1/16. Бумага офсетная
Объем 19,6 п. л. Тираж 500 экз.

Типография ВГУ
394000, г. Воронеж, ул. Пушкинская, 3